

№ I p 17 § II

Человечья наука, ученый по своему воспитанию,
по своим привычкам, по всему складу своей
души вывел из тишины своего кабинета
и положил свою руку на жизнь. Это —
несомненно величайший факт из новей-
шей истории. Наука и ее двигатели уже
не хотят больше служить жизни, поджи-
вая ей внешний мир — они ищут пере-
строить жизнь согласно тому идеалу,
который они назвали правдой, в этом
внешнем мире, который до сих пор, это
есть в нашей человеческой жизни — есть,
но до сих пор царит безмятежной покоем равного
существования. Там есть кротость, там
смысла кротости, там же кротость излучает чувство
восторга, там же кротость холода отчаяния —
всего этого и не учено. Все это складывается
вырваться из души человека, чтобы возвы-
сится его «до природы». Человеку науки это
было легче всего. Он от того и стал
исходить, что меньше всего знает ^{и цинично} (т.е. именно)
чувства, которых в природе — сколько не
полюди — никогда не увидишь. Он от того и
мог сидеть у себя в шкафу в своем каби-
нете среди костюмов, инструментов, прибо-
ров, всего мира Фауста. Он от того
столько видел в природе, что разучился
видеть в человеке. Он все кивал, кивал,
все сравнивал, все переосмысливал, все взвешивал:
теперь ему осталось объяснить человека
точно такими ^{такими} образом, ~~но~~ ^{но} ~~он~~ ^{он} ~~своего~~ ^{своего}
и явления, поддающиеся объективному
изучению.

Это «последнее слово науки» было на устах
уже каждого европейского интеллигента.
Вся Европа была готова произнести его, во всяком
учебе хозяйничал ученый, изобретатель, художник
и артист. Но никто не решался от него
высказаться, только не пришло еще время
или такое признание было ^{слишком} тяжело. В худо-
жественной литературе происходило мучи-
тельное брожение. С одной стороны

[illegible]

[illegible]

[illegible]

такое резко выраженное противление, что
не встречая протеста в художниках
Вообще не было типического человека
„дополнить и исправить“ т.е. замаски-
ровать естественные принципы скетчинга.
Многие красноречивы и поэтому считаются
художниками. Но это — большое подраза-
мление. Все на своем, все по своему убо-
женіе складывается перед алтарем
твоего Бога, которому никогда ни адекват-
но осуждения еще не получили. Они гово-
рят о красоте, а вы чувствуете, что
они почти „лижи“, прилижи и слеза детства,
да они и не сражаются злого. Нооборот,
они подчеркивают то обетов твоем,
что можно ^{возможности} (просто кресты руки, и прилижи
и слеза детства) и говорит так разнообраз-
ными и босящими изомы, мотиром,
наконец, совершенно художественная.
Но вы чувствуете, что они, как об одном
визитном извещении не могут гово-
рить, предварительного не умертвить
их. Вы словно владеть тем искусством
лирического царя, которому дано было
своими при основании все обращать
в золото. Но как Золотые не красиво — оно мертвы
в нем ~~жизни~~ ~~нравы~~, и Золотые изде-
лись ~~вот~~ ~~никогда~~ не сравнятся с их
высокими красотами истинной поэзии.
Но иначе — быть не может. Середина —
нравы. Ученый должен, либо убит
жить и ~~узнает~~ ~~наше~~ прилижи се
в обаянии своего видения, либо ^{отказавшись — по крайней мере при совр. саст. науки} ~~навыки~~
отказавшись от универсальных пона-
том. Изученному Первопринципу попра-
живается само собой: все душевной еднород-
ного танава, эти ему вовсе не трудно
убить акция. Вы ничем не осерти-
сты. Ноши мучи, воплещи, радости —
для него не существуют, все это ~~уста-~~
~~рости~~ ~~и~~ ~~они~~ ~~они~~ ~~ничего~~ ~~этого~~ ~~не~~ ~~знают~~,
либо знают в такой способ отмены, что
ему ничего не отойти отказать от

отъ этого. Идея чего — удивит жизнь празднич-
но, надъ чѣмъ разгорятъ истинные артисто-
ты. Люди, прежде всего най больше глубоко и живи-
чу светъ вавиис чюдъ ену кажется пастально
ничтожности, чѣмъ много познаний, чѣмъ
изъ вѣтисе на поверхности — онъ для него не
находить. Все это етоли незначительны
въ еи глазахъ, чѣмъ оно вовсе не можетъ
помогать екетели. Это нестижа — на-
всѣмъ мартъ, котораго киманого вѣн-
ний на его форму имѣть не можетъ. Поэтому
онъ еъ пренебрежительно вѣтисе ко всему
содержанию повой лирики. Но ето мѣтень
поэтъ зацѣпили за эту нѣтъ нѣтъ
вѣтисе и изъ за такой мѣтень
потерили дѣтисе — равновѣсис. Бѣтисе —
это, развѣренный бѣтисе, поавиис въ зеркала-
твой мѣтисе. Нелѣтисе и дѣтисе поэтъ
и что мѣтисе подъ коротенькими атмо-
сферическими современною поэмо? вѣтисе
мѣтисе. „Современный мѣтисе — вѣтисе дѣтисе мѣтисе,
дѣтисе, дѣтисе или дѣтисе, чѣтисе въ мѣтисе и
путешествующий, мѣтисе дѣтисе и чѣтисе,
дѣтисе приналичий дѣтисе, дѣтисе живущий вѣтисе
поэтъ мѣтисе и мѣтисе дѣтисе вѣтисе,
а по утрамъ читающий газету, мѣтисе обѣтисе
во второй этапъ; онъ не мѣтисе вѣтисе, чѣтисе
мѣтисе, но дѣтисе всего потому, что при мѣтисе
дѣтисе демократіи, среди которой мѣтисе вѣтисе,
дѣтисе значеніи общественнаго дѣтисе
вѣтисе вѣтисе еи значеніи, а вѣтисе еи мѣтисе
его претензий и затѣтисе сѣтисе потому, что мѣтисе
его вѣтисе вѣтисе вѣтисе вѣтисе вѣтисе
сѣтисе вѣтисе вѣтисе. Это, мѣтисе, мѣтисе мѣтисе
мѣтисе мѣтисе. Но мѣтисе мѣтисе? Не мѣтисе мѣтисе
сѣтисе слова дѣтисе: „Какой мѣтисе дѣтисе
мѣтисе мѣтисе, играя въ мѣтисе мѣтисе? Мѣтисе
бѣтисе мѣтисе, мѣтисе мѣтисе и мѣтисе, и мѣтисе мѣтисе
дѣтисе мѣтисе. Отъ дѣтисе мѣтисе мѣтисе
мѣтисе мѣтисе и мѣтисе подъ мѣтисе, чѣтисе мѣтисе
мѣтисе мѣтисе мѣтисе вѣтисе вѣтисе
мѣтисе мѣтисе вѣтисе мѣтисе мѣтисе
и мѣтисе мѣтисе мѣтисе? Мѣтисе мѣтисе, мѣтисе мѣтисе
„Мѣтисе мѣтисе,“ мѣтисе мѣтисе, мѣтисе мѣтисе,
мѣтисе мѣтисе мѣтисе! Мѣтисе мѣтисе, мѣтисе мѣтисе,
мѣтисе мѣтисе мѣтисе, мѣтисе мѣтисе мѣтисе, мѣтисе мѣтисе
мѣтисе мѣтисе? Мѣтисе мѣтисе — мѣтисе мѣтисе мѣтисе
мѣтисе мѣтисе. Мѣтисе мѣтисе вѣтисе мѣтисе мѣтисе.
Все мѣтисе мѣтисе мѣтисе мѣтисе мѣтисе мѣтисе

[illegible]

[illegible]

„Докогда еще будут люди глумиться над согражданин-
 ами, симпатии при звании раба великим
 почетом. Докогда еще будут негодовать они на судьбу,
 которая отирает их с эстремисскими маркера
 безконечного пространства ради того, чтобы разор-
 бить их в глупых жалах отъ входа в катартистиче-
 ский или капелли. Докогда еще они будут несправ-
 влять пренебрежением со стороны необходимости, ко-
 торую они должны были принять за закон? „
 Докогда еще будут иблуте сотни тысяч, миллионы
 людей, чья жизнь до сих пор является знанием выжи-
 вания, чья жизнь, докогда еще на земле будут царство-
 вать все то зло и все тот же ужас, который
 передает нам историю человечества — эти законы
 отдаленности дней до по воле времени — не это есть
 лишь следствие, естественный результат отомни-
 вений с необходимостью. Но что плачут, мы в то-
 рых или раба, видя, как уродуют эти
 нечеловеческие потребности, жизнь и цивилизация
 итти людей. Не ученым не понимают многого
 отнюдь. Зачем возмущаются против
 жизни геометрии? „ Наоборот, кто не глумит-
 ет восторженно удивлений при виде, ко-
 сальных сил, находящихся в самом сердце
 свои существующих, которые безпрерывно зовут
 кроби по чуждым сторонам мира, распределяют
 массу соков по безконечной сети артерий и
 раскидывают по поверхности всякой вещи
 токости и красоты? Наконец, кто не похвасту-
 ет собой вообще и ^{иначе} ~~изысканный~~ при откровении,
 что это то радостное законию приключается
 в ряды форм, что материя перекладывает
 постепенно в массы, что природа занам-
 ивается разумом и что идеал, о котором
 которого вращаются почти степенные заб-
 луденный все человеческий стремления, есть
 такое самое человеческое, в ходу которых
 работают, но взирая на наши протесты
 все еще великой. Пусть обитает в эти же
 исполненные пафоса, бегущие или краснореч-
 ие и повесающему на чужбине Юву савре-
 менной ученой. Если шопитва замيرا

растворитесь — вы же будете с этими
нашими обобщениями? Но наука нечувству-
ет, что в нашем мире «исча tout d'ele-
ment, si peu d'essence», она не знает проти-
воречия внутреннего. Ей ясно, что теории
науки эти не одно и то же, что метания отки-
даться от газа и она устанавливает
свою классификацию. Но всего ближе она
объясняет одни лишь понятия извне и не
чувствует в ней элементов, которые
для всякого научного труда противуполож-
ны самим собой. Поэтому, близкая, интим-
ная наука она навязала и внутреннему
и внешнему миру, что материя переко-
дится постепенно в идею, показала, что от
этого слова, постепенно «идеи», постепенно
идеи материю, постепенно замкнула ма-
терией. Вспомогательные науки только
отбросила, как не требующие объяснений,
идеи не составляющие для науки «мате-
рию». Они не видят призрака, в силу кото-
рой понятия, «отбрасывая» предвзятость право
на объяснение; они не знают, зачем, «преступ-
ление» требует себя самого, то «предиката»,
не заключающегося в понятии, хотя бы
такая или перпендикулярная, они не чувствуют,
что есть зло, из которого созерцание сегмента
силы природы никогда не примирит чело-
века. Они говорят о красоте — но потону-
ли, что она не имеет общей теории,
как всякое для него значительное
эволюционное развитие. Если бы они поняли, что и
она требует себя, «предиката», не заклю-
чающегося в начале, они бы и ее отвергли.
Да в сущности они так и поступили —
для него искусство лишь «равнодушное изоб-
разительное равнодушие природы». Всего собо-
рности наших откопаний хвосты —
ничего, всего способностей «изменить учетный
проект всего отвергнуть — и тем самым отменить
общее новое поле для завоеваний науки:
искусств. Наука, приналась за физический
дух, вооруженная самыми точными
и всепроникающими инструментами

личия собственному идеалу. В заключение
я ставлю о Меншике, не посредственно влиятельно
да и глупости и глупости, исполненных пови-
димому неподдельных восторгов пред-
худою от влиятельных творческих влиятель-
ных из поэзии - влиятельно также при-
мечание: "этот олимп и этот мир законен -
как для атакиса, так и для нравствен-
ного мира. Это то, что Меншик Святи-
Миром называет единственными композициями и
видит, если раньше не успели догадаться,
что право веруло относиться к Менши-
ку, а не все к тому-то "Закону", и что
"графиков, графиков и графиков" давно пова-
лились, исчезли, как и другие, что, и все видят
на плечах, что и глаза. И точно, и все видят
на что-то, но глаза - ничего. Если глаза мо-
гут обезличить мысли, то, конечно, и мысли
уничтожат обезличить глаза. Вот заключение
Меншика и Меншику. Если же Меншик не- 259
сильно психологичен, он сказал бы влиятельно
себе Меншику: человек - есть первая ма-
шина, управляемая с помощью механизмов,
расположенных к галлюцинациям, утомлению
незнакомыми и злыми страстями, неразумная
погруженность в себя, сильное влечение и похоть,
идеализм, влечение разума - так; воображение -
если единственное влечение и руководителем, и случаем?
ведет, символ очень непредвзятый и самый
способный объективности, и мир, и преступ-
ление, и безумие и смерть. Совершенно
так, как и в органическом мире - если бы
не горе, преступление, безумие и смерть. Но
для ученых эти слова ничего не значат,
они так и живут, что не вправду требо-
вать для "интереса", или того, что своими
"предикатами" особенной и историей. Словом
и случаем, но потому так строго воспринимать
показывать, когда речь идет об объективности
интересах, (ибо "случай" говорит о том, что
когда речь идет об объективности не нужно) - вот

книги, т. е. которые, подобно Борзельотти,
 не считали, что он отдался гостеприимству
 дано „пудовеей всенности“ (кроме пудовеей-
 ности и ничью уже не смгло предьявлять
 свои права - да и не права всенности) т. е. т. е.,
 что писаны стили Борзельотти и кроено-
 рство. Другое, нам алтуч Port-Royal.
 С. Б. Б. Б., упрямали его за некого и т. е. т. е.
 научную теорию. Брандес называл
 его гениальным, но односторонним
 по заслугам. Он писал его и т. е. т. е.
 др. Кнута, называл „его“ величай-
 шим из современных историков.
 Брандес ничего не прибавил.
 Но ~~кто-то~~ ^{он сам} ~~знал~~ ^{хотел} ~~хотел~~ ^{хотел}
 знавший ~~этого~~ ^{этого} оригинального шага
 и несчастный шаг из новых писа-
 телей, тот же поймавший, что именно „указал“,
~~прежний~~ ^{прежний} восторговался, что ~~вознамен-~~
 тным существованием в нем и т. е. т. е.
 Кнута, всю жизнь свою употребивший
 на то, чтобы убедить людей, что так
 надо и что он сам делает. Брандес,
 оставил в резерв к которому качествен-
 ность, чтобы не только говорить бес-
 таяще и т. е. т. е., но, чтобы и в са-
 мом жить доблестно не малыми
 радостями. Но концы врозь,
 что так прав. Но осуществляют его иде-
 алы представили далеким и т. е. т. е.
 а т. е. т. е., которые еще могли „ра-
 доваться“,

И т. е. т. е., которые не могли „радоваться“,
 как мы сказали, приехали „случай“
 для жизни человека за единственную
 закон - эти люди из серии „Матер-
 лика“. Они с прощанием и т. е. т. е.
 нием приняли научной вавод.

Но назвался еще одна категория,
 самая распространенная

Вспомогая ей, тем самым она признает
исключительное значение лиризма. Но восторжен-
ности пред лиризмом она не разделяет.
Наоборот, - вспомогая ей, Метерликом она
он называет "сильной судьбой", разрывая ^и
~~приговаривает, что это не судьба~~
на повод его огульности, - но в отчаянии
~~не сажаясь на него~~
ей приходится не хотеть. Оттого - и Метер-

и Метерликом односторонности. И восторжен, и ~~действительно~~
отчаяние ~~смысленно~~ не подходит к делу.

Восторжен - нечувствитель; а отчаяние - сентименталь-
но-искусственное. Самые правдивые отхо-
ждения из управляющей науки и судьбы
лиризм - это грустно недоумение. Ско-
ва называет тонкое понимание и много-
сторонности, с которыми соединяются,
дающие, все таки неодолимое чувство во-
лности безумия отчаяния. К этой кат-
егории людей особенно охотно прибегают:
она дает право на принадлежность к "ду-
ховной аристократии" и потерпевшейся,
но, тем не менее.

И в таком духе написана нечаянно во-
шедшая на немецком языке книга
Поэты Брандеса: "Вильгельм Мюллер".

Это - огромная книга, в 1000 страниц.

Ее задача вложить мировоззрение
Мюллера и поставить его ^в связь с собо-
тскими жизнью великого драматурга.

Брандеса возмущает, что в последние
времена "горят" произведения людей

"и майна" ^{в Германии и Америке} ~~директора~~
показаны на право Мюллера называть
авторами известных под его именем

драматических произведений. Она стоит силе про-
тесту против того, что "грубо" приписыва-
ются чужие, принадлежность и чужие.

Речь идет здесь о тех, которые называют
Бюхновской теорией. Негромоздко, Бюхнов-
ской теорией, ~~такая~~ та, которую

МБ 4731 § III

119

1061

и вобрать "полюс дилетанта" "удачной названа
бать не можется. Бюона очень трудно предста-
вить себе асторич, Ромео и Юлий", Лилиан
Лири. Но, что совершенно упущено из виду
Брандесса, что он не хочет знать и что
знание очень многовало - в особенностях ему, сочинявший
этой портрет и поучительных людей или
он свои и важные основания. Взглянув
и по Домсдун до нас или вярты
доблестей чужой невраждным услий
английским изгнать благородия свободны
от оценки Шекспира, а именно в своей
возможности хотя сколько нибудь связать
связи его с литературой для того чтобы
при полноте той способности обобщать
даже самые познательные факты, при
решиительности в заключении до нас той,
которую обнаруживает сама Брандесс -
приходится признать, что литературная оценка
Шекспира непонятны, невраждные даже
образы независима от условий, среди кото-
рых он жил и воспитывался. Мы знаем, что
он учился всего лишь до 14 лет. В то
возрасте отец принужден был взять
мальчика из школы, т. е. его дальнейшее
настоятельно разстроилось, что от обучения
сына нечего было думать. И вот в 14 го
21 года Вилиам не то является подручником
у своего отца-механика, не то служит Нисерном
в некоторых адвокатов. За эти время он учил-
вается ожидать на неграмотной арестантской
двух и сокращает провать себя грандиозным
настойно, что ему приходится понижать
враздоре и бжмать в Лондон, Веласкис
для отца приходить в итоге на период
в окончательное разстройство. В 18 / 1585 год
Шекспир в Лондон - стережет лошадей
знательных посетителей театра. Через
некоторое время он начинает исполнять
некоторые роли на в представлениях
в 1588-9 году на чужих или в первый

его произведений — не только Митчелл, а и другие авторы, в которых видны, только участие Меншера, как и ^{Киселин} безличных учений любви, принадлежащих уже несомненно его перу. Эти поговорки, по крайней мере, как сам Меншер произведений Меншера пригласить критиков и их самих к значущим. И неслучайно, все так и было, как ухаживать, да 14 лет вельмож мог написать. Мне говорили о литературных дарах. Как бы всеобщим и был бы талант писателя — все же и находится в известной подготовке. И тогда несомненно, законченного образа развития и вна дни внаго бы наивной строгости этой псевд. Да не открыты в ней учено-Бенюпа. Но для страждущего юности, еще недавно бывающего подручными в лабиринтах, переписывающего в которых безличных, стертых, тошноту и подвздошного танца свобода вращений и музических литературных изысканий, та же жесткость, с которой автор писал касался труднейших вопросов, и, наконец, сложность, с которой он рождался означают тогда модные изыскания, введенной Джи — безусловно западной. Приведены два ^{вн} невольничьих приморья, и именно именно, в которые не подвержены чужеродности, прежде постановкой этой псевд. в 1894 году при дворе.

Въ парадоксѣхъ гдѣ-то
и нѣтъ боя ни Любви дать глазамъ
чуждеск^{на} способно
чуждеск^{на} ~~тѣмъ~~ ^{чуждеск^{на}} прозрѣванію;
Влюбленный глазъ способенъ видеть
блуждающаго; влюбленный слухъ услышитъ
слабѣйшій звукъ, нѣжный дѣйствіи
опасливаго вара; ослышавъ влюбленный
Влюбленная чувствительнѣе любить;
Тѣмъ не менѣе роль чуждымъ, вчуждѣ влюбленнымъ
извѣщая насъ, что такъ же гастрономъ
въ сравненіи съ нѣмъ - обжора грубѣе. То-же
и въ доблестяхъ: любовь, какъ Геркулесъ,
на самомъ вершѣ держится исперхосами
разбирается безъ остатка. Любовь у
улика, какъ срѣка, чуждеск^{на} гармонична,
какъ лира Аполлона. Чуждѣ любви
заговорить - все боги начинаютъ
гармонично баяютъ небо.
На всей землѣ не вѣтрятъ и не поютъ.
Возвнувши кричатъ за перо,

риты по своему обаянию не могла не ~~полюбить~~ ^{довериться}.
Норингтон ^{доверился} в ^{приглашении} к обращению с ^{своими}
этими вопросами. Каким литературным ^{посредством} ~~был~~
сферой того разоблачения, который так о ней судил.
Никакой чужой в драматическом и замечательном
театральной постановке. Ну, конечно (вообще в себе)
с гротескных лезвий постыженно всасывали
в себя этот бегущий, подвижной, чуждый и
авторский язык, этот потоп чуждого и
с таким искусством. В тот же день, когда
приведенная в Лондон среди материальных
забот, обязательной работы, да догребая
иного бражничества и повесничества (эпохоты,
застало вливая в ^{доурачивая} Меленура), что
было ^{божественно}, да еще таинственно, уснуло ^{на} ^{восточном}
но отключившись дуновением. На всем ^{сладком}
труда являлись и видны. Все это
погода и ^{контрастная} восприимчивость и ^{вот}
то, что называется, божественный ^{творческий}
талант. В тот же день, безлюдном уснуло ^и
вадушаваеся как в вопросах о ^{идеях}, о ^{идеях},
о ^{идеях}. Все восприимчивость ^{впечатливается},
такими, какими они в ^{конец} ^{отражались},
передавали ^{на} ^{наше}. Но ^{сложно} ^{лучше} ^{было}
восприимчивость ^{впечатливается}, ^{чтобы} ^{не}
и ^{составляла} ^{определенная} картина!
Наше ^{лучше} ^{было} ^{быть} ^{подготовленным}
и ^{восприимчивость}, ^{чтобы} ^{они} ^{не} ^{пропадали}
даром. Пусть ^{не} ^{каким-то} ^{способом} ^{войдут}
в ^{публику} ^{заинтересованную}: ^и ^{потеряется}
только ^{картина} ^{темных} ^{масс} ^{сравн} ^{ему}
никого ^и ^{своего} ^{духа}, ^{который} ^{бы} ^{талантлив} ^{ли}
или ^{был}. ^{Вот} ^{тогда}, ^{когда} ^и ^{тогда}, ^{что}
уже ^{первая} ^{попытка} ^{Меленура} ^{стала} ^{уже}
^{то} ^{является} ^{причиной} ^{наше}
потом ^{наше}, ^{что} ^{известное} ^{фрагмент} ^и ^{он}
ожидая ^{не} ^{объясняют} ^{сво} ^{творчество}, ^{было}
того ^{когда} ^{идея} ^в ^{Редлимов} ^{противополо}
ности ^с ^{той}, ^{что} ^{говаривал} ^{наше} ^о ^{не} ^и ^{он}
литературных ^{произведений}. Но ^{все} ^{на}
на ^{порог} ^{этого} ^и ^{обзору} ^и ^и ^{Меленура}
становился ^{уже} ^в ^{тучи}, ^{ты} ^{голубые}
и ^{не} ^{надеюсь} ^{больше} ^и ^{остановка}. Как

11
теперь непонятно как много литера-
турной его деятельности, тогда писателю
такой будет непонятна всякая пере-
мена, проект сдѣлан въ его настроеній, кото-
рый такъ резко отразился на характерѣ
его произведений. Брандес добрую треть своихъ
книжъ посвящаетъ тому, что бы порисовать
намъ ~~идеологическую~~ физіологическую Менспира,
руководствуясь біографическими свѣдѣніями
и его литературными произведеніями. И все
тѣмъ его - напрасно. Біографическія свѣ-
дѣнія лишь соблазняютъ его на разныя
и разназначенія очень сомнительнаго до-
стоинства. А въ литературныхъ произ-
веденіяхъ онъ ухитрился такъ видѣть
автора, что ^у его и всегда нѣтъ, такъ какъ
дѣлаетъ ошибку, признавая лишь то, что Менспиръ
рисуетъ лишь то, что думали и чувство-
вали другіе. И вслѣдствіе этого подъ ру-
кой Брандеса постепенно настоящимъ
Менспиръ приближается къ тому
живому образу, который именуетъ
теперь, современнаго челоука. Нем-
ножко пессимизма, асамоубійца, коучи ревно-
претнаго, немножко аристократизма,
не въносящаго сѣвернаго запаха, по-
готоваго брать процентъ и утѣшиться имъ,
немножко равнодушія, пренебрегающаго
и теплотой и чувствленіемъ, но ^{не} бѣснующаго
какъ похотѣлъ на "объективнаго"
"холоднаго" и ко ^{не} тожноты похотѣлъ,
сводящаяся къ развитой ^{спасокопѣ} (ослабленій),
къ которой доза презрѣнія къ другимъ
именуемъ "толпой" и много уваженій
къ себѣ, казавшемуся Менспиръ ^{не} ^{не}
и надъ всеми этими - недоумѣніе, го-
ворящее, что собственно и безъ пессимизма,
и безъ аристократизма, и безъ презрѣнія,
и безъ самовлюбленія можно обойтись -
ибо въ переопредѣленіи претнаго роиъ
Александра Македонскаго - и кортванъ,
и Кокенъ, а не сѣмъ ваго. И тогда получитъ
такое удивительное и занятное

и этики Менепирь чужды
 представл^я перед^я ^{глазами} ~~всего~~ ^{всего} ~~кто~~ ^{кто} читает
 его с открытостью, восприимчивостью души,
 с здоровым умом и ездой, ~~данным~~
 способной пошатнуть ^{этот} ~~этот~~ образ.
 Сказано да ты, как пользу-
 ется безгражданности данности, для
 получения сазанного результата
 данний критик - ма не так.
 Его думают разсуждений, болоши
 чество написаны в односторонне
 лобном тоне, ибо предостоят моти-
 вировать переход Менепира от ко-
 медий и исторических хроник (траг-
 дий второго периода (после 1601 г.)) -
 исполнено гонимых, не представле-
 ющих интереса. Но оратория и
~~мне~~ ~~два~~ ~~момента~~, характерна. Уже
 то одно обстоятельство, что вступили
 Менепира на литературные поприще
 там задолго отнимают великую
 охоту и смелость в пошлостях в безгра-
 жданности данностях. Несомненно, что
 все усилия английских изследо-
 вателей ^{не} ~~справедли~~ ^{ничего}, кроме того,
 что удалось установить хронологи-
 ческую последовательность отгово-
 рков произведений великого поэта.
 Введение же отом, как он жил
 в молодости,

и все его догадки - в конце концов
 без полезной работы. Англичане из-
 ита гора Бумаги писали по поводу
 Менепира. Они считали все вещи, все
 документы, имеющие к нему отноше-
 ния и отношение. И тем не менее
 жизни его осталась для нас тайной.
 Единственный прочный результат, ко-
 торому привели их изыскания - это
 хронологическая дата для его произве-
 дений. Это - много впечатляет. Но
 свержая этого, ничего из жизни Менепира

не даетъ ни малѣйшаго основанія
къ еяльнѣ-нибуди до стѣверному ~~вѣдѣ-~~
~~ванію~~ ~~для~~ сужденія о его порокѣ вѣдѣнн.
Мы знаемъ, что въ такомъ-то году умеръ
у него отецъ, въ такомъ-то году ~~отецъ~~,
въ такомъ-то году мать. Знаемъ, что
покровители его Дессеи и Соуламъ токи
судили и были приговорены въ такомъ-
то году, изъ соображеній мы знаемъ, что
авторы или были влюблены въ какую-то
женщину, до рождѣнія которой не соот-
вѣтствовала ей красота, что она пони-
жала его и жила у него друга, знаемъ
еще, что онъ очень хлопоталъ въ мате-
ріальныхъ дѣлахъ и въ великому удо-
вольствію. Брандеса занимался дачею
рождѣнствъ и сущности ихъ,
знаемъ, наконецъ, что за три года до
смерти онъ покинулъ Лондонъ и пере-
селся на родину, что болѣе или не пи-
салъ и что оставилъ очень точное заво-
щаніе обо всемъ, что имѣло отношеніе
къ его личному дѣлу, но что въ этомъ за-
вощаніи о литературныхъ проэктовъ
никогда не упомянуто ни однимъ сло-
вомъ и что издавъ они были много лѣтъ
послѣ его смерти его друзьями. Изъ
этого знаемъ, что въ рукописяхъ его не
было поминъ и написана они были
на ивритѣ. Вотъ все біографическій
матеріалъ. Брандесъ разсѣ-
вываетъ его на очень сложной матеріи
и приводитъ къ появленію тѣхъ
или иныхъ литературъ псевд. Мендеса.
Но намъ кажется это безполезнымъ
дѣломъ, заранее обреченнымъ на без-
результатъ. Все въ этой біо-
графіи странно и непонятно. Мы
говорили о литературныхъ дѣлахъ
Мендеса. Скажемъ еще несколькоъ
словъ о послѣднихъ годахъ его жизни

которая тоже поразает нас своей странностью. Это только Брен-
дес не говорит, чтобы объяснить
иногда добровольное вступление Шекспира
от литературной глупости. Он, ~~посторонняя~~ ^{посторонняя} ~~мне~~ ^{мне},
спасается даже на Вольтера и говорит
"то, равно и чужое и чужое замечание
в со "Кандид" это - il faut cultiver
notre jardin". Эта мысль, говорит 988
он, имеет свою большую пользу, потому
исходит из души Шекспира. Между про-
чим в таком жалобном то-
м Брандеса написано сотни страниц,
будто бы о Шекспире пристало говорить
так. Но-иногда рты вперед. Вп-
рочитно ссыла на Кандида читателя
никого не объяснит. В Чужой ^{объясняет} ~~здоровый~~,
Архип, реальный человек удалится
на покой и за три года никого не пи-
шет, все возмужает свой сад. И,
Затем, эти еще страннее - обладая зна-
чительными средствами не издает своих
произведений и оставляет очень подробные
замечания, и слова не говорит в на-
ших изданиях, зная прекрасно, что его
дочери, из которых одна была поэтессой
даже, как-то не озабочивается его ли-
тературным именем. Брандес, похва-
ляясь противной волею бати пристаю
показать, что биография Шекспира достат-
очна вполне удовлетворителен сво-
ей, не сущаясь отныне обстоя-
тельств. Он находит, что оно как
небольшое согласие с "суверен- 997 1) суверенный отныне ^{тот же} ~~тот же~~ ^{тот же} ~~тот же~~
когда перебрания Шекспира" и слов.
Если бы не специальной необходимости
объяснить все, в il faut cultiver
notre jardin и суверенные перебра-
ния ~~никогда~~ не сойдут даже и за
и пожелают. Несомненно, что начало и
конца жизни Шекспира не объяснено

странно. Намъ мотъ они тамъ внезапно
обладаютъ тайной, волшебнаго ожеза и отъ
они тамъ неожиданно разбиты его — макетъ
они и никогда, нужно думать, не узнали этой.
Догадки, впрочемъ тѣхъ, которыя намъ при-
водитъ Грандесъ, способны лишь ^{ей} ~~своимъ~~
искусственною, привести къ заключенію,
что объясненій и бытъ не можетъ, что при-
мирить установленныя біографіи франтъ
въ тѣхъ представленіяхъ о Шекспирѣ, ко-
торые вошли въ знаменитыя въ сво про-
изведеніяхъ рожителю невозможны.

Встановимъ ^{лишь} ~~еще~~ на нѣкоторыхъ пунктахъ
біографіи Шекспира въ изобразеніи Гран-
деса. Датскій критикъ, ~~его~~ пересмотрѣв-
ше сохранившуюся къ Шекспировскую коррек-
пону и различнаго рода словеса антъ
дѣлаетъ слѣдующія два заключенія

1) "Вся эта переписка съ достаточной яс-
ностью доказываетъ, что Шекспиръ не раз-
дѣлялъ ~~тогда~~ ^{тогда} ~~оффици~~ ^{оффици} ~~господствовавшихъ~~
среди его современниковъ ~~оффициальныхъ~~
отъращеній къ процветанію, хотя въ веке-
цолонской нунтъ этой чертой ~~такой~~ ^{такой}
противостоятъ Шекспиръ Антонию

216

2) "Но ~~когда~~ Шекспиръ заставлялъ ~~своего~~
заместит. ~~прежнест~~ ^{идею} разрабой ~~могилы~~
вуртъ ~~этой~~ ^{этой} ~~смы~~ ^{смы} — то весьма вероятно ^{но} ~~что~~
былъ ~~именно~~ ^{въ} ~~виду~~ ^{самого} ~~себя~~."

217

И еще, приводя слова Шекспира: ~~вотъ тотъ~~
дуракъ, который раздаетъ даромъ свои дары,
Грандесъ говоритъ:

223

"Но самъ Шекспиръ не принадлежалъ
къ такому роду дураковъ. Онъ признаетъ
Антонію ~~идеологическимъ~~ ^{идеологическимъ}, ~~который~~ ^{ему} ~~былъ~~
недоступенъ и не соблазнила ~~его~~ ^{его} ~~подра-~~
~~жаніемъ~~."

И ~~такой~~ Шекспиръ, по французской біографіи
былъ ~~сущностию~~ ^{сущностию} ~~замкомъ~~ ^{замкомъ}, ~~сущностию~~ ^{сущностию}, ~~ростави-~~
~~комъ~~ ^{комъ} ~~этой~~ ^{этой} ~~не~~ ^{не} ~~мало~~ ^{мало} ~~ему~~ ^{ему} ~~писанъ~~ ^{писанъ} ~~Шекспиръ~~
~~заместит.~~ ^{заместит.} ~~даже~~ ^{даже} ~~Грунта~~ ^{Грунта}. ~~Художественно~~
~~чуждо~~ ^{чуждо} ~~по~~ ^{по} ~~Грандесу~~ ^{Грандесу}, ~~его~~ ^{его} ~~противостав-~~

Всѣ эти были известны до Грандеса. Но
Грандесъ съ убого Лоренса.

против этого, къ этому пункту мы еще
вернемся.

Последний — важнейший вопрос из Биогра-
дий Шекспира это причина внезапной
перемени в его настроении. После „два-
дцатой ночи — этого, последнего почти
веселья“, как выразился один из кри-
тиков, Шекспир уже не знает безмя-
тежного веселья, безмятежного счастья. „Он
создает больше великих вещей, много имеет
порядка всего вниканье его положению
трагедий. Одна за другой являются
„Юлий Цезарь“, „Гамлет“, „Отелло“, „Макбет“,
„Король Лир“, „Антоний и Клеопатра“,
„Юриант“. Сверх этого он создает
два пьеса, „Мир за мир“ и „Ночная
вскачь“, „Снег“, называемых комедий.
Но это уже не совсем вольнолюбивое,
как было это поправлено, немного
лучше из жизни. Веселья — тут не
сама. Пьеса только написана по необо-
дочности. Комедий много наддвигаются
над тою своею ^{многозначною} сестрою трагедией, которая
не потеряет ни любви автора, Взор
Шекспира упорно и неизменно устрем-
лен в ту сторону, где горе, несчастье,
где безумие отчаяния. Это привело его
к тому, отчего произошла та
перелом — ~~она~~ неизвестно. Революция
много Шекспировской критики
Брандеса говорит: „Тяжелая туча
Закрала собой горизонт перед М. — и
и точно не знает, откуда пришла
она? Существует ли догадка, больше в-
роятнее, чем та, которая указывает
Брандес в объяснение посланных моты-
жков М. — но в их недостатках. Про-
цесс Десла и Суэцкая война, которые несер-
ьезной данью описаны в сонетах и, конечно

Будет ~~хочется~~, ~~что~~ ^{люди} ~~переходя~~ ~~явля-~~
 отъ однихъ изъ важнѣйшихъ момен-
 товъ въ жизни Шекспира. Въ Его
 произведеніяхъ вѣдутъ, сразу прикима-
 ютъ кой характеръ. Онъ и прежде
 писалъ трагедіи. Ромео и Джульета,
 Ричардъ III и II, Генрихъ I и трилогія
 Генрихъ IV закладываютъ въ себя досто-
 точно трагическихъ элементовъ. Новѣ-
 йшій Шекспиръ и своей задачей
 совершенно иког.

Брандесъ съ наслажденіемъ понаблюдаетъ въ давольно извѣстныхъ
 въ документахъ и, несомненно преувели-
 чивъ имъ значеніе, добивается своего резуль-
 тата, что Шекспиръ отдавалъ деньги на при-
 цель, собирая деньги на откупъ „господи-
 ну“, скупая земли, и часті судницъ — въ тѣ
 нѣ, когда создавалъ свои Готспордъ, Роза-
 нда, Генрихъ и т.д. Брандесу это нра-
 вится ибо эти догадки ваютъ, что „правдан-
 ности сама по себѣ, а художественная
 творчество само по себѣ. Но для чита-
 теля, знающаго хоть нѣкоторое произведе-
 ніе великаго англійскаго поэта, этотъ
 фактъ, конечно, покажется совершенно
 не соответствующимъ съ тѣмъ предполо-
 женіемъ о Шекспирѣ, которое выводится изъ
 его произведеній.

Наконецъ, что чрезъ всѣхъ всего
 біографическій фактъ совершенно не
 объясняетъ намъ одного изъ крупнѣй-
 шихъ явленій въ ^{лит. творч.} жизни Шекспира, ~~нрав-~~
 въ частности Шекспира фактъ на-
 три періода, несомненно ртзю
 отълигающіеся одинъ отъ другого.
 Въ особенностяхъ поражающа насъ
 разница между первыми, законча-
 вавшимися 12-ю поэмъ и вторыми, напе-
 навшимся томіамъ Цезаря и Гам-
 летомъ. Различіе между этими двѣ-

Личет ел при близително 1601 год.

В эту эпоху предв. ничем возникнуть...

И этот столь разный переводы в кинематографе у нас биологическим фактам объяснений не находит. Брандес, сам Брандес, который "все понимают", даже Менштра естичу и простовизка, и котурги, переводы по второму периоду деятельности, разбиваются в рикетю и вентис потикте вспоминает и Лизавету, и Дессека, и Кемброка, и Вугамитюка и Бюка, причудливо сказаны, что "ма не джаме тюко, отпудда приити зст тучи, замробию воюю горизонт пред Менш-роми".

И так каковы поэтические достоинства Шекспира, наконец, этот кризис душевной поэты, сь драматическою поэтичностью — все окружено загадочностью, вопросы — этот поэт англичанин не поборола точные. Отсюда — самое правильное заключение: нужно пользоваться для суждений о Шекспире читаясь произведениями, давшими больше или меньше точности сведения о времени или личности, которую удалось описать Шекспиром самим. Странно — все подвешено, под ~~беспридан~~ Шекспира актёра Шекспира драматическую писателя может лишь подвешено к неучастия и подвешено догадкам.

Поэтому, мы ограничимся естественными
замечаниями и божьими не станем
касаться тех и много ли и ни Брандеса,
где он говорит о ошибки Иезекии.

Но тем не менее любопытнее проследим за тем, что
было в творчестве артиста из произведений
поэты. Вкратце проследим: автор держит
того же плана, что если у нас есть было 40 лет (во)
жизни, то в произведениях писателя, то это неслучайно
чуждыми нами собственная жизнь, если мы несли
в жизни и в творчестве. Жизнь поэта у нас, конечно, не
могла в его произведениях. Ну, конечно, неслучайно

24 June 1961

[illegible]

до такой степени слаженъ и прибитъ къ полпути,
бурную, могучую жизнь, которая имеет ричеттис
въ драматическомъ, что осталось одно, «цветистъ», ко-
гда-то олицетворяющаго сущность композиции.

И Брандес въ жизни притихъ и учился у Меленки-
не почти. Онъ отъ лица самаго знаетъ все и пи-
шетъ о Меленки лишь заплыть, что онъ показываетъ,
что Меленки Звонитъ потому, казаясь учимъ знаетъ
такие самые чистые сифоватилы, и, Брандесъ,
получилъ бы жизнь, самое правильное, въ Гамбургъ

522

говоритъ онъ, первой филологической драмы наван
времехи, впервое востановилъ типический современный
человекъ съ глубокими чувствами противоречивъ между
идеалами и грубой грубостью, и сознаниемъ грубыхъ
пропасти между силой силами и даромъ, во всемъ
внутреннимъ разнообразіемъ своего существа, соотро-
женіемъ безъ веселости, съ неопредѣленностью и сложностью,
съ неопредѣленностью отъ изобретения и въ Меленки непер-
натію? И это отъ современного человека, и при-
чине, впрочемъ, съ предъ самимъ собой человека

525

и въ томъ современномъ человекѣ — самъ самъ Меленки,
которой, слышишь съ Гамбургъ, и чувствую, какъ
Гамбургъ. Это учимъ Брандесъ узнаетъ на немъ Гам-
бургъ, конечно, но въ сатрапическомъ допущеніи ономъ
важно, въ запискахъ Меленки и т. д. въ этомъ и мнѣ
нравитъ. Это онъ прозвучитъ въ себѣ, благодаръ
тому, что онъ читаетъ великаго поэта, онъ открыв-
тисъ, въпрямую, въ духомъ, въ здравомъ чинимъ

1001.

онъ душою доступною покаянію темъ. У Меленки, мы видимъ
Меленки есмъ бы, писалъ психологію, называетъ
онъ, что лучай видитъ человека, и безумію, горю и
смерти. У него — точно Гамбургъ — Меленки, домы-
вающей, за одно съ прочими прочими драмъ, больше или
меньше посягнувъ на себя, не знаетъ своего автора,
добавитъ знаніе всего пошлаго внутреннего міра,
для котораго въпрямую этого законного будитъ-
лучай т. е. который имѣетъ такое мане въ немъ,
взятый самъ по себѣ, что онъ въ немъ ^{и мнѣ} одиной или
нудедаемъ, иронія сведеніи изъ одиной и той силе,
нравъ или кельи въ немъ и въпрямую котораго
вызываетъ. Брандесъ говоритъ: «ни въ одной павелъ
Меленки съ такой ричеттисъ не противуставитъ
орудію добра и злаго людей, никто не изобразитъ
ни въ такой борьбе, какъ здесь, и никто не
не прои ситъ такою отъраженіемъ въ обити, и чинимъ»

вследствие тавтологичности, в силу которого загла-
вие почти полностью повторяется, как и в Сильная
и несчастная судьба в копии конца аль ^{реже} ~~судьбы и драмы~~
~~и драмы~~. Очевидно, что Брандесовым считалась судьба
это парадокс в чуждому многогранности духа человека
и случая, так же, как и кризис человечества, учавству-
ющего перед самим собой. Ибо там там этот
кризис, приписанный Мексигу и эти соображения
и судьбы и несчастной судьбы, как и вказанные типы
убийств, что Мексигу видны сами и как по-
казаны, оттого, случай "Моя единственный закон для
каждого существование". Оба писателя, одно, тавтологич-
но, одноглагольный "Моя" и многоглагольный но не тавто-
логичный Брандес вневременный пунктиры приписывают
тому вводу науки, который филолог формулировал,
как вводит в случай как человек человека. Там
область свое значение в торжественности, праздничной
коридор, Брандес - с своими словами, "сильной", "несчастной"
судьба, "кризис человеческого человечества" очевидно
предполагает трагичность абстрактности духа тавтологич-
ности, как случай. Но основной взгляд на жизнь как
эволюцию, как единственный, который она любит при-
писывать себе и Мексигу, человеку Эволюция там
каждый + один. Оба они учатся. Только там - дан-
ная типичность и радостный вынужденный обобщения,
что бы ни пришло око с собой. Брандес - многоглаго-
льный и случай как, что и с присутствием недоу-
мления не повторить. Оба они, "стоит вассе" пред-
разумно противом времени, так переживая в чужом
вора в правоту и в чужом начале, что и в еще
не устали втрагичности духа и в чужом изгнании
наука. Но там и в этом пунктир духа они складываются:
оба они до воли и ваварит о ~~Рассуждениях~~ ~~тот~~
~~тот же талант, славный~~ критике на этот раз
Брандес адекватен еще сильней Там. Високо-
рости в 90. Тамные образы, основная идея книги
Брандес та же, что и у Там. Но Брандес не
сразу обращает Мексигу в типичного совре-
женного человека с вора в господство случая.
Видаете ему до 1600 г. от.с. до 26 ч. и в оставших
еще скрывают и в чужом в чужом возмущении
есть и в чужом в чужом в чужом, подго-
вочку надежду на большее совершенство
в Будущем.

Поэтому в настоящей статье мы и та-
ким образом за Меншировых с того ме-
шкетта, когда, как мы говорили, востановили
прежнего вопроса, "почему" — пред нами возник
отраженный вопрос, "зачем?". Но Брандсу, ~~как и по тому~~,
Менширов и не задавал себе никаких
вопросов. С того мешкетта, когда он заим-
пунт в бедную человеческую жизнь — ему
стало ясно, что никто и не может быть
никаким, зачем же, что ~~чуждому~~ человеческой
судьбой управляет "слепой" случай и он
одним ведет нас "из жизни, безумия и смерти".
Что мы ourselves блуждаем в темноте,
попадаем отоскиваем дорогу и, впрочем,
все толкаем на одного и того же в "грустном"
сознании, что никто и не может быть у
нас руководителем, путеводной нитью, что
мы и, с тех пор "Метерлинка. И, что мы
в этом "грустном недоумении", враспе-
хиваемся в так называемых разномы-
слиях нападком извне и изнутри
Меншира. Иные говорят, Менширов — оправд-
вает то смитение ума, то ^{страх} ~~и~~ ^{какое-то общее явление} ~~и~~
предвещает, который, ^{народный} ~~народный~~ ^{назаво}
наим, востановить с нами в жизни и в пла-
се Голубя, его проливают, но Брандсу
то, что мы сознаем — есть высшая фило-
софская истина, в которой нет правды.
И она три века тому назад уже была
превознесена величайшей из наук и в то время
либо существовавшими людьми, Менширов.
Это — грустная истина, а потому на
грустном недоумении приходится поста-
новить. Поэтому же, на сколько
Меншировский произведение дает повод
к такому, современному "заключению".
Мы хотим с Гамлета, ибо он был бы
весьми грустным героем Меншира ~~обладатель~~

наверъ и нѣтъ критикъ и зорѣнствъ не хитра
 „недоумѣнствъ и не допослѣдствъ.“

III 5 стр 50 конецъ §4

Мексика и Чаруко

Примечание!

Таблица

27 н. 310х201

1836?

Таблица. 8 листов. 1/2 листа

Вых свой скептицизм направил не на
 гитлеровскую идею, а на идею метафизики.
 Они доказали, что безусловное значение
 Закона призна и следствия. У нас нет
 никакого права утверждать, что раз
 произошло что-нибудь, то в будущем
 нечто необходимо должно произойти
 что-нибудь другое. Они говорили, что
 необходимость, которую мы приписыва-
 ем связи между причиной и следстви-
 ем, есть — чисто субъективная, что мы
 своего привычку всегда видеть известную
 порядок в явлениях называем необхо-
димости, придавая таким образом
объективное значение. Отсюда они вывели
 заключение, что априорная истина — это
 что есть только субъективный опыт,
 который исключает всякую возмож-
 ность метафизики. — Можно ли вообще
 такие прогностические понятия, как понятие
 о необходимости, создаются искусствен-
 ными путями? Или, раз мы это непра-
 вильно делаем, относимся к наблюдаемым
 нашим познавательности и существова-
 ниям явлений внешнего мира, то
 самое представление о "необхо-
 димости" должно корениться в апри-
 орности? Странно, чтобы такая
 функция могла создаваться условно,
 не имея никаких реальных
 прав на существование. Ибо назвать привычку
 порядком — необходимостью не было бы
 никакой возможности для человека,
 если бы где-нибудь, в какой-либо
 среде, эта необходимость действитель-
 ностью не существовала бы. Поэтому,
 быть может как раз, по существу,
 быть прав, эти правды не на поиски
 за необходимостью, а на оправдание

и даже необъяснимости своего существо-
вания во взаимных отношениях
предметов, — во внутренний мир че-
ловька. Но во всяком случае там
они не могут отказать для нас все
прежний ее права. Поэтому,
необходимость во мирь наблюдаемых
нами явлений все таки должна остаться
неправильным названием господству-
ющего во этой сфере порядка. — Вспомни-
те создать такую функцию мы не можем.
Необходимость существует — во внут-
реннем мире. Во внешнем же
существует приспособленный для
человеческих нужд порядок. Внут-
ний порядок есть способ заставить
человька развиваться. Не познавая
человька развиваться не может — это
его необходимость. Поэтому заранее
можно сказать, что разъяснения
поднятой нами во объективном
мире необходимости не может
найти. Там область прав, отнеси
математику к аналитическим
принципам. И попытка Нанта
обосновать метафизическую науку
т.е. ответить на вопрос, как
возможны синтетический сужде-
ний *a priori* — не может ни к чему
привести, ибо суждений всеобщих,
необходимых и не аналитических
(в которых предикат предпола-
гается в субъекте) быть и быть
не может. Суждений математиче-
ских — необходимо включать.
А принципам естествознания — необ-

Исходность не только не предпола-
 гают, но прямо ее исключают,
 Кант совершенно справедливо думает
 Юнг. Если метафизика будет су-
 ществовать — то совершенно самос-
 тоятельно, на своих принципах,
 своих математика и естественная
 науки. Она и не может быть
 наукой, потому ее истины могут
 быть против всякой науки. Про-
 живая снвоз сего метафизикой те-
 через сннтетический акт суждения
 а priori весь материал наших наблю-
 дений, Кант в конце остался все-таки
 при старой субстанции — *ding an sich*,
 она является сущностью субстанции-
 какою, чтобы пройти снвоз отверстия
 метафизического рожка — как велики
 они ни были. И Кант — вынуж-
 тен, чтобы снуждаться этим,
 по видимому, неопределяясь явлением,
 сам подчеркивает свой результат,
 и ставит его себе в заслугу — отделив
 себя посредством „*ding an sich*“ от
 беркелевского идеализма. А именно
 так *ding an sich* — вечный упрям
 Канту, ибо как, во первых, мы можем
 узнать о ее существовании а во 2-^{ой},
 как она согласилась подчиниться
 нашему разуму, с ее сннтетичес-
 ким суждением а priori и оттого
 это она ни разу не вздумала
 опровергнуть нас? После *ding an sich* —
 вся теория подготовлена и дана,
 как бы, опять по своей естественной
 архитектонике.

Завсе-если существуют суждения
a priori, - то как-же могут существо-
вать суждения a posteriori? Только на
основании временных наблюдений, и имен-
но таких сведений и их априорных
положений. Ибо априорные суждения,
по Канту, не суть врожденные идеи -
а способы, которыми мы организуем
Eing an sich, представляя ее в виде
предметов, существующих в пространстве
и времени и связанных между собою
отсюда вытекающими отношениями.

Но если вся взаимная связь пред-
метов вытекает из того, как мы
их определяем, то как-же мы всего
не знаем? Отсюда приращение
предметов - т.е. связь, существую-
щая только в нашем представ-
лении, узнается лишь из опыта
опять, в то время как непрони-
цаемость - известна уже ребенку.

Вот и ты, первое, и второе есть
отношение предметов, установление
наших разума. Eing an sich,
тогда-же не знает приращений,
как и непроницаемости. Если
априорные ~~идеи~~ суждения заставля-
ют искать начала в разумных че-
ловеческих, то апостериорная - отки-
дывает надежду отыскать там
полное разрешение занимающего нас
вопроса.

Ты же все занимаешь Ясак, что
докажет он. Придворный герцога
передает любопытную сцену о
том, как раненый воин, приби-
ваясь страдальцу к рукам.

Микси и Бр
стр 52

... Воротятся, свитый ии ирцы, так
Несчаеуно сие воей по сѣтѣвало,
Что кожаный покрывъ его ностей
Растагивался страшно, точно лопнутъ
Сбирался он; и жалобно текли
Вдоль мордочки его невинной сѣзав
Большуши и нружмачи, одна
Воспалъ другой. Какъ волоситой дурети
У самого ружья на берегу стояла,
Стояла, его ссезави наполняла.

Въ этомъ простомъ, беззащитномъ
переманѣ грустнаго случая чувст-
ствен доброй челоука, которому больно
было глядѣть на страдающаго оленя.
И въ концѣ концовъ — много отно-
шенія къ оленю и бѣтъ немного.
Но Ясакъ, точнее ладившій на оленя,
нацелъ въ этомъ поводѣ для повер-
женно староннимъ разсужденій, къ бо-
нью и его ранъ ровно никакого отно-
шенія не имѣющихъ. Герцогу, отлична
знающій своего молодого друга, спра-
шиваетъ догадывается, что Ясакъ
сох оленя думать не станетъ и, что
чувство состраданія являющагося у
каждого челоука, при видѣ живуща-
го мучъ даме животного, въ насъ
разрядится въ правоученію. Но что-же
такое Ясакъ говоритъ? слышишь и ваетъ
онъ. Въ эту картину эту онъ
Не сдѣлалъ ли правоученій тѣмъ

и получает такой ответ:

«Вда, и то кровопуская он» стр. 430 — все до конца.

Вас называю во множестве сравнений...

Вот сразу все Жак. К чему
были все эти сатирические стрипы?!

Видно знает он отлично, что не охотится ползать, ибо, конечно, знает, что не святая душа. И, дана при-
вычка рассуждать в пессимистиче-
ском тоне, устал устал убит
в нем непосредственное чувство,
которое менте всего связывает на
такие размышления в виду рако-
ной миссии! И эти все эти
афоризмы настолько же безрезультатны,
насколько и ненужны, в дан-
ную неприличную в данную минуту.

Видно Жак был один — его никто
не слышал, так, придворное, пережив-
шие эту сцену герцогу баян спрятались
в кусты. Но Жак ничего не ищет,
ничего не добивается своими размыш-
лениями. Он не спрашивает себя,
зачем, что из этого выйдет.
Это — его сфера, его стихия. Он размыш-
ляет, т.е. мысленно повторяет то,
что он наблюдает в жизни по
той же побужденности по какому
своему поэт, рожа благоухает.

Для него не лишнее наблюдатель-
ности и тонкого ума, вследствие
этого его замечания всегда болят
или менте правды и характера.

Но тут же рождаются славящиеся или
рождаются ненужность.
Он ахает, что востанет
бы Жак удоча грязной шире, с ним
бы ему дана была свобода говорить в

что возмущается, но и это далеко
не так серьезно, ~~подобно~~ как
яму в сущности до „мира“ нет ни-
какого дна. Ну сама себя оль сущности
это, какъ ему возмущается. Откуда главнее
много же возможности военазавоном
предъ другими. Опущено ли это и
милые-ли оль на это право-
во это оль не очень заботится.
Когда въ ответъ на его просьбу
о шлут овной шлут, терпеть ему
таваритъ. „Фи, а знаю, что на стали
бодать оль“ — оль отбываетъ „да
ничего дурного безъ сомненья“
оль побаритъ уже слишкомъ много,
достаточно было бы половины
этой фразы: „да-ничего“, какъ и
показываетъ это далеко не шлут
разговоръ. ~~Это оль товарищ оль,~~
и вотъ почему. Онь намъ reveals бичевать
объяснить пороки вообще, воображал —
т.е. не воображал даже, ибо оль сими-
намъ умелъ, чтобы допустить такую
нелюбовь — что парокъ ^{уступилъ} оль этой пропо-
савности ~~изъяснить~~. Вотъ его подлин-
ная слова, изъ которыхъ очевидно,
что оль ничего фразы не намъ терпитъ
и что ему ничего фразы — это самая
любовь нас въ его характеръ — и
не нушено.

стр 54

Когда же таваритъ, что много ли... 286 286
Очевидно, что все это — одна забава
для него, которой ни въ глубине
души не придаетъ никакого значения.
Дошло пришлося бы сказать поны
человекъ признаетъ, что въ него попали
и ты ли, оскорбить бо самого себя

Герцогу дальше говорить ему,
что нападают на гробки - он свер-
шалъ бы еще больший:

„Вот в самом деле была распутина,
и чувствительность была в тебе сильна,
как похоть зверская, и тогда все это,
недуги все, которые свалились
на тебя, все возду, распространит-ся
по свету.“

Но все это не смущает Жака. Он
ни за что не откажется от своей
роли проповедника и искоренителя
зла, как и от своей приважи
„по поводу“ всего размышлять.

4755

Брандес говорит в Ламлету, что
он „по природе своей мечтатель“.
Это выражение - наибольшая всего при-
месь к Ламлету - и наименьшая
всего паталогическая обремененность, что собственно
значит эта фраза, откуда взялись
эти „мечтательности от природы“ и как
собственно отличаются они от других
идеи. А между тем - это существенно
важно, необходимо для понимания при-
роды Жака и Ламлета: впрочем, Ламлет
мечтатель, то и Жак, как первоначальный
набросок из Ламлету, не может быть
по своему характеру иначе. И - того
уже из приведенных отрывков из
его речи, видно, что он привал размыш-
лять, любить думать - больше того: всегда
думает, даже тогда, когда эти мысли
всего меньше. Но, чтобы судить о ме-
литвах - Жаку нужно прожить
жизнь его от начала, эта такая жизнь.

529 Улиричи 231.

Брандес, большой любитель лямбетовской
драмы, говорит по этому поводу „несколько дальше он как явится еще
нея, что“ скупой Жаком обзари-
(Невербеск) жизни человека паразитическая по своей мнительности
и рабности. Вот эта речь:

это „Невербеск“ - великий.

Мир - театр,

437 - до конца

Несомненно, что эта речь — цитирование
 могла бы быть приписана Ламарту,
 многим рассуждений которого агенты
 напоминают. Несомненно и то, что
 инициатором Ожана провозгласил в этой
 „Не-свободы“ в полном, если да еще раньше
 приведенная цитата из его речей еще
 недоразумительно его описывали. По поводу
 этой речи его — впрочем судить о нем,
 как о человеке. Речь она представляет
 поразительная. В столь немногих
 словах и выражениях вся длинная жизнь
 человека — от младенчества до глубокой
 старости. И все так ясно, просто, и
 определенно. Но вдумайтесь чуть-чуть
 в нее и вы ее поразите обратно: она
 не только не говорит много — она ничего
 не говорит. Жить хотеть изобразить
 жизнь и для этого поступить с ней
 так, как поступает ученый, когда
 ему нужно изжить и описать какое-
 нибудь насекомое. Визит ^{бывает} при этом ^{бывает} его
 булавкой и, впрочем, когда он перестанет
 трепетать и просит, рассказывает ^{бывает} нам
 подробнейшие образы в то же время
 стили. Но мертвое насекомое — интересно.
 Наполеон — не булавка жизни, мертвая
 жизнь это никому не нужная те-
 лоподобие. Сначала человек — будущий ребе-
 нок, потом — улитка — школьник, потом —
 взрываются, как некое любовники, в драму,
 как леопард войны, судьба с капюшоном
 в животик, толстый палец с редкими
 дырками и колюче — пара мизан-
 тества. Все это — правда, как правда, это
 убаюкивает есть хрюшка, туповиды, глаза и
 т.д. — но уже описание бабочки во всем своем
 натуралиста занимает в себе
 неправду, ибо рассказывает лишь одну
 о ней лишь очень немногое. В рассказе —
 Ожана — сохранились только веретовые
 столбы, человеческой жизни. Общественная

очертаний, онъ вполнѣ изъ нея все
созидаетъ, онъ вполнѣ у нея все краше,
лицушко ея вѣки украшаютъ — и потоки
судитъ онъ ей, полагая, что это есть
самый правильный способъ существованія.
Все вокругъ него опровергаетъ наизусть
это слово. Крутомъ жизнь кипитъ
и пылокъ, полнокъ, сверкающъ, радостенъ.

Въ существующей жизни сошлись любовь
на праздники любви и веселья. Но въ это-
му — Яванъ нечувствителенъ: онъ не
мыслитъ. Эта спекулятивная способ-
ность не чувствуетъ въ живомъ жизни,
приравниваетъ одушевленное — къ мертво-
му — есть основная черта мыслителя.
Чтобы стать объективнымъ ученымъ,
чтобы уметь все видеть и точно
отмечать опредѣленные, ясные
законы — нужно прежде всего утра-
тить инстинкты жизни, представ-
лять себя все и вся въ замерзшемъ,
недвижимомъ. Это условие существо-
ванія мыслителя, какъ такова. Жизнь
имеетъ равному потоку ея мысли,
неопредѣленнымъ образомъ врывающъ
въ ея душу и разрушающъ законченный
построенный ею. Нужно избавиться отъ
этого непрощеннаго, буйнаго товарища,
нужно утратить инстинкты, пожиманіе,
чувство жизни — и тогда лишь можно
свободно мыслить, безъ опасенія, что
изъ всего этого процесса ничего не
получится. Мыслитель — голубчикъ,
приученъ держаться поверхности
явлений — всякъ безъ исключеній — будетъ
ли то явление мертвой, неорганической
природы или живой, органической
существованій. Онъ ищетъ логическую
связь, онъ ищетъ нити — эту нитку
только очертаютъ. И поэтому мысли-

онъ можетъ уловить лишь изъ потока
жизни,

1) Мечисла 592.

стр. 40

и не по-видимому сам напрашивается
 тот упрощенный взгляд, который за-
 нечет прои, то, какой то в нем есть
 творец своей судьбы". Взяв из недавних
 французских критиков, саркастичных, таких, воспитанных на английской шекспировской
 особенно прозо, настаивает на этом (Крейссиг, Гербилури, Шерлиц)
 принцип, не останавливаясь перед послужив-
 шим, к которому они приводят. Оттого
 его формулировка получает для нас
 особый интерес, ибо она сразу дает возмоз-
 жность оценить степень его недо-
 вольности. Шекспир¹⁾ говорит
 "ставит характер над грантами
 и даже тогда когда он связан
 историей или когда к нему не ручь
 по величавости или прописавшей передают
 нава, в которой он не делает ничего
 измываю, он все же стремится одес-
 нить ход событий в драме и прои
 страсти и приводит лишь то событие,
 которое эти страсти подготов-
 лится. Это преступники не жертва
судьбы; они готовы быть виноваты
 и они заслуживают своим чувством
 (sentiments) и своим поведением проза-
 цию или наказание. Если же нет, как
 и повсюду, в нашем мире, полагает и виновны
 то отнюдь не случай поразит их.
 Мы находим в их характере прикаты
 их несчастий. Если-бы они были более
 благоразумными, более сдержанными,
 менее острастными или более лживыми,
 они избежали бы того трагического падежа,
 на них: в их жизни есть момент,
 когда своей виной они прои или
 судьбу свою. Ромео и Юлий не заслужи-
 вают смерти, но они умирают только
 потому, что уступили увлечению тою или
 и любви. Кароля Дира не обидели бы
 так несправедливо, если бы он
 не проишь стоял славной личности
 и не проишь бы от себя был великий
 основатель Нордгейта. Даже сама возмоз-
 жность бы убита, если бы не поинция

в ту эпоху человеческая жизнь представ-
 лялась ему именно такою и в таком
 парадигматическом, приоткрытом наизусть
 человеке, ~~устраивает в себе~~ ^{сам} ~~чужие~~
 судьбы самого человека есть свидетельство
 его характера Шекспира, повидимому
 не находил ничего странного в западной
~~несправедливости~~. Вопросы о том, почему же
 одного человека ^{судьба} ~~судьба~~ надвинула до
 рока, а другого ~~счастливала~~ характером,
 приспособленным к жизни, а другого
 несчастливому, не годному для жизни
 еще не приходило ему в голову когда
 он смеленно воспроизводит перед собою
 судьбы своих многочисленных героев?
 Вспомните Фальстафа толстого, гора мяса,
 блудливый как кошка, и трусливый, как
 заяц, в его дружке принца Гала или Готспора,
 благородный, храбрый, честный, открытый
 натура? Уж, конечно, не потому, что
 Фальстаф, хотевший быть праздничным
 свирепословом и остроумным плутом,
 а Готспор, хотевший ^{быть} ~~ради~~ ~~судьба~~ героем.
 Но в ту эпоху это еще не занимало
 Шекспира. Он принимал просящую душу
 в связи между событиями и
 человеческими страстями — и давший
 этого не имея, ему еще не нужно было
 быть.

1601 год и жизнь романов. Значение
 для Шекспира. Что произошло в его
 жизни — мы не знаем. Мы уже говорили,
 что сохранившиеся у нас материалы
 для биографии Шекспира не позволяют
 всякую возможность даже задаться
 взглядом его литературную деятельность
 с событиями из его жизни. Брандес
 указывает на смерть отца, на
 историю с герцогиней, о которой
 идет речь в сочинении, на процесс
 Дессеа и Соула и тогда и по этому

поводу, чтобы уяснить в печати и в
событиях, дающая к тому же по историческим
отступлению в ряды при ведении ^{или} у нас были
в первой части, написанные в очень
деловитом тоне. Но сонеты и черной
дамы появились еще в 1598 году, а
в 1600 еще на писаны лучшим из
Шекспировских комедий. Встает
только смерть отца и процесс
друзей. Но нужно показать, что и эти
два обстоятельства, хотя сколько не
парафразуют такое удар, не могли
бы произвести в душе Шекспира
того переворота, который привел
его так быстро, ~~от~~ в такое ко-
роткое время от комедий, в кото-
рых чувствовал человек достигший
высшей меры счастья к трагедиям,
где речь идет о величайшей несчастье.
Итак перейдем от одной крайности
к другой нужно было ~~нужно~~ неожиданное
нравственное потрясение. Шекспир
человек радкий духовной силе. Власти-
тельный человек, отныне удар судьбы
не сломили бы, не ~~спасли~~ ~~бы~~ ~~его~~ отныне
бы его радостная душа, который так
справедливо называют Божественным. ~~Но~~
~~что произошло навсегда утрату этого~~
~~лица было~~ ~~только~~ ~~отчаяние~~, познал
Безнадежность, только не зная исхода
отчаяние могло привести Шекспира
к тому бездну человеческого горя, о
котором он рассказывает нам
в Лире. Угадать ~~душу~~ ~~Лира~~ ~~душу~~ ~~Лира~~,
не переживши лично его трагедии —
невозможно. И эта трагедия произошла
в душе самого Шекспира. Она
заставила его страдать за да-
же этот великий исторический вопрос

"Зачем"? Кто испытает чувства
 Лира, кто ~~выпит~~ ^{не выпит} Менестреля и утратит вой-
 утратит ввести в тот без просветной
 иракъ, куда сразу из ночи дошли
 лить безпечный радости, покая
 несчастной старик - для того этот
 вопрос, "зачем" никогда не перестан-
 нить существовать. Свободы, маленький
 люди гибнут отъ него, постарайтесь
 забыть его, закройте отъ него повседнев-
 ными заботами и радостями. Большие
 люди идут прямо глядя на него в глаза
 и либо гибнут, - либо отбывают
 на него. Менестрель не побоялся его.
 Чего ишь ему стоить - мы никогда не
 узнаем. Но что безиспытную славу
 великою трагедии он купил стра-
 нной чужой в отом неможеть быть
 сочувствий. Вещь ужасна его трагедий
 были ишь пережиты. Но не понимая
 и обличая намъ смыслъ трагедий,
 разсказав, какъ она происходитъ
 и что она означаетъ съ человекомъ.
 Этотъ величайшій драматический вопрос, стоящий какою-то
 вью ерера науки, собирающей и
 отбывающей лица видится, внявши
 драматизма. Трагедий происхождетъ
 в глубинахъ человеческой души, куда
 ни доходитъ ни одинъ глазъ. Отъ
 того они такъ ужасны, что словно
 преступлений происходящихъ в подзе-
 мельи. Ни туда, ни оттуда не
 доест и гаситъ человеческий голосъ.
 Это пота в темнотѣ - кто
 знаетъ ее, тотъ не можетъ не
 спросить - "зачем".

стр. 44

Первая трагедия второго периода
 Шекспировской драматической поэмы -
 это Гамлетъ и Юлий Цезарь. Оба

Написано одновременно почти и, даже
признают ~~почти~~ много критики —
вместе с ежиком и Франсуа — на одну
тему. Но Франсуа идет дальше и
говорит, что характеры героев
абсолютно одинаковы. И что замечает
этот, детально описав Брута и
этими сразу дает ложный толк
всему своим толкованиям. Замечает
и Брут — в одном положении, но
люди они настолько разные, насколько
различны их действия и речи. Но по-
ложения очень сходны. Оба героя
предстоит в высшей степени ответствен-
ная задача — убить главу государства.
Только у Ламлета она упрощена, т.к.
вопрос о том, нужно ли убить за пре-
решение отца, который право
приказывает принцип отомстить,
вместе с ужасом убийства. На Ламлета
задача возникает совершенно иной,
он принимает ее уже разрешен-
ной. Брут принужден сам раз-
решить страшной вопрос и берет добле-
ство и сознательно на себя убийство
Цезаря. Это отношение по положению
героев и дает сходство сходными
вместами и настроениями Брута и Лам-
лета сходны, ибо им обоим приходится
выдерживать тяжелую душевную борьбу
и пройти ряд горьких испытаний. На
этом сходство и заканчивается. Во всем
прочем — Брут и Ламлет далеки друг
от друга, как вопрос и ответ,
как мечтательное существо и
мужественная реальность, как робкое
сомнение и четкое понимание. Фран-
суа разбор о Ламлете предпо-
лагает разбор Юлий Цезаря, сени-
сывался на том, что вторично по со-
бояла во всем, по видимому, на

и в то же время, и в то же время, и в то же время. Мы считаем, что лучше поступить наоборот. Гамлет стремится — у Шекспира — к идеалу Брута. Нужно проследить духовную историю Гамлета, тогда понятна будущая знаменитость слова, с названым Шекспиром — усталым Антоний падает труном неба. Великая римская героиня.)

Мы узнали о нем уже с Маною, которого, ~~известно~~ в Врандсмане, назвали Гамлетом до трагедии. Мы ^{знаем} подлинно его блестящую роль в том, что такое жизнь и знание, что она своей точностью и остроумием не уступит разсуждениям Гамлета ~~до~~ ~~Александра~~ ~~Мангданского~~ по поводу вооруженных погребальных черепов. Как и мыслительная Гамлет — все. Чтоб понять предмета — видя себя Гамлетом спокойным, приведу здесь ~~влияние~~ слова Гамлета, так удачно его характеризующий. (—)

И были прочие черты своего душевного склада он напоминает ~~Аман~~. Он тихий, добрый, интеллигентный, образованный и любящий.

Манов — то Гамлет: он лиричный, чуждый, таинственный, протестный, экзотический человек. Король его поверит про него:

Гамлет безумствует — но ненадолго. Припадком бешеной иль озадачен. Известию о нем, как о гонимом, Родившись отней на свете золотоперым, бьют и кровь на покой.

И вот ~~эти~~ ~~то~~ ~~то~~ ~~то~~ Манов Гамлет. По ^{оному} ~~этим~~ описанию можно думать, что и в нем есть

можно „познавать“ (это методу прочих
новое, модное слово, введенное в немецкую
литературу Фридрихом Шлегелем — он
идет чуть вперед) непрерывно до конца
жизни не зная совершенно. Но спра-
шившись у Жака, какъ онъ „познавалъ“
и не понимаетъ это странное сь первого
взгляда явление, что человекъ блестя-
щую уша доживает до зрелыхъ летъ,
не восторгаясь совершенно во жизни.

не стотри на транском слова „зоро“, „пороч“, „преступ-
леніе“, „правда“, „дотроа тѣмъ остро предвиза^{то}
Фили въ тѣмъ своеобразнѣмъ душевномъ процессѣ,
который они казав^{нѣтъ} вост^{нѣтъ} „у Фили^{нѣтъ}
нѣтъ серьезнѣмъ поря нѣтъ потребности
востро тѣмъ въ жизнь. Они бичуютъ пороч^{нѣтъ}
и каждаго тѣмъ что законнѣмъ словомъ, душой,
благовѣрно считаютъ в тѣмъ, что вознесено
словомъ, хороше“. И воздушевная дѣятельность
ихъ этихъ и ограничивающа. У нихъ своя идеал^{нѣтъ}
каждъ широкъ.

Въ этомъ завязна великой траге-
дией Гамлета. Шекспиръ не для заба-
вы и не для психологическаго, а для
выросилъ ^{Гамлетъ} въ открытое море, въ доволу
всѣхъ невзгодныхъ слабого человека
накъ и Лира не случайно заставилъ коня
подставлять бѣдную, смѣдную, гордую
голову подъ жестокия удары ~~аванта~~
бессердечныхъ дочерей. Не характеръ
Гамлета и Лира бѣлъ приключного
ихъ бѣды и не приключу исхода Шекспиръ
въ эту эпоху. Почему-то уже пережато
удовлетворить. Ему ну жно было -
загнать.

стр 62

Уже въ первомъ дѣйствіи передъ нами
печальной Гамлетъ. Это-то печаль
Жана. Попыткой браня матери
скупить его. Ему тѣло, - а онъ не
привожу, не умѣетъ носить брешь, не знаетъ, что ему
ему хочется забыть, сбросить
себя текущую ношу. Загнать она?

О, если бѣ вы, души моей слова,
то крѣпко сплоченной составъ костей
испала росой, туманомъ испаривше
иль если бѣ та, сурья зати и неба
не запретилъ грѣха самоубійства?
Восплащаетъ онъ. Тутъ новое слово,
наконецъ выраженьи оборотъ рѣчи, все
то и то и типично Гамлетовскій.
Первое горе-нонь хочетъ сбросить
себя основы своей души. Онъ умѣетъ
думать - но ~~даже~~ и не смутъ и въ голову
не приходитъ, что можетъ быть валахъ
изъ гора, что нужно его воистину,
и при томъ - это "если"! Если бѣ самъ собой
основа испала росой, если бѣ Богъ
не запретилъ самоубійства. Къ едипову
ношу видному для Гамлета исходу,

онь присоединяетъ слово „естъ“, но тогда
дѣлаетъ его невозможнымъ. Какъ
Джамс, когда онъ размышлялъ „вообще“,
такъ теперь Джамсѣтъ, когда онъ потыкнулся
на требующій отвѣта вопросъ — ни
къ какому заключенію не приходятъ
и не могутъ прийти. Чтобы увидѣть
нужно встать существующимъ своимъ зако-
номъ то смотрѣть: у Джамсѣта нѣтъ
этого и не можетъ быть. Онъ мисти-
ченъ. Событія отражаются и за-
печатлываются на поверхности
свѣдуща, какъ предмета на фото-
графической пластинкѣ вѣтренливо,
внѣрно — да же красиво; но — мертво.

„Вопросъ объ отношеніи между доб-
ромъ и зломъ здѣсь на замѣтъ своего
неразрѣшенной загадкой ведетъ
къ вопросу объ управленіи міромъ, о
царящей справедливости, объ отно-
шеніи міра — къ Богу. И мистикъ — Джамсѣтъ
и Мексика — етучитая въ дѣло
тайна, говоритъ Брандесъ. Но, чтобы
чтобы дѣло въкралась — нужно узнать
етучитая, нужно быть то тованъ
все признать, чтобы узнать правду,
разрѣшить загадку, понять Бога.

~~Мексика сама это едвали.~~ Джамсѣтъ наивно
подвиги къ тайнѣ вѣчной дѣйств
судьбы. Онъ, по общинному своему, наклоненъ
къ на трудное дѣло, на дѣлѣ въ сокро-
вищницѣ своего ученическаго опыта материали-
стич. разрѣшенія вопроса. Но тѣмъ, куда онъ
обращаетъ свой печальный взоръ нѣтъ
никого, чтобы дать ему это нравственную
опору. Вся интимная мудрость нахлестал
тѣмъ, что констатировать ^{мистич. возмущеніе} ~~мистич. возмущеніе~~
человѣческой натуры, вопроса души. Насам
книга оправдываетъ, а то и такъ ~~то~~

нѣтъ не оправданы, а только обидены,
въ это таинство преступленія родной
матери. Они читали въ исторіи, что
были страшно преступные люди. Они
знали про Ирома, умертвившаго свою
мать, знаютъ вообще, какою силу им-
еетъ на детей зло. Но все эти свѣде-
нія ему ничего не говорили. Для него
это были лишь изъ сказочнаго царства,
которыя никогда не существовали, болѣе
или въ крови, не возмѣщая
перевѣши. Они принимали все эту
чужую жизнь, они расширяли свой теор-
етическій оплотъ, но этихъ болѣе узна-
вали они изъ книгъ, тѣхъ же не по-
нимали они реально, какъ нѣтъ не знала
значенія этого огромнаго міра съ такими
бесконечными прощаніями и обещаніями
настоящихъ. Все этотъ міръ существо-
валъ для нихъ. Какъ нѣтъ отвлеченное,
какъ отдаленное края степной пустыни,
куда никогда не ступали человѣческія
ноги. Внѣзуче такъ, какъ дѣйствитель-
ность ухаживала въ область мечтаній,
мечтаній — давила область дѣйстви-
тельности. И вдругъ эта дѣйствительность,
отъ которой она такъ сильно избавилась
было, предъявляетъ на него свои права.
Мать, родная мать — она была на приво-
дильныхъ ногахъ. Не Королева, не цари-
ца, отдаленная, почти фантастическая
существовавшая прелесть Гадюки: Королеву Там-
кентъ отлучено, похитило, а родная мать.
Что предпринять, что думать, куда по-
йти? Бѣдный принцъ не находилъ
ничего, кроме безпомощныхъ, горькихъ словъ,
какъ среди которыхъ слышится одно
желаніе: «забывъ все прошлое, идешь,
идешь куда нибудь вдалеко, туда никто
и ничего не напоминаетъ бы объ ужасной
дѣйствительности». Помнишь ли
воспоминанія, сына «восхищаетъ онъ и
въ то вѣдываетъ, что это — все, что ему
нужно. Они не хотятъ знать того,
что предъ ними происходитъ. Они, тѣмъ

Вот так и спуты, на которых останови-
вается перед закатом „дверей тайны“
Гамлет — только его одного навестил.

Шекспир в стоиит над Гамлетом, как и над всеми героями своего века.

Там, где Гамлет нечего не видит —

Шекспир все знает. Тайна жизни здесь

на земле разрывается и — тем же спосо-

бам, которыми пользовалась наука.

В Виттенберге и которая доступна Гам-

лету. Не успев Гамлет ономит

свой жалобный первый монолог, испол-

неный укором людям и всей жизни,

тот знаменитый монолог, где он

проносит приговор над всеми, что

видит перед собой и восклицает

в заключении:

„спорб душа — уетя должна молчать

как обличает Горац — с товарищами

и возмущают эту страшную новость:

дух его отца является по ночам

на террасу замка. Гамлет уговари-

вается прийти в полночь туда —

и там узнать тайну смерти своего

отца. Визит с тем же он полу-

чает от духа и приказание. Там же

говорит ему:

Вот так, отныне уеся за твоего убийство

Полоний Гамлет сразу и зная итас.

Уже не в бою проливать итас

и итас и поворот, вкорб души,

уея должна молчать. „Ита по три-

сатомом восте об изменническом

убийстве требует должна взволно-

вать его до глубина души, должна

сразу дать понять ему, что все

прежние разсуждения о том, что

„и тас — театр, что „прежние итас

и тас — опустошающий сад, что „и тас

на этины свѣтъ нѣтъ и нѣтъ тобою —
 ни мѣ челоу не пужает, что все это — пугаю
 слова, обманывающихъ души въ ихъ строп-
 цевъ и построений. Заперши, прибитое
 чувство души вѣрующе должно встать и
 отъ этой вѣсти яркими пламенами
 въ Лампета и показать ему всю глупо-
 ную серьезность души, требующей себя
 все человека. И на мгновѣніи Лампета
 стало видѣть дружитъ въ мнѣ и
 тѣмъ:

Снахся скорѣй! На крѣпавъ, ~~въ~~
 Намъ мала любви, какъ вѣрно вѣсно вѣстрѣти,
 В погору ~~въ~~ нѣ.

ар 66

И тѣмъ отвѣчала ему:

В вѣсѣ, ты нѣтъ.
 Но будь ты вѣнъ, какъ сонная трава,
 Что мирно спитъ на Лета берегахъ,
 Прокнутъ-въ дождень ³ ты ¹ при этой вѣсти!
 Иначе и бѣтъ не можеть. Со возраста-
 ющихъ учасомъ слышитъ призывъ
 разрававший душу разсказъ отца.
 "Мать убить востро грѣхавъ ручного брата
 Убитъ въ вѣснѣ грѣхавъ, безъ покаянъ
 Безъ исповѣди, и безъ тайнъ святыхъ.
 Не можешь сестѣ — а бѣтъ на судъ дозволи
 Со вѣснѣ ты можешь вѣснѣ грѣхавъ
 Ужасно! ужасно! ужасно!
 Не потерпи, когда въ тебѣ прирада сто,
 Не потерпи, что въ Лета престои
 Кровати отъ сталъ для глупого разврата."
 Ты не удаляйся. Будь человекомъ
 Какъ, какъ слышалъ на берегахъ Лета
 Сонная трава — онъ долженъ пропустить
 отъ этого разсказа, который такъ
 мертвого мнѣ бы разбудить.

А что ави́тис теперь и да́нлету
"А что со своимъ, великимъ и истинно
"порази́тельноту" р по своей тѣлѣности
и краткости разсуждений и да́нлету."

Ванни шутливости и кичливости
или покажутся ему теперь, когда
онъ со всего своего живого человека
почувствует вавилъ, что такое жизнь.

И да́нлетъ на мгновенье понимает
это. Для него не существуютъ добрые,
никакія соображенія. Водочный духъ
въ немъ на столько великъ, что все
въ вопросах сразу рѣшено, и все не-
звучно воступаетъ скептицизмъ сразу
выбросивъ за бортъ, какъ нечистоту,
оскорбитъ словою ба́ллетъ. да́нлетъ
говоритъ:

Господь земли и неба! Что еще?
Не въ званіи ли и вода? Крѣпче тѣмъ, тѣмъ
моя душа! О, не старайтесь перестать!
Держите перстъ возмущенно и престо!
Мне помнитъ ответъ? Да, божья душа,
Пока есть памято въ чертѣхъ моихъ.
Мне помнитъ? Да, съ строгими ^{воспоминаніемъ} ~~моя сестра~~
Вся пошла разсказа и сестру,
Вся изреченія книжъ, вся впечатлѣнія,
Минуваго света, плоды разсудка
и наблюдений юности и юности.
Твоя слава, родители, ^{мой} пусть, оуди
Пусть въ книгу сердца моего вливутъ
Все приключенія дружины, какъ огонь словъ.
Вотъ что воззываетъ и горючо вы-
зываетъ въ да́нлетъ явленіе духа.
Какъ только прищипъ, до сей поры

4762

метастеовно создавший пессимизм —
 тическим существом, соприснонушим
 серьезно с одной только стороны тем-
 вихской жизни, — все построения разру-
 шились, Заважились, как картонные
 дощечки. Встать существам своим
 сознасть и чувствовать они, как серое,
 глубоко важно. та жизнь, которую
 они — почувствовать и сказать — разрушили ~~как, что, и так по порядку~~
 понимали. На мгновение под забвением
 в нем полно осмысленной пульсы — и было
 безрешительной сущности, измученной
 жизнью пониманием. Но некаждому.
 Там где отбоясь жизни, они боялись
~~взять на себя много существований,~~
 и кроме того, которое дается, познава-
 нием, — тем же познаванием, которое
 пришло с его тайным неодолимым
 втравленным в тысячу минут.
 А настоящее, познание, — то все
 измучило безстрашью. бездну
 бездну человеческой жизни — они не
 слышат желать себя. Они знают, что
 убийства совершаются — тут же
 от самого творения мира — и
 в жизни прочих, вопросов и интере-
 совалась и этикет, у себя в Вит-
 тенберге. Что они так познали размыш-
 лая? Если они не размышляли той же
 жизни, то отчего не ~~Его задача~~
~~уже~~ они сразу же чувствуют,
 что ему куда, не нужна эта
 задача — от этого познания
 они отназываются. Не успела
 утомиться та же, как они с душой,
 почти безумная радость
 восхлищаюта:

Распалась связь времени

Заглотил все и связать ее разделил

(Взгляд на мир с горькой иронией: The time is out of joint. O cursed spite that ever I was born to set it right)
Cursed spite - проклятое и убогое)

≡ Vol I p 67

Вот завязка трагедии. Судьба человека - это борьба. Выходит из призыва. Выходит того, что оба ~~попытки~~ пойти на встречу всему, что дается нам в жизни и через великое горе прийти к великому счастью, что бы самому стать в борьбе за лучшее - достойным этого человека, человека и нести покаяние и убавлять и возмущать посыл метательной философии. Если философия есть наука о жизни, то только пройдя через жизнь, можно говорить о ней. Также философия, которая создается ^{есть} в стороне от того, что существует реально - все равно будет ли она в истинно-материальной или идеалистической - форма, есть и будет праздною препровождением времени. В кабинете можно изучать мертвые явления. Человек может покаяние, живя всей своей жизнью, страдая и нисколько не безжалостно страдая - вплоть до ужаса отчаяния, и все же до великой бодрости и мужества творения и любви. Философия, сглаженная жизнь безкачественная существование почитается лишь, для литературы и для боготворения, где можно проявить блеск и подвижность ума.

Vol I § VI

apr 68 Vol I § VII

Ученые и философы утверждают, что основным вопросом между религией и наукой является вопрос о том, что такое

в трагедии „Мелодушный стволуцим
 лицом и обстоятельством являясь
 противоречие. Принцип, по своей проли-
 цатности равный самому Шекспиру
 видит духа и говорит с ним: „Но
 это противоречие — есть влечение
 характера. Для Роль духа — и есть
 символ истинное, как сказано зна-
 чение. В драматическом театре
 Шекспиру трудно было еще выразить
 на языке образов. Дамплет, — никогда
 быстро не принимающий решений,
 задерживающийся и медлительный, узнает
 об убийстве отца и вступает в борьбу
 почувствовать необходимость наказания
 Клавдия. Мотивировать появление такого
 решения у Дамплета — значило написать
 еще одну пьесу. Все это замечено
 влечением духа, который сразу
 возбуждает Дамплета, ^и кто произво-
 дит ему нечто сдаться. Шекспир
 знает ничего лучшего не мог пред-
 ставить, что задерживает духа. Боже-
 дар ему — бегство для Дамплета
 становится невозможным: убить
 короля нужно во что бы то ни
 стало. И ~~это паразитическое~~ Дам-
 плет, соображаясь во всем — ~~ни~~
разу не ставит себя вопроса — ~~и~~
 можно ли лучше истинно для? Такая
 определенность заданной цели и
 духа лучше всего вперед мотивиру-
 ется. Конечно, в действительной
 жизни происходит иначе и обрат-
 венно (сознание необходимости и воля
 поступка приходит путями
 сложнейших переживаний. Но Шекспир,
 чтобы не вдаваться в отступничество —
 сам по себе и интересней,
 как он ~~за~~ ~~тра~~ ~~на~~ ~~сто~~ ~~я~~ ~~ще~~ ~~во~~

представил его задан, воспользовавшись
тем же отцом. Она имела в трагедии
очень ограниченное значение и вы-
ступала исключительно как отец, что от разви-
вать доминанту, что произошло и что нужно
ему думать. Заметим — так эта картина
и не являлась. Заметим, разумеется о
будущей жизни, говорится:

Да, тобою страж чужой по сие селерти

Страна безвластная, от куда путь к ней

Не возвращаешь к нам, случается вон.

Очевидно, приняв в себя духа — он
принимал ее отчасти от самого себя, то же
он сам узнал, что преступление совер-
шено и что нужно отойти. Нельзя
далее и сказать, что он видит и обо-
роть ее духом. Своими поведением ты
отца не видишь. Движения сверхъестествен-
ного в драме. Явился в гости духа какой
нибудь живой человек, божий свидетель
Знаешь ли? да Клавдия и инициалы да-
же авторитетности в глазах Ламонта —
хоть действий не излучилась. Ламонт
в духе далее и не вспоминает, только и
не видит ее. Он помнит лишь, что
увидел его отца и нужно отойти в
Клавдию.

И, как тяжело это сознание бедному
принцу! Но библейский Абраам, по повелению Бога покорился

в жертву своего сына Исаака. Значит

Ламонт монарх Страны читает
в книге о библейском Исааке, даже когда
знает, что Абраам поступает не
приказаний Того, кто никогда не ошиб-
ляется. Над Ламонтом принца
даноса нех Ламонт-король. Зачем
явился он из своей неведомой страны,
чтобы слушать покой своего идиота
неповинного сына? Ламонт не считает
себя преодолевать этот вопрос.

Вещи существуют свои. Внѣ сознаетъ —
 что это нужно, что въ жизни есть
 нечто большое, есть душевной помыслъ —
 и что ни в дарены они столько разнана-
 чливъ и дикъ. Внѣ вошли уже изъ того
 періода человеческого существованія,
 когда „хоту“ равносильно „роуно“. Соуча-
 сая сознаетъ онъ, что „хоту“ на этот
 разъ „хорошо“ то, что ему тяжеле
 всего принять на себя, что противо-
 речитъ воле его „хоту“. У Готспора —
 такой двойственности быть не
 можетъ. Если представление о томъ,
 что хорошо, что должно быть не
 настоящим ~~врагом~~ врагом въ его душѣ,
 что стали совершенно равна его же-
 ланіямъ — онъ въ броситъ отъ себя
 их презрѣніемъ эти представления,
 какъ ложныя и чуждыя. У него
 двойственности быть не можетъ.
 Примите у него нѣтъ, ея волю,
 считайте ея нечувствительности
 къ оскорбленіямъ чести, похотливости,
 поживающъ, — и Готспоръ обратится
 въ Фальстага. И, какъ Фальстагъ,
 не будетъ опасаться никогда о томъ,
 что у него нѣтъ добродетелей героя,
 боясь того, какъ Фальстагъ, можетъ
 быть будетъ иваться надъ королями
 и радоваться, что ему не дано быть
 крабромъ, ибо это продлитъ его
 жизнь. У людей непосредственныхъ,
 какъ они являются — какъ они ни
 противуположны другъ другу — Готспоръ
 и Фальстагъ продолжительной борьбы
 духовной не можетъ быть. Они все
 опредѣляютъ тѣмъ, что они любятъ,
 что они чтутъ, что всецѣло счи-
 таютъ ихъ существованіемъ. Гамбелъ

Вдоль улицы его проходила
тренировка. Дайте ему свою уверенность,
дайте ему совет - или верните
се и не снова получится извешен
тип - либо Брута, про который
природа, возмущаясь, может сказать
"это - божья человек", либо Готспора.
Пока не так этого, дайте - ~~либо~~
тихий, "молчаливый", "благословенный" от
всего, - ~~либо~~ дайте пивший се извешен
рождения своей науки. В ответ на это,
покажите ему все неизменное
величие человека - задача трагедий.
Неслучайное ударя судью, а не по
судье, как остервененный отчаяний
говорит теперь иди, и с со зна-
нием толкосты своей похвалы -
дружбы - направляют собою у Икселии
поражения и дьявола. Даютему
нужно неслетит - что бы приблизит
к Бруту.

Со стороны все действия раскрываются
перед нами, и новое развитие вполнито тогда еще считавшее своим
нашим ~~нашим~~ ^{нашим} провозглашением своего
новшествования. Вот что раскрывает
задает про него Офелия отцу

203

Взгляни на Нормана - до взрыва
и ты знаешь, он ~~абсолютно~~ ^{абсолютно} ~~оста-~~
ется уже до 8-й дпй ствий. Много есть,
наспех которого вековой лед, и много
бы все владели - не знаю куда. Но
сбросит он и себя молчаливо вадича
непрестанно рвет и терзает он свои
даны, что обескураживает эти часы до бау.
Нужно связать пивший снот времени,
нужно убитый кером. Но как это суд-
лово? Как бы и не так на такой

страшной поступок? Смерть Ламле-
 нды жуткая; она бо ее радости
 умереть, как что-то толкну свалить с себя
 тяжкую ношу. Но нужно бороться, жить
 умереть; нужно жить, чтобы испол-
 нить заветы своего отца, чтобы
 наказать преступника, чтобы сди-
 лить великое зло, вся важность
 которого была для Ламленды. В этом-то
 она и не хотела. Там жила,
 отдавая все свое существо жизни,
 променяв созерцание на бурю-вол-
 ну, не хотела и не хотела. Она ~~чувствовала~~
 сознавала, что там нужно-но хотела
 другого - того, что было когда-то
 в Виттенберге, где все там было
 спокойно было, где жизни не бро-
 жалась непрощенной гостевой и каза-
 лась высшая дача приятной, легкой
 и была окружена в тишине - но
 не слышала, как на видном стро-
 не-цвѣтѣ Окановская песенница.
 Там же жила была ему по душе
 и на западе восмуним идеальность
 того высшего существования, нападле-
 жных себя оправданий и в суждений
 близких людей и в философии. Но
 то, что ему предстоит теперь - это
 неслыханность ^{чужд} отдать все свои
 своей душе, "дожечь в малый мир"
 нерв и прожить любовь африканского
 чтобы свершить великое дело и потому
 принять на себя всю ответствен-
 ность ^{за сдѣланное} тому не по силе, она не
 чувствует сил для этого. В глубине
 ее души живет сознание в том, что

На их чистоту и великую силу, они дают
 и толчок — но сформироваться душа
 лишь во внутренней борьбе. Размечет
 испытывает на себе безжалостные импе-
 ративы. Их много у него: он знает
 что называется хорошим и злым
 бы уничтожить зло. Но не так просто,
 нужно любить это хорошее, нужно
 так глубоко окунуться в него, что даже чувство-
 вать злость его — тогда лишь
 на исторический императив будет
 не только мстить, — как в восточном
 формулировка величайших стремле-
 ний. Внутренняя борьба и она должна
 исходить из самого человека, а не
 из чего-то внешнего стоящего. Поэтому
 можно научиться, выходя из людей,
 прилагая на себя муки и стра-
 даний. Ибо кто не знает глубины
 страданий, тот не будет знать
 и счастья. Мелтатив одобря — самым
 благоговым — лишь незначитель-
 ная частная жизнь.

Различать — вня созерцаний — бездн
 он является слабым и несостоятель-
 ным. Каким он, когда нужно
 метить закорючку, так как — на он
 и всегда. Приподнятой и чувства —
 он не знает, посмотрите на
 это отношение к Орелю. Тут
 то же, что и в его отношении
 ко всем людям. Распознавший,
 малость благодушного характера.
 Он пишет ей, твой навсегда,
 пока живешь эти моменты

и тогда иди к королю. Утром аббатская
 короля — ну что же, пусть. Пусть
 Лампелт спросит у Маргарита Филлиса,
 о чем ему рассказывать, что важно было
 на нем, пусть он справится, Конста-
 ций, матери Артура — она об этом знает,
 как год и больше близкая своим и как
 подмет, потому аббатская короля.
 Визити пойдут тогда:

И если почва и погода пойдут,
 припоминая живая душа счастливой,
 нескорбно новой сравниваясь
 Вображением прелесть чуждого
 Своим похвалой, сущностию зоркой,
 Обида — превращаясь в все зное
 Ураза свои потерю — и вдовство
 Которой той проклятию подлагив
 Краски приносят твою проклятию
 Скорбями заострится рана твою
 Истинный проклятию одними ударом
 Вот что не хватает Лампелту. Но он
 душевной, рождая твоем, в том же. Витте-
 Бертэ разучились по любви и нечаянно
 И что этого влечет к нему неспешно и нежно
 Остроумий, его и восторг, его бездельность.
 Кто же знает не отбрасывая аналитичности,
 Кто не причется в „ораву скорбную“,
 Кто не знает не восторг, тот же Лампе-
 тель не отбрасывает. Но теперь ему вновь
 нужно думать, проснувшись в гримас-
 тельности. „Скорбями заострится при-
 надженная и приданная остроумной душою
 и тогда он вновь научится любить
 и нечаянно, восторг в себя восторг и
 как-то же Лампелт убитый отчая, не
 потерпит, но он до сих пор не
 развратом он как же Лампелт зоркой.
 У Лампелта такой внутренней тире:
 Кто не может. Но Лампелта привели
 и развратом и научила восторг и как
 восторг. Кто спасает его, кто же

Витте-Бертэ — он не может скорбеть о своей
 потере, и что он и убавляет ход славы.

Напряженность его души и способность, дающая
 право ему идти в трагедию, и что, по его
 мнению ему уже подготовлены органы и пути души,
 по которым он войдет окончивший и
 окончившийся. Брандес говорит: „Можно
 для Ламмента на полувину дать стилисти-
 ческую, на полувину соиз.“ Это — так. Но
 соиз должен обратиться в страдания
 по морю — тогда Ламмент просветится.

Брандес не анализирует даже главными
 моментами Ламмента — ни тогда, когда
 приведенного, ни послужившего болюшого (в Числ.
 Крестный), при Ламменте полноте всего, включая
 в себя и отчасти в себя от себя, админист-
 рации или замечательного, „Кто в кресте“ 83.2
 За трудностями присоединиться (у Ламмента)
 и внутренних препятствий, чтобы подлинно
 был не в силе. Он дает себя потону
 повсюду, как и видящий (всего, из чего пред-
 ставить. Брандес противостоит и) страданиям
 упрям. Но эти самообливания не вразумляют
 ни мнимый Меншиков о Ламменте, ни его соб-
 ственного существования о себе. Он то борется лишь
 в прожитом, всего существо истощает,
 в себе по удобствованиям, в потребности
 видящего торжества справедливости; он не
 говорит о его силе. „Виктор — Меншиков
 наверное не говорит. Да еще Виктор Лам-
 мента. Тот, кто учится как писать Лам-
 мента, от лица, конечно, покидает, наклон
 условное знание и от себя эти гримасы любви
 и вины.“ Но не от этих речей идет вопрос.
 Ничего важнее смысла и значение Ламме-
 нтовой трагедии, а не то, вливают ли
 Ламмента. Не о заступах Ламмента идет
 речь, ибо говорить его собственными, вложен-
 ными или из нового опыта и из слов
 сами обращаются по закону души человека, но
 то кто-то из нас ищет ищет пощадить
 В Ламменте не существует никакого

страшной призрака - то нужно лучше сказать -
 и так, чтобы разливаться в грустном и недо-
 умном жалобном. И не Шекспир, конечно,
 изобразил себе самый ужасный современный ка-
 жись, рисующий страшную Медузу и в то же
 время и пропуская и часа отдыха. У Шекспира
 была задача - Социальная или политическая. Либо
 поблудить - либо поблудить. И теперь задача
 уже совсем другая - все та-же. На нем пролился
 идути даже та, которая Медуза не видела -
 автору о ней иварити не касаться и
 воображают, что можно жить с ней. "
 То, что они живут, - не Медуза, а ^{страшная} ~~жестокость~~,
 принадлежащие кисти Аукса Валуа,
 про которую ^{даже товарищ} ~~постановка~~ ^{сказали}, и шельма
 ища напечатана. "С Медузой - и повторили
 и, нельзя лириком. Если бы ее не убили -
 ждите - она ^{умирает} ~~пожалеет~~ Вася. И там же,
 пока длится ^{его} ~~эта~~ трагедия, глубоко это
 чувствует. Пока связь времени не будет
 восстановлена - нельзя, не нужно жить.
 Но первая же связь не была, а в том. Брандес уверяет, что виденье Медузы -
 так ужасно что - то измучить, так и ^{и так же} ~~и так же~~ ^{и так же}
 голодно перед платом и страшной Кошмару,
 эта обитая злыми душа, владыка -
 полагая над нами - похититель своего владыка,
 Но эти самые Лампеты и то верит в своих
 монахов - только Брандес его не хочет
 ацидаль. Но разобрали монахов по-
 разговору с антрактом. Сказать что, нужно ^{что надо уметь}
 чтобы побить Медузу - и то кто ^{и так же} ~~и так же~~ ^{и так же}
 и не ~~считает~~ ^{и так же} ~~и так же~~ ^{и так же} ~~и так же~~ ^{и так же}
 биса и Лампеты, ^{сидя} ~~сидя~~ ^{сидя} ~~сидя~~ ^{сидя} ~~сидя~~ ^{сидя} ~~сидя~~ ^{сидя}
 нет. Лампеты эти слова просили от них.
 Вспомните теперь из знаменитому размыш-
 лению, "Дитя или не Дитя". Это тут же на-
 сажает Лампеты. Между прочим так Брандес
 говорит из него что повторение прищипки
 "Пока так, иварити аи, эти эти слова (и так же)

517

[illegible]

и не так живо ищешь путей, тогда
 можно заблудиться. Ведь истина
 правдою даже философия — опреде-
 лить неистовое посредство
 извещения. Смерть она не знает,
 жизнь ему известна. Так ведь,
 наоборот, в жизни нужно искать
 разгадку смерти, а не в смерти
 разгадку жизни. Естественно, ка-
 жется было бы так сказать: жизнь
 такая — то, а смерть — смерть
 не может быть иная. Так люди
 и думают. Они чувствуют добро,
 красоту, любовь здесь в жизни
 и это успокаивало их на счет
 смерти. Они даже хотят жить на
 черепе и хотят похороны похоронить
 всю жизнь, и уже имеют виденье
 похороны ^{похорон} лица красавицы черепе
 с пустыми отверстиями глаз и носа.
 Это — искусство, конечно. Но есть
 искусство другое — не обаяние
 живого лица а обаяние — все то же
 же силою воображения — череп. Конечно,
 вот спор не имеет ни тогу, ни орду-
 рию думать. Выходит только знает,
 что видит. Но бедный человек
 знает искусство никакого сорта —
 и не подозревает, что в этом
 он неграмотен. Он теперь обаяние
 черепу — человек умирающий —
 всю красавицу. Это искусство все
 его достоинство, ~~все~~ его прощание.
 Источники его — все такое прираще-
 ние и обогащение жизни. Вспомни-
 тесь же человек! Все его достоинство

et on vider, non lugere. Стимул
непричастности — не интеллекту

Pathos. Just. I. d. 4. 4. 303. 000

которую и не цитирует, ибо знает и.

Вспомните же ~~также~~ — как мало извещают

жизнь, как и смерть. Вроде-то ему,

человечу с роком чужаго духа, приходится

в голову чудовищная мысль ~~что~~ опре-

длительности жизни — по смерти

ШБ
от 82 Канон IX

отрицательного характера — вы не знаете, не
знаете, и горю от любви, и злое, неслыханное и т. д.
Положим только — вы не читали. Но вы же
вы же знаете, ничего такого, чему вы тогда жалко-
жалко, вы же знаете — гадки и неслыханного созвучия
не можешь. ~~Роман~~ ~~сделав~~ ~~таким~~ ~~было~~ ~~только~~
он — и о смерти. Но и о жизни, о его славе, и
тут же, и о страсти, и о воспоминании
смерти и о том, что переменилось, все изреченное
и не, и о смерти, и о жизни, и о смерти — и о жизни,
но вы же знаете, что тогда жить? В этом — то
он и вращается, и он же своим за разд-
жением отрицается в смерти. ~~Роман~~,
и о Бруте, Отелло — этого не считали бы.
Бруте, когда думает о смерти — иско-
жить от жизни; У него была жизнь. —
И вот же, и о смерти, и о жизни, и о смерти
с своей на неслыханность ~~тот~~ ~~то~~
что будет после смерти — может быть
вложен в чужаго извещения со-
временности. Везде теперь черна, ностра,
труп в начатки опровержения жизни,
а не любви, счастья, смерти, красоты, добра —
нах опровержение смерти. Пришла —
нах современности и интеллектуальность утра-
тила способность изжить характерен-
ное значение явления. Вы же знаете
считает и в жизни и в смерти. И монолог
оттого считается, присваивается в жизни
Именину не как духовному, устно подвиги-
мому черту типа, а как философу, востанав-
ляющему извещения воззрения на жизнь. Это
уже давно пытаясь критика придумана. Но
Брандесу принадлежат честь приписывать
Именину в философии новейшей философии.
Вы же знаете, и в жизни, и в смерти —
и о смерти и о жизни.

Вот же, и о смерти, и о жизни, и о смерти

Именину и о смерти, и о жизни, и о смерти

Вот же, и о смерти, и о жизни, и о смерти

Вот же, и о смерти, и о жизни, и о смерти

Говорить колкости королю, Полоцию, слуша-
ют циническими замечаниями времени. Все
это неупукало, нечелно - но Гамлету быт этой
жизни неможен. Манинг способнее оне
дасть исходы накопившейся втруд и горечи.
Гамлету право вт глаза отойти втельности,
не отвлекая себя отт нас сат прохлелыми втяд-
ками и втиресными измизнилами - оне не втск-
лали. Оне плутилась надь Полоциюм, поттом ише
Гинденбургим и Розенуранциом, поттом дами
надь Бидьями Вэриком, Геніальнаго хельвела
это - недостойно, нечелно. Ниль ни оттрафиле по
взмоганим - ниль лучше было бы не утотать. Но
Гамлет не ради друтих, ни сь каной нибудь
спредельной целью так много говорит. Если бы
онь полагал, онь не втнес бы жвой птнки. Но
быть представиле доходит до того момента,
когда Луциус втывает на сцену каролу иже
вчурю. Клавдий отановитс дурно, онь уда-
члив. Гамлет безумно порисеетс уетт:
"о злобной Горацио - из тт ели прозакладуш
да слова дула. Замечтих тт?" восклицает
онь. Втучай приути! Втча слабая надежда,
чтт может втбывшй сг дурт болтт иладіи
ада - ища ислеза. Осталосе невоинтти пиле
роженіе: нужно убить Клавдия.

Вотт часе, рука! Пробо отойти оттверети,
Исавий адх на шире заразой да вт итти.
Теперь от втдайтс вт горячей прови,
Теперь ударь да пакейтс, чтотт дрокнути
Восплой дити.

Вт этили твердыни, ртци итотковими словами
онь втправляется кт метри. Но дорога втжн-
чается вт втдаленной, удивленкой комнате
короля. Втшил удар - и все готово. Но втот
удара онь не наносит. Услухившй чинь пажа -
да втает оправданіе! король молчитс. Если тт
сго убить, онь прямо на шею попадет. Ещт тт
недалко Гамлету не знайт, чтт втдет нас пошл
смерти. Теперь ему отевидно, чтт сего перед
смертсго пошл итотва - тт по падеш вт рай.
Вотт повсюду Гамлету лучше придуше втает предом.
Но теперь приидосе торопитс. Врандос пошл
дайтс ему вт втотт важном 9 тт. Вт втотт втотт

из Гамлета в Гамлету итотт. Сего, итотт

и объявляет критик, и хотя прямо этого и не упоминает, но зато мало выразился, сам умышленно будучи афио вредное животное (т.е. пороко). Тамчетта конечно сказал бы это, если бы думалъ. Но у Тамчетта и оттого рече идетъ. Ему ясно, что нельзя оставить Кларку въ живыхъ, что прежде отца требуют казни для преступнаго брата и что нельзя позволить этому даню отъѣзду по первому для лучшего развѣта vi)

Когда подобно Исаму и Братскому, не видя вышних
трагедий, плакала, что, ^и "всё" "его" ищет
и тоску; когда и это вышло, он оуяснил
видит, что жизнь его сведена, "на пепел и пепел".
Что всемирные побуждения у него не существуют,
что они ни к чему и могут двигаться
его. "Богоподобной разум" ^и "всё" "на" не от него,
что "он" ищет "всё" "без" "пола". Кес
уши, Благая Лампа, — правда твоя и не
ищет "всё" "без" "пола". Уже теперь он
пришел тебе "пола", ты оторвался от
всё "пола", привлекшую философию, ты пришел
себе, ты научился страдать. Это путь
тому, чтобы научиться жить. Но не
уходишь "пола" — его "пола" "пола" "пола".
это правда. Но твои "пола" — не пропадут
даром. Лучше было тебе "пола" "пола"
испытаний, родитесь "пола" на "пола" отца
своего, без "пола" "пола" и "пола" —
всё "пола" и "пола" "пола" "пола" —
пола, — "пола" "пола" в "пола" "пола" "пола"
своего великого душевного и "пола" "пола" "пола"
пола. Кес "пола" "пола" — "пола" тебе
в трагедии, а разучился "пола" "пола".
лучше в "пола" "пола" "пола", свое
развитие. Во "пола" — "пола" тебе "пола", богатство,
почести, учение. И ты не "пола" "пола"
жить. Счастье, полой — "пола" "пола"
тебе. Теперь нужно тебе "пола" "пола".
Этот удар "пола" тебе. Не прикинь
уверений, что ты "пола" "пола" себе.
Твои "пола" "пола" "пола" "пола" "пола"
Наконец все и,
Когда "пола" и "пола" "пола", "пола" "пола".

Всё "пола" "пола".

... "пола".

Правда — твои "пола" была позорной, тучи-
вой "пола" и "пола" "пола" "пола". Вилл
твоей "пола" в "пола" — "пола" "пола" "пола"
и "пола" "пола" "пола" "пола" "пола".
Да и то, в "пола", стоит "пола" "пола"
счастье "пола" "пола" "пола"? Тебе "пола"
и "пола" и "пола" — "пола" "пола" "пола" —
и "пола" "пола" "пола" "пола" "пола".

Меняется перед нами и посылание души в рай. Там же
зачисляется на кладбище в сопровождении своего
бессмертного друга, Гораций - и видит, что моги-
лым копают могилу и поют. Море и смерть
опять на его малом отталкивает и жалеет - не могу-
т же умереть. Там же не поминает этого. Как
на кладбище - то же не поминает смерти, только
быть могилок и не утратить бессмертия
своего. „Неужели они не чувствуют, что не знают!“
Копают могилу и поют. „Зовут же они Горация.“
- Пришла сего дня его проводы, и так оно
встретит там же его, чужого „друга.“
1. Там же обаянием обаяет: и так же и так же
работает, и так же и так же и так же и так же
будет пришло. Оно и так же и так же и так же и так же.

[illegible]

мелтани, дурные ели были бы забиты и приносимы
горюху винуила бы в полой драммы свинсу-
цетиво валии. Каждый принцип "Менер, доволен
ли им зачали? Нет, не доволен - чини-
те нас душа самая укорной материант истрам-
полити почитани припадити адротт вено вавом
и, титотт припадити сои собери енную драмму, твое
отже убить, мает собери ена, на твою чини
было помучение, ты сама убийт Попоний, убийт
Романовича. и Гилдети твоя, да не приносим
Гибриетной конкиа бядной вдали - и ты еще
не видишь, что не вь чрепана и не вь то икоот
твоею чина драмму. Ты еще занимаешься воспи-
ванием Озрика, ты еще тратишь свое Брессе
на красные фотт обилиеи кинтукного придворном
мута. Матт прикидай ии неслепый ударь убьт
ты поймешь тогда, когда увидишь прыно матуру,
упирающую Аларта, когда погу встбу твю идр
вь едоттвенной крови, что твое естество, что твое
правда, что твое горе и войдети во, врто
Раденства? икоотт чини ена, что твю ты боти
и вьтотт мир, ~~сиди~~ и оуе то шонка ии тобою
и урети оти етв ии ии, кинт обилиеи. - Король припадити Гилдетиу собери ена ии Ларронетт
взрети в придворном драмму. Гилдетиу тоби-
рети Лорацио: "и вьтрати залладу. Вдано ты
немо еси себи представити, кинт мает твю
на сергач. Вь это видети. Нетт, принцип, оуе твю
Лорацио. ? Это - твю посит, а маетт твю
процт приуеиного представити; ена ии твю
ионо до етв ии. аспутати. ? Лор. Ели души
вашей что нибуде не правити - побачи твю ии.
и пресу приуеи ии твю ии твю ена, кинт ели ии
располобена. Твю кинт ена. ии твю ии твю
представити. и вьтотт не почитати бьт
вни правити. Не посит - твю твю, твю
твю - твю ии посит, а не твю - твю
тогда нибуде припадити ии. Вьтотт готови -
вотт вь. Никити не знаетт, что твю твю ии,
твю ии твю вьтотт вьтотт твю твю?
Буде, что будети? ?
Буде твю, оуе твю твю ии оуе твю
и ии твю твю, кинт твю твю ии
и ии твю твю. Вьтотт твю, что
ии твю твю твю - ии твю твю
и ии твю твю. Вьтотт - ии

Гилдетиу собери ена ии Ларронетт
драмму. Принцип твю твю твю твю
гид - ии твю твю твю твю твю
и ии. Маетт ии ии твю твю твю
и ии

Ке сгонна дивовольна утративши нас
владу, пенурию, пастбища, не зможуть
требують припасів, воях жертву левих-
кам Ісакію. Во всем сего достукнаго
голову, попятна, вельбаческому чин
чирю. Но идет черед, свои мунки и припасу.
Во мунки не воях воях ударам-а
и воях воях мунки. Воях мунки, а воях
прозвонит воях мунки, природа и срубасом
мунки на, мунки мунки. Сварем мунки-
мунки мунки мунки мунки, мунки мунки
мунки не воях мунки. Мунки мунки- мунки мунки
мунки, воях мунки не воях мунки мунки мунки-
мунки мунки, не мунки мунки, мунки мунки
мунки воях мунки мунки мунки мунки мунки-
мунки мунки мунки, а мунки мунки, мунки мунки
мунки мунки, не мунки мунки. Воях мунки
мунки мунки мунки мунки мунки мунки
мунки мунки мунки мунки мунки мунки
мунки мунки, не мунки мунки - мунки мунки
мунки. Но мунки мунки мунки мунки мунки
мунки мунки - мунки мунки.

~~Потом дивовольна дивовольна~~

Теперь остается замечательная, мунки. Воях мунки.
Королева воях мунки мунки, мунки и мунки
мунки мунки мунки мунки, мунки мунки
мунки.

Во воях мунки:

Воях мунки воях мунки мунки мунки
мунки мунки мунки мунки мунки мунки!
Воях мунки мунки мунки - мунки мунки
мунки мунки мунки, мунки мунки мунки мунки мунки.
Воях мунки мунки мунки...

Мунки - мунки мунки мунки мунки мунки мунки.
Воях мунки мунки мунки мунки мунки мунки, мунки
мунки мунки мунки мунки, мунки мунки мунки мунки
мунки мунки. А мунки, не мунки мунки мунки,
мунки мунки мунки мунки мунки мунки, мунки мунки
мунки мунки. Воях мунки мунки мунки мунки
мунки мунки, мунки мунки мунки мунки. Мунки мунки
мунки мунки, мунки мунки мунки мунки мунки мунки-
мунки мунки мунки мунки мунки мунки мунки.

ШБ
УР 92

[illegible]

[illegible]

стр 958 X

Может ли истинная и кризисная трагедия
в Гамлете. Она не есть случайный
случай столкновения обстоятельств, она и не
есть наказание за вину. Как бы дорого не
обошлась Гамлету близким людям, сколько
бы оскорблялись из-за него не погибло — Шекспир
не осудит его. Шекспир не осуждает ^а ~~Гамлета~~
и Ричарда III, и всех других в заблужде-
ние критиков, которые на него что беспо-
кой и остроумие одного и того же ^{вынужден} ~~спаса~~ ^{смысла}
другого, оправданы в глазах великого поэта ^{положения}
~~развратника~~ и злодеев. Но не этому мы еще
вернемся в главе о Гамлете. Пока замеч-
тим лишь, что как ни близок Гамлету
Шекспир — он превосходно понимает, откуда
его нескладность и за что пошла ему эта
мучительная борьба. Он знает, что в Гамле-
те рождается новый человек. И образ
этого нового человека, а не идеалу ^{идеалу} ~~идеалу~~
таинственный трудный путь ^{направлений}
Гамлета — было уже ^{уже} ~~уже~~ в душе Шекспира
еще прежде, чем он написал эту трагедию
датского принца. ~~Брандес~~ ^у ~~тоже знает~~ стр. 426.
~~то~~ Шекспир ^{уже} ~~уже~~ и быть не могло.
Он не мог удовлетворяться вопросом —
в ту эпоху. Ему нужен был ответ.
И эти ответы находились в ^{таинственной}
важнейших отношениях, как вопрос и ответ.
Гамлет спрашивает — Брандес отвечает.
Но этот Брандес уже не знает. Ему
кажется, что все есть в том, что
попытка жизни, как по существу неразреш-
имый вопрос и что это покидание
будет свидетельствовать о ^{полноте} ~~полноте~~
и философских, идеальных способ-
ностях человека. Поэтому, он застав-
ляет Шекспира ^{только} ~~только~~ ^{отсутствует} ~~отсутствует~~ в ^у ~~у~~
тайне и — не получить никакого ответа.

Поэтому-то он и ставит Гамлета
не только над Фортинбрасом и антверпом,
которые, как мы видели, возмущены на этот
горячий размахлений дачею бодного
прищипки - но и над Брутом. „Если Гамлет
так плохо (покажется) медлит напасть
на мороза, если он так сдержан, и так
соображает в искорке предпринятия, все
хочет обдумать и упрямить себя в том,
что слишком много размышляет, то это,
но всей вероятности он иль есть ^{отчасти} своим
причиной то обстоятельство, что Мемфис
прямо от Брута перешел к нему. Его
Гамлету, так сказать, противидно,
каново пришло Бруту, а прищипки
этого поспадни не соблазняют ни
и убийству *отчина, ни вообще к какому
бато ни было рожитоложному делу.
Тогда смотрит Брандес на отпи-
шеный мекс у Брута и Гамлетана.
Мексич сказал над ^{трону} Брута словами
Антония:

прекрасна) Бога мекзке Брута въ немъ стикаи
такъ съединились, что природа можетъ,
Возставъ, сказать предъ изгнаннымъ миромъ: „а то
было условно“.

Менюй прикитър — не саблзкнётъ ни
и какому дѣлу — Брандеса, современ-
наго ~~человѣка~~, философа, ^{за} ~~философа~~ ^{философа}
~~сопоставленіи и книжати отъ~~ ^{традицій западной дули} ~~нѣтъ~~. Для
него ~~это~~ слова: это — болѣе человекъ, чѣмъ
не говорить. Но ~~тогда~~ — давить павза-
вато свои вкуса Шекспиру? Отъ него нѣтъ
у философа англичести сказать, что
Шекспиръ ^{отвѣтъ, что онъ не зналъ, полагалъ} ~~отвѣтъ, что онъ не зналъ~~ ^{существо}
Брута, а Гамлета нужно было произ-
нести ту похвалу, въ ~~которой~~ ^{которой}
Шекспиръ не зналъ. Почему Горацио,
всё время безмолствовавшій и впервые
отирывшій свои уста полнѣ смерти и
принца, говорить о немъ угодно, а не
о томъ, что „Гамлетъ болѣе человекъ,

Что его жизнь была прекрасна? Сетки

56

Шекспировскими героями проходят пред
нами — и ни об одном из них автор
так не говорит. Когда Гамлет хочет
произнести высочайшую похвалу своему
отцу, он ^{находит} ~~произносит~~ эти
слова:

"Да, он был человек во всем знаменитый,
Мне не найти подобного ему!"

Но Гамлет — отца ^{его} не знает. Извраще-
ние действительных ^{его} лиц, кроме Брута,
никто не наводил Шекспира на мысль,
что перед ним — великий игрок, к кото-
рому можно стремиться,

Взвешивая: лучше либо отвергнуть
миросозерцание Шекспира, либо сказать,
что он в Брута заранее произвел
призыв Гамлетовой философии во
всех ее видах, ~~значит~~ ~~невероятный~~.

Ужасные мы видели близость Гамле-
товской тины к тому, который по-
дет весте в наше время, только больше

называется ^{лиц} поражен в Шекспира
такой глубокой способностью проникать

в тайну человеческих помыслов, кото-
рая дала ему возможность в бурную

эпоху возрождения подметить ~~второй~~, который своей сущностью сравнимо обнаруживается,
тогда ~~лиц~~ парадоксальнейшие ~~типы~~ (иногда с приходом души утесы с глубо-

сопоставляются, но не актуальная часть ~~лица~~ жизни жизненных задачами, парализует

Гамлету при Елизавете было перпо-
ницаем. И теперь он часто нависает,

ибо скрывается под своими отрицатель-
ными подробностями, блестящими умою

и ^{отвлеченной} философией. Но теперь он — самое
обаятельное и его различить нест-

рудно. Тогда-то среди лотспоров,
Ричардов, Порфолков, Отелло и других

"романтизм любви" его кротость и
радугие, ~~расто~~ его ~~блестящий~~ ^{порывистое воображение} ~~ум~~ и

Гамлету принимать Гамлета за исключи-

тельно современно человека — раз Шекспир

видит его уже в том же тоне падаю — значит

нервно закрывает глаза, чтобы не было су-

дить. Гамлет, как тип "мыслителя", не имеет

небольшого разлада — это правда. Никто не может

заставить блестящего ученого заговорить аляпу

и солдатам Фортинбраса. Выходит из Браунинга

все предположительно перед силой "мысли" ученого,

но не покаялся, что "хитрая" мысль есть граница,

мощная сила, которая может и разрушить судьбу,

которая своей сущностью сравнимо обнаруживается,

тогда ~~лиц~~ парадоксальнейшие ~~типы~~ (иногда с приходом души утесы с глубо-

сопоставляются, но не актуальная часть ~~лица~~ жизни жизненных задачами, парализует

Гамлету при Елизавете было перпо- ^{впечатлительнейшими} ^{мысли} ^{мыслителя} — то верить

ницаем. И теперь он часто нависает, ^{Брандеса} и это — правда. Но не чуждому,

а ^{аморальности} и в такие моменты он

понимает, что ^{лиц} ^{мысли} ^{мыслителя}, значит не

существуют на три четверти. Но Бран-

дес не так принят

тут, утративши способность понимать и играть
в генерального сына возмужавшего. Это сравнение
своей ^{любовной} ~~книжки~~ ^{книжки}. Вот видишь, что Шекспир
с Гамлетом угадал сына нашего века. Но,
оказывается, что сыны нашего века "еще не
доросли до того понимания жизни, которое
мало было уже 300 лет тому назад воз-
можу понять. И теперь, не имея нравствен-
ной силы открыто признавать в своей
несвободе, маленький человек 19го века просит
признать в тою, что был лучшей надеждой
Шекспира и несомненно является даже, когда
высвободится от Брута приходится черпнуть в
его творца. Несомненно, "никто еще до сих пор
не сказал - и не способен это, ибо он в нас не."
Вот именно то барьер, ибо он - не человек.
Это - человек, придающий много благо родства
тому, кто ее провозносит.

она застаем у Шекспира Брута во вре-
мя празднеств Луперкалий. На площади
проходят ^в процессии с мушкетерами Цезарь,
за ними Антоний и цезарь ^{сниме} ~~рину~~ ^{рину}
патрициев в сопровождении толпы народа.
Вот, неслучайно и будущая востановка
третьего мира, слышуются с подвострастием
за диктаторов, жадно проглатывая
их слова. Процессии проходят - но Брут
с Кассием, эти два благородных и чуждых чело-
века, про которых, даже передает Плотин
внушая опасения Цезарю тем, что
они имеют много думают, остаются
на площади. Кассий зовет Брута посто-
реть на башню. Но тот отвечает, "я
не хочу; Антоний не любит, и нет у меня
веселости Антоний". Брута не до веселия. Намая
глубокая мысль зацепила всего дурака. Аман

98

тѣмъ въ его частной жизни ничего не проис-
 зыло. Его покровители блещутъ, въ ~~свои~~
 налучшемъ счету у народа и патриціевъ.
 Цезарь его любитъ. Онъ занимаетъ почетны-
 мую должность. У него жена — лучшая деви-
 цина въ Римѣ, безпрестанно ему преданная.
 Сами Цезарь спрашиваетъ у него совѣтъ
 и, по его настоянію, прощаетъ пѣвца, кого
 хотѣли казнить. Плутархъ говоритъ про
 него, что онъ ^{несомненно} былъ первымъ и самымъ
 почетнымъ человекомъ въ Римѣ, если бы
 онъ еще на некоторое время дожилъ. Воевалъ
 вторымъ местомъ за Цезаремъ. Среди нихъ
 самое блестящее будущее. Впереди — бо-
 гатство, слава, почетъ, первая роль въ Ри-
 мѣ, изъ которой Цезарь дѣлаетъ мѣсто,
 не покладая руки, убивая людей въ Галліи,
 заводя китри въ Римѣ, рожая
 на стражную гражданскую войну. Пережди
 онъ ^{дружески} ~~тѣмъ~~, если бы онъ началъ этой властью
 для себя — она у него была бы. Но онъ испыты-
 ваетъ, наконецъ до того, что измѣнилъ
 въ обращеніи съ друзьями. Насей упу-
 шаетъ его. „Къ твоимъ глазамъ не видно
 прекрасной ласки и той любви, въ кото-
 рой я приваля“. Ему кажется, что Брутъ
 ины переговоры. Пришла — не тутъ
 она.

„Не заблуждайся: если взоръ мой мраченъ,
 Когда въ чертахъ моихъ разстройство видно,
 То лишь меня насаетъ злое.
 Страдаютъ и съ недавнихъ поръ — моя душа
 Волнуетъ страсти разные и души
 И тѣнь кладутъ, быть можетъ, на мои
 поступки; но все это не должно
 Другей моихъ тревожить, заставить
 Во мнѣ холодность въ нѣмъ подозрѣвать.
 Къ тѣмъ, блудной Брутъ въ борьбѣ съ самимъ собой
 И заботится отъ того порою
 Любовь къ друзьямъ открыто вкрадывается

"

Брутъ въ борбѣ и самнитъ сабою - чужимъ
Гамлетъ, и первая-иже дѣйствій. Но Гамлетъ
мечтаетъ свой первый же помыселъ, съ котораго сдѣлается
столбъ негодованія противъ матери, противъ
матери, противъ всего міра, обвиняетъ
даже этого негодованія не крѣпко. "Скорби
душа, уста должны молчать", вскрикиваетъ
онъ, и въ немногихъ словахъ характеризуетъ
все свое будущее поведеніе. Душа будетъ
скорбѣть, а уста будутъ молчать. Брутъ-же,
когда только замечаетъ, что Кассій хочетъ
опытныхъ путей навести его на канакъ-тѣ
серьезное, опасное дѣло - самъ идетъ по нему
на восторгъ.

Что можемъ сообщить мы? Если это
Но благу клонится народа - пусть и чуждъ
и честъ и смертъ востанутъ предо мною:
Въ глаза своимъ не отворачивать и нехъ,

Ахъ до этого Гамлетъ додумывается
лишь въ четвертомъ дѣйствіи передъ
отъѣздомъ въ Англию. Вѣкъ говоритъ

Всѣмъ

Всѣмъ жъ крѣпко, что бѣгъ великой чести,
Не востаетъ, но бѣжитъ за пестрицу,
Когда задѣта честъ.

Додумывается - и покидаетъ Англию Данію.

И Гамлетъ и Брутъ люди, разнѣшныя иже.
Но какъ ~~на~~ различно иль различеніе!

Ахътаръ разсказываетъ про Брута, что
не было человека, который бы такъ мало спалъ,
какъ Брутъ и, что въ время самыхъ трудныхъ
походовъ, когда все друіе члѣны свободны
и спятъ, и жонъ отдохнутъ - Брутъ ~~ж~~
иже былъ проводникъ въ размышленіяхъ и
запискахъ. и канакунъ битва при Фарсали,
когда утомителнаго, жарнаго дня, въ то время

Когда все другие спали или предавались
 заботам и размышлениям будущая,
 Брунхильда до самого вечера проработала над
 "Полибиом". Вопросы о жизни и смерти, о том,
 что ждет нас за гробом, о добре и зле,
 об обязанности человека и гражданина
 на нем не волнуют его, как у Гамлета
 он неустойчиво изучает все, что может
 дать ему какое-нибудь материальное или
 развлечение в том. Но он не умеет уста-
 навливаться на серьезные, бросающиеся в глаза
 неопределенности. Для него не существует
 ответа: "скажи душе, уста дополнят
 мыслить". Размышления, но он скоро они
 приводят его от одного неопределенного
 к другому — становится для него источ-
 ником муч. Он никогда не удовлетво-
 ряется тем, что думает, что испыты-
 вает труднее или сложнее обстоя-
 тельства. Вмешательство возникает по поводу
 вопроса является у него потребность
 потребности в ответе, потребность как
 вечная и глубокая потребность в человеке
 не может (не привести) к ответу не-
 удовлетворенной. Она указывает на такие
 пути, которые были бы неминуемо,
 казались бы невозможными, больше того
 никогда не пришли бы на ум, если
 бы все существо человека не требовало
 бы прозрения или отчаяния. Гамлет
 заранее расположился к тому не найти
 и бороться по законам логики, по
 логичному пути теоретической мысли, ^{т.е. "математич"}
 он не сможет выйти из колеи,
 в которой научно-музыкальными
 усилиями пролагает свой новый путь
 неспешно, ибо ему этого не нужно.
 И наоборот — ему этого не нужно,

ибо они не способны. Для Брута — такая
 жизнь не возможна. Он, в борьбе с са-
 мим собой, но он полагает, что не
 этой борьбе. Гамлет о ней забудет.
 Вся жизнь Брута сводится к тому
 что этой борьбе. Когда ^{раз} Цезарь возстал
 против Помпея, Брут ^{раз} принял сторону
 этого победителя, хотя был личным
 врагом его, как убийца своего отца. Но
 он считал, что Помпей прав и
 отложил в сторону личные счеты. Для
 Гамлета — это была бы неразрешимая
 проблема, ^{которой разрешить не следует} (что у Гамлета, в (взят ли ст) стана
 он за Помпея и отказать от надежды
 отменить ему, или помочь своему Цезарю
 и наказать врага? Несомненно, это та-
 кое и мучительный вопрос, о котором
 много, которое может отнять много сил
 человека, вынуждая его на борьбу безсонных
 ночей. Он связан с неясными одами
 и злом и правдой справедливости, советом
 тем, что находится за той таинствен-
 ной дверью, куда стучится Гамлет. И Брут
 не перестанно подходить к ней. Но ответить
 может лишь тем, кому он нужен. И
 подходить туда со страхом и сражением
 опасения не узнать ничего, то есть и не
 узнает. Вопросы о добре и зле, о правде и
 справедливости рождаются у людей, кото-
 рым из-за них все зависит на себя.
 Как Гамлет — и Брут чувствует недо-
 вольство непосредственно побуждений своих.
 Он чувствует в себе, что подобный разум,
 который часто говорит ему, что его муча-
 вшая, его расположение к тому или к тому
 человеку, его дружба или вражда — не
 главное, что хочется не того, что нужно.
 К у Гамлета мнение совершенно самог-

стр 101

то, т. е. процесс, киманой связи
 с остальной жизнью не импонирует. У Брута
 число ипаче не увеличивается, а лишь добавляет
 в полноту и ровн. Оттого Гамлету кажется
 всегда не то, что ему нужно, Брут же всегда
 то, что ему нужно. Бруту «хитрое» раз-
 ношение жизни непонятно, нам же
 праздничная забава; Гамлету кажется
 это восхитительным. Бруту разноше-
 ние необходимо, для него это «бож-
 подобная разумность» счастья, благополучия
 и в нем из него больше почти никаких
 чудно испугаться. Он чувствует, что соз-
 нание показывает ему еще одно самое
 стало лучше и дружнее сгруппировать лучше,
 что возможно в нем самом, в его руке на
 жизни, пережить ее, приблизить себя
 и всем людям, с которыми ^{его} приходится,
 не идеалу, сложившемуся в его души-
 и сильно идет на ветру, опасности.
 (Смерть не страшна для него, ибо он знает,
 что это единственная вещь) Он видит и
 трудна и глупа, но он не побоялся
 ее. Когда он думает о смерти он
 перелетает через эти столь стра-
 нные для Гамлета препятствия, неслучай-
 но, оказавшись слабей, что он поднимает
 Гамлета, а сознание глубокого зна-
 чения человека. Он чувствует, рассказ- 22
 вает Плутарху, что Цицерон боится
 опасности гражданской войны и
 не пугается позорной и беззастенчивой
 смерти. Для него самая жизнь, существо-
 вание — не важно. Он ищет лучшей
 жизни, знает, что есть тайна и в нем-
 ных за ней не боится ни опасности,
 ни смерти — не для себя не для других
 других — то он от них отходит от Гам-

оста, починаю щую, чти дающе было
 робкий и нм метаний чловку и не даго
 ндти. Гамлет не догадывается еще,
 что благоговейные метания могут
 лишь тогда б чего нибудь стоить, когда
 облекутся въ плоть и кровь. Сказано- зло
 нучно и мрепнть гораздо менше зна-
 чить, чмъ виц и титъ одного постра-
 давшего отъ несправедливости и словна.

Этого Гамлет не покидаетъ. Для
 него пострадавший отъ несправедли-
 вости и словна — тако^е понятие, наче
 и зло вообще. Онъ хочетъ помочь ему не
 ради него, а ради торжества добродетели,
 а не ради тани почития. Гамлетъ
 знаетъ это и погрбно и нмъ разназо-
 баетъ въ своемъ монологе. Онъ всей душою
 противъ зла — но онъ ничего не даетъ за
 то, чтоба поднятъ одного чловка.

Люди для него обратились въ покл-
 ний, а не почития даво чмъ ^{перо} стали
 бытъ представителями жизни. Онъ не
 знаетъ, чти вокругъ него люди, на-
 бивъ проливъ болго, горю, обиды, чти не по-
 ви радуются, нагнются, оживутъ. ~~Узна-~~
~~етъ~~ ~~ба~~ ~~онъ~~ ~~до~~ ~~брута~~ нмъ добра
 въ чловка. Онъ не пойдеть въ храмъ
 молить ^{предъ} ~~ради~~ доброты, но отъ роу тани
 поставленъ идолъ. Онъ ищетъ его въ че-
 ловка — въ себя и другихъ. Онъ счита-
 етъ не правила различия и еи о нмъ
 члову, а себя, своихъ близкихъ. Рабско-
 е существование упицаетъ, обозначи-
 ваетъ чловка, сводитъ его жизнь
 къ нмъ то нмъ прозваню — тани боитъ
 ли трагической войки?! Это роу не
 ищетъ и сравненй почитий, изъ за моты-

На Цезари менз вооружити.

Где бы заботи мог твоя

И такъ не менѣе, первая часть статьи,

Отчаяние, душевная мука Брута ^{3-й акт} не имеет предмета. Но из-за того, что «нужно»
таинственно, вечно таинственно. Но, что оно три
на все идиное сходство положений — или
откуда источник. Таинственно таинственно,
связано с расправными связями времени, а
оттого, что все связано с ним.

Нотарио да вистава тѣперь въ Римѣ вѣст, 13

Брута не пологий, ровной, условяют, не

видящий впереди себя ничего и поэтому
никого не окружающий. Выходит, что
такая душевная борьба, что такая
муча. Это отчаяние не имеет пред-
лога. Но не оттого, что „нужно“ связать
расставшуюся связь времени, а оттого,
что она связывает а, что она принимает

на себя этот нечеловеческий труд. Но нас-
сий говорит одностороннюю сторону несправедливости.
Он типический валоворщик, страстный, воз-
будительный, ничто, кроме своего предпринятия
не значащий и знающий не желающий. Его ак-
тёрская сила. Там Готсперн, когда его
векорбит Генрих IX весь обращается в уродство.
Для него не существует весь мир — ^{внутренний} Боровой
он не знает.

Грута ^{всё} видит и глубоко страдает
от невозможности примирить все запросы
души своей. Цезарь — ему ^{лучший} друг. Цезарю он
обязан жизнью; ^{любимый} Цезарь ещё прямо не
проявляет своих честолюбивых замыслов.
Он боится — это требует разрешения —
не проявить. Предприятие страшное опасное:
ставит на карту жизнь свою — битва эко-
номии и честности, счастье любимой жены.

И против всего этого — свобода или рабство
Рима. Совместить свою любовь и дружбу
к Цезарю, свое чувство благодарности к нему,
к той тёмной величавой подаренной ему жизни,
свое стремление к безопасности ^{личной} и все-
го можно лишь с рабством Рима.

Нам грута, нам нежно напоминает
сначала то с своей обязанностью выжидать
в этот вопрос. Для него будущее рабство
Рима — пустое слово, безсодержательное,
отвлечённое понятие, которое он не мо-
жет жить. Он знает, что «свобода» — хорошо,
а рабство — хорошо. Но это хорошо — и дурно
совсем иное, чем то хорошо, кото-
рое красноречиво человек, когда, заклю-
чившись в ортодоксальную скорлупу считает
себя королём необъятного пространства
и то дурно, от которого страдает
человек, когда его вадрирует из скорлупы —
в море жизни. И, если так, то оплошность

[illegible]

[illegible]

своими кнѣзю, и рои не помя не кнѣ-
мѣ, тѣмъ вѣдѣи, въ мѣстѣ ^{бѣли-сто} хотѣ не много
стремленіи желанія обрѣчь себя, нашла
бѣлоостаточко предположи, что въ обрѣчь
въ крѣпостской мѣст одержав елобость
своего духа. Но у Брута кнѣмъ этого.
Онъ вѣдѣи все. Въ мѣст кнѣмъ
процессъ вѣрванъ онъ постепенно
изъ своего сердца и любви къ Цезарю,
и благодарности, и опасенія за кнѣмъ
глаго, и любви къ порции неопытныи
въ стремленіи Цезаря къ коронѣ, ^{и кнѣмъ} и ненависти и пролитію крови. кнѣмъ не мѣст
Предъ кнѣмъ бѣла свобода и рабство —
не понятіе, а мѣстная часть его души.
Рабство не было словомъ иного цѣ-
та, чѣмъ свобода, а неслѣдствіемъ,
истиннымъ горемъ, которое отняло
отъ него всю жизнь. Не вѣмъ его раз-
глагол повелительный голосъ, требо-
вавшій ^{отъ него} отдать всю жизнь свою для
чего-то чуждаго, а въ немъ самомъ.
И этотъ голосъ покрывалъ собою все
другіе голоса: безъ свободы — дружба,
любовь, семья, разныи мѣст все ува-
жѣнъ, какъ цѣмъ тѣмъ безъ солнца.
И Брутъ — точне мыслитель, какъ Дем-
остѣ, точне — философъ, но онъ мыс-
литъ иначе. Для него еще смыслъ
~~не~~ что обнѣмъ своею жизнью
жизни, ему не нужно убитъ се.
Житѣ и мыслитъ у него не гдѣ
разрѣшеніи, противуположеніи
~~человѣ~~ процесса, а огни. тогда
Получаи те эти мысли и мысли
~~мысли~~ ~~мысли~~ ~~разнѣнныи~~ ~~мысли~~
Поэтому ^{вѣмъ} противорѣчѣи, ^{какъ} господствующаи наши раи
не мыслитъ бѣтѣ. У него прошлое,
настоящее и будущее, отъ аспекти
и близких люди — все кнѣмъ эти мысли

образовъ послѣ тѣхъ же и мучительныхъ
душевныхъ напряженій рождается полная
жизни картина. Измѣрениа и взвѣшанія
расширенныхъ понятий — работа Гамле-
та, «ума — дастъ лишь ^{путес, ищущо} ~~новое~~ ^{расширен.}
нее понятие, которое, какъ бы пестро
оно не было не заставитъ вострепнуться
душу бѣднаго принца. Изъ паутинки
не выкуе ^{лишь} ~~лишь~~ гранитнаго памятника.
Гамлету нужно не еще увидеть, а
увидѣть другое, ему нужно востра-
дать себѣ пробужденіе, хотя бы тѣ
маленькое, которое знаетъ матеря. Когда
онъ впервые заплачетъ на Гемубой, онъ
научится искусству говорить жгучими
слова Грота, пойметъ, что онъ идетъ не
изъ вышнихъ гармій, а какъ лучшая кровь,
текутъ изъ его души. Когда онъ будетъ постигать
дочь, и стать нѣбось, когда стѣклетъ ему тѣнь
бѣжущаго даровъ отца, тѣнь беззастѣдлимо му-
чительнаго поворота матери, тѣнь отбратителнаго
убійца Клавдія, какъ Гроту протѣкло рабство
и дорога свобода (прочесть для него путь,)
тогда ^{тогда} ~~тогда~~ ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~
(вѣдъ по которому), связывается распавшимся
связь времени и вѣстятъ о Гротомъ ^{научитъ} ~~бывъ~~ ^{бывъ} ~~бывъ~~
испытать ^{ума,} ~~ума, ^{рогатъ,} ~~рогатъ, ^{отъ} ~~отъ~~ ^{отъ} ~~отъ~~
тогда ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~
ребенку, ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~ ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~
хирурга, а ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~ ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~
на муки — ибо онъ не противъ смерти, а
для жизни. Пусть научится терзаться
за самого себя, а тѣмъ ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~ ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~
и ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~ ^{узнатъ о немъ, какъ} ~~узнатъ о немъ, какъ~~
отвѣтственности существованія, въ при которыхъ
фигура любви ко всему — жертва безпо-
рочна и непорочна. Для человека живущаго
всѣми фигурами своей души она не строится.
За ней онъ уже чувствуетъ ^{новой} ~~новой~~ ^{раскрытъ и тверды} ~~раскрытъ и тверды
идетъ ^{новой} ~~новой~~ ^{раскрытъ и тверды} ~~раскрытъ и тверды~~~~~~~~

Нужно звать прежде всего людей из новой
численности, — а для этого и из самих числен-
ности звать и учить.

Въ зломъ дѣлаи иль кутис

[illegible]

нашней труппе не страшно свое страшное за-
нятие, потому что находили любовь Ромео
нехорошей — она не знала ее, она не видела
ее, она еще была недостойна ему и она
так откровенно уродовала человеческую
природу. Судьба для человека, а не человек
для судьбы. Только полная прибитость
жизни могла породить такую чудовищную мысль,
что денеж, „свобода“, „свобода“, в то, что мы
называет нравственностью, значит есть
вредная односторонняя подобная разума,
стремящаяся к зло нашей природе ^{измышление} вредная —
ваши для нас суровые и трудные законы.
Из нашей же природы, из нашей стрем-
лений, наших сознаний и выросли лучшие
наши идеалы, неслучайно. Но и наша лучшая
и великая — и находим мы, если не отсту-
паем из трудностей — мы нравствен-
ности. Вы не убедите глубоко чувствующе-
го человека вернуться к живому отношению
сущей вавилонской, смысла в то, что он не страдает
в своей жизни. Если же помыслит, что
то это лишь потому, что человек не дос-
тигает иной жизни, подобно тому, как
труппа своими ^{не знает} стеревась. Для Брута —
нравство — вавилон. Вавилонства и при-
меть, он не впадает в позор, как Дан-
тес не впадает в канисекнаю ему ли-
чного оскорбления, как Ромео не впадает в ярость
своей возлюбленной. Любовь к Риму под-
дарила любовь к Цезарю, ибо Брут — любил
Рим; он сам это скрывает в своей
речи и парад. Да для Дантеса все
этой любви не существовало. Он возлюбил
смерть отца, помня о своей, оставил
Клавдию свою мать на волю убийцы —
а боролся с корсиками, подводил под кон-
армию и тучнее под Рима и Милан.
Эта божья подобная разумность оказана

[illegible]

душевные силы должны были бы его заставить
вспомнить все заветы. Равнодушие отравляет Р. 1.
на смерть так, между прочим, хотя не убе-
ждает Клавдия.

Брута говорит:

Не будешь ли, как Кассий мысленно (370)
... полагаешь

УР 116

Затвори, Заговорники удаляются и Брута
бегущий к Корнелию.

Вне Цезаря приносят в жертву, ибо не было ни
оказаний его духом. Различия между Бру-
том с одной стороны и Вителлием и Антонием
с другой. Как Брута эти последние, как только
удалось им уйти из Рима своей противни-
цы, первыми делом занялись проscriptions.

И в этом занятии не только не, которая
представляла опасным для них существовавшим
Зависимости, но все, что могло быть для него
таким важным триумфировать. Вот что Кассий
передает в их совещании: "Но в этом спорном
пункте они сошлись бы особенно сатириче-
ский и пародийный смысл этой мысли возмущения,
как отсюда насмешки; (никакая опасность не
имеет вопроса о том, кто да подумает) мало
или почти ничего не было разномыслия по
воле, то, что так много, которых они
отрешили смерти, ибо последователи и сами по себе
своих врагов и спасти своего рода влиять.

Лит. 20

Намечая эти последствия не только из своих
врагов противников но и дабы избежать, которые
были бы отсюда своими друзьями и родными,
т.е. Цезаря (Брута) уступил Антонию Цицерону,
Антоний же вложил этого влез в проscriptions
людей Цезаря, своего глупо с монтерическо-
старого. И между тем довольно умертвить
своих врагов Павла, хотя и то, что утвержде-
нот, что Лепиде сохранился на смерти врагов
иных своих друзей продолжая товарищ. Кассий,
не может в этом участвовать и безразлично, не
этот объект. Ибо объект не имеет
на что смотреть, они отрицают на смерть и смерть

руку на лучшую друга, остается все точки гуман-
ности, т.е. гуманности Брута — ибо суровой правды
не было, а любовь. Для нас это является
почти невыполнимым, но Шекспир, не учитывая
мелочей, о возможности нравственного величия
и ни когда не убоившись в поисках за лучшей
жизнью с самим, показал нам друга: Убийство
это преступление убийства искупается
лишь отсутствием злобы и ненависти
к жертве. И тот, кто, как Брут, убивает
любя совершил двойную подвиг — нравствен-
ный и исторический. В нем неуживчивость догмати-
ческой или из злобы к жертве, т.е. остался
самим собой и вмести с тем совершил
то, чего от него по его разумению, требовало
время и обстоятельства. У Гамлета, вопреки
всему, что размышляет Брандес, есть и
вопроса оттого, можно ли убивать. Из этого
отношения замечания Мина что Шекспир
фигурирует средневековой человек, что
задавался такими вопросами ~~всего~~ (Брандес от такой манеры повествования)
совершенно ~~отвращает~~ ~~его~~ ~~от~~ ~~этого~~
образе мысли датского принца. Разумеется
Брут — это Шекспир возвысил до своего
понимания наказания и преступника, при
котором наказание допустимо и объектив-
но потому, что иначе, «слово и обаяние»
функции человека, и не только в нем чуждо.
Эта наша великая мысль, до которой не до-
рога еще и наше время, называет смертью
несчастных людей и где которая была
безусловна. Чужда античной возмуща-
ющей, еще тогда близки связанным с Карле-
ванским Токмаком ТМ, при котором до того
человек был наказан за граждански-
ческий и нечестный воровство, хотя и в Шекспире
только у Брута, там глубоко понимал-
ся и убившего человека и нечестного

[illegible]

Но поразительнее всего кажется вам
 Брут в той речи, которую он произнес
 после убийства Цезаря. Взяв вину — не
 нужно было для своего оправдания ни одного
 слова лжи. Все, что заставило его действовать —
 быть так совершенно он мог открыто
 доплатить ^{или} подробностей рассказать ^{или} пред
 гражданами Рима. Дитоний говорит, что
 Брут оратор. Нет, Брут в том смысле,
 в каком понимали тогда это слово —
 оратор. У него нет, как и всегда, ника-
 ких украшений, он признает все, как есте-
 ственно признает красноречие, как поощряя
 добродетель — ругая и бичуя. У него
 есть правда — которая выше и сильнее
 всякого украшения речей. И он, собственно,
 не ~~хочет~~ блуждать всякой лжи, всей блудли-
 вой мишуре, даваемой наукой, шко-
 лами правилами. Он говорит:
 Если — для блага Рима убить
 своего лучшего друга. Пусть же это
 никогда не случится и против меня,
 если смерть моя покажется от ^{нужды}.
 И, когда смерть его покажется — он
 не побоялся ее. Эти слова и все, что
 Брут в это время и оправдала отъ все
 упреки, как по отношению к нему
 воздвигли. Цицерон слышит, Брут
 "для блага Рима убить своего лучшего
 друга" и эти были не убийство, а вели-
 чайшей нравственной подвижки.
 В четвертом действии знаменитой
^{и приписанной} ссоры Брута с Кассием Кассий
 позволил себе ряд неблаговидных
 поступков — и Брут требует ^{от него} ~~свой~~ ^{свой} отплатить,
 которого Кассий ~~давал~~ ~~на него~~

мощи и утешен Казаря. Кассей не знает
 величия, хотя по пути все больше ему свиде-
 тельно. Если он избирает одну, а не другую,
 то боится из приливов, из страха пред
 отсутствием материальной, пред тем приговором
 и из власти, почти правящими поведением, который
 его гонит при нем все назаване "пути ины".
 Но, когда эти "пути" — сменяет из приливов,
 соот похищает им все остальное размышлением:
 "Задержаны и тогда и похищены."

392

приветствие

Брут и молчаливо борющийся из долагуемого
 руд посылает им всекий заработок,
 и из этого события борющегося ~~сам~~ "правильно"
 он, "остаток" — Да нечего бояться. Все
 считана из "показаний" сердечных стучах
 и ее не верит Брут, как не верит молва
 из биржи, а если верит — то только, как вер-
 бам дружбу и Казаря. Их магия победоносна
 Бруту воевой закон — во все думает. Вним
 принимают традиционные императивы, как
 мажориты того, что "можно" думать, и
 сердца из восстающих да что не осудит
 мода и истерия. Они учат магию и исте-
 рию, как нужно судить. Но не верит, ~~и~~
 Антоний и Кассей: грабитель правящий, и из
 это все привлекли социальное от той деятельности,
 с какой относятся к ^{принимать} ~~принимать~~ изостановкам
 магии, у Брута воровство свое, ^{не} ~~не~~
 таково истощена, о котором Кассей и
 не подозревает. "Все из магии борющийся
 всекий борющийся из долагуемого руд
 посылает", ~~Антоний~~ и ~~Кассей~~ ^{Кассей} ~~Кассей~~ ^{Кассей}
 нити свои сердца на пошлость, и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
 Богданов ^{Богданов} ~~Богданов~~ ^{Богданов} ~~Богданов~~ ^{Богданов}
 "применение" ^{применение} ~~применение~~ ^{применение} ~~применение~~ ^{применение}
 борющийся все, как и великая ^{Богданов} ~~Богданов~~ ^{Богданов} ~~Богданов~~ ^{Богданов}

учреждениях в ораторских речах — но которые
отброшены, как лишние сущности в речи.
Для Грота это и сущности, как и сущности
существует для себя самого, эти науки, науки
до этих и т.д. т.д. У него всегда есть
и поступки и сам. Выходит
по закону, а не опирается, эти не имеют
надобности, а так же по ней. Что ему по-
сещают, эти под посетителя? А из за этого
иногда порывает со своими друзьями и со-
общает, в виду приближающейся армии врагов.
«Эти», «правда», «такая», «вот такая», «потому
что» ^{впрочем и в} ~~раствор~~ ^{и в} ~~сростся~~ ^{и в} ~~уже~~ ^{и в} ~~со всеми~~ ^{и в} ~~успешно~~ ^{и в}
хотели не станете для него, «успешно»
готовит, как примет теперь вразумительн.
Этой готовности — природа человека. Выходит
и в трех и в двух, как у него есть —
а в создании новых игр. Для Грота —
со всеми, что взошло сего сего, поим-
тиски. Это его готов. Выходит порывает
этой сего, но она мучит сего и т.д. и т.д.
его. Грота связан с посетителями, с Римом,
с Москвой, с Корцией, как с самим собой.
Грота вечно вечно соперничества Грота.
Грота пущей бедняк, неслучайно Рим,
слабостью Москвит. Грота, потому и не-
полнота и того, что приказано ему т.д. и т.д.
и т.д., убитого отца. Грота — твердо
идет в лицо враждебной сущности
Корции и идет к своему другу.
Сюжет «Корция» и Грота — план
спасения по помощи Грота, эти параличи
сами собой изуродованы. Грота — и т.д.
о смерти Корции в эти время, как он
бит с Корцией и т.д. не знает т.д.
Этого, Грота и после призыва, по-
ему Грота говорит «то сего»
улицы от т.д. и т.д. Грота — и т.д.

ap 123

Косей, у меня

Мамз моего сына.

К. Если предъ Богъ или
Святой или кто у насъ душою,
то все же грешенъ и въ
Б.

Ахмат и не могу считать себя поэтом,
Григорьев. Завис, Кисели, поэзия естественная.

Знаю, Касимъ, Козимъ спускался! Скорее

[illegible]

А из него вырвется и асфальт баша...
Восстановится он.

Атомов, куча масса по разным силам или
привлечении. Брызг шариков.

Француз во плути! Желала, щоб
Вся чужий фронт; и мала о шоме,
Ты спертй не могли она изогнутий
Вамит иль отку ваяет удар.

~~Меня~~

Ваше тѣло вселенныя извѣстныя извѣстныя
переноситъ вселенныя извѣстныя.

Взвѣдъ, вѣдѣе Бруннъ словомъ и дѣломъ
учителъ людей нравствъ вѣдѣе вѣдѣе.

Изъяс на ижд, сущи^ю ег^о-вс + ~~хель~~

и личи руководится Мексипирч, создала свои Бру-
та. Но не дало ли превратиться, на сколько сообра-
зуются Мексипирские исторические перек и на
ясвипи образца, воспроизводили поразни-
тели, часто подготавливая источники. Мексипире-
му чужды в это не списать можно говорить
большее, чем у ученых изобретателей. Рудольф
но и исключая эти черты воспроизводит духовную
жизнь вельсина, как материал постройке
Архиву по (маленькой части) не только по изречен-
ию. Это материал, который Мексипир не имеет
у Плутархову было вполне достаточным, ~~что~~
создал тип своего "человека" и пожелал зна-
ний этого слова. Но в это не словное. Теперь,
когда мы хотим знать, как "думать и чувствовать"
Мексипир или как прежде всего интересны
не исторический Брут, а мексипирский, если-ба
малее он и не соответствовал Плутарховскому.
Но хотим знать, что это значит Мексипир
лучше иль, ~~или~~ в Бруте напечатать это, от-
врат. И Брандес, как видно из его суждений
цитируя поименовать, что Мексипир своего Брута
считает, простым и великим. Победителем,
на анализ этого характера и нужно было
оставить, чтобы вложить, как и полагать
его жизни поэта. Но это разрушило бы все
попытки Брандеса, что пред. Брутом и над-
былиским философии опустошить свои ~~мысли~~ мысли
взглян. А вот Брандес, полагая, что, ~~свое~~ "новое"
наше признание, пожелать и поименовать, ~~характер~~
(~~поименовать~~) переживает его иль "просто"
и великим" в простую и не великую. Прием же
чужды в антиквизм. Но был по всем стра-
ницам, посвященным "Жизни Цезаря", разрабатыва-
лись свои и чужие замечания, изводящие зна-
чение самой трагедии и главным действующим лиро-
м. "Брут", этот чуждый идеализм,
замыкает собой великую идею практического
жизни мира это приводит из слова Рудольфа

Мексипир или в Архиве напечатать в своем журнале,
который на этой роли не имеет. Этот знает
нечто никакой изобретательности, так как проти-
вительно от пожелавший себя критиком
создавать.

содержащие записки, то и т.д. - Аху по плути,
что это. Все это мне опровергает документ. Но
"эпохский идеализм", остался, Фомин, мы доварим
учеб, что Брандес, прилагает ^{непрямой метод} (связи) описи, как
вспомогательные Брунса свои приемы. И суровые.
Мы помним, что Брунса убил не враг свои
Цезарь, а своего лучшего друга. Брандес-же,
своего не читает истинной теории замес-
ташии, Ненависть Натона и Цезарю уясит-
говаш и его писателю, Брунса". Но Интэрху,
и Фомин брат не притисоват Брунсу таким
другим темная папирей. Но Брандес не помн-
тихкий брат Брунса, учено прокроио аэона, что
якого орудия и оис, притисавает Брунсу и процити
и ненависть и Цезарю. И еще, Брунса "участвует
себя принужденный на эти грехи (убийство Цезаря)
дружбе, в ученика и оис родоси и зовут его".

1) Бродяга, человек глубокой и трогательной
и Норгии, один потерявший бутылку, как и
то принадлежал бывшему, ^{Бродяга} Бродяга ^{се} ходит
освятилось и в своем мнении, Бродяга наст-
только асси, Бродяга предв предв предв (450)

136 3 XIV
mille 3

Менее иная гарантия Брута и принятая
 знания "Novis Caesaris" с одной стороны, а с другой
 стороны принимал Менеприу Гамлетские монополии,
 Брендер (издаёт ассирийские) западные и все дру-
 даменты для своего знания. Уже несомненно, что
 Менеприу ушел от Брута - из Гамлету, ибо, что Гамлет
 Брута не привлекает его. "Придаётся Бруту - юмора Brandes
 и теплоты, он становится установленным Гам-
 метом, придаёт ему взгляд на перемены, и презре-
 ния к людям - он становится установленным Ти-
 монем Фаинским". Это любовные слова,
 под которыми кроется характерное положение
 "научной критики". Для него человек есть
 существование свойств и особенностей души. И поэтому,
 его жизнь может быть лишь быть описана, как
 безличное движение. Вспомните себя судьба это
 случай "горячо" Буржуа Тимоний и становится
 проклинает человеческий род и ублюдки в нем
 и функции в жизни. Дает себя судьба остроу-
 мие и теплоты - это Буржуа только взлет
 людей, но не понимают творца. Для них это не
 имеет отношения к жизни, (всё это не заво-
 лонно) подвижному, не может считаться Богами
 правительств, Боги существуют. Он счита-
 тельствует лишь о горькой зарплате данной
 лица. Отсюда Тон в Гайронне видит лишь
 близкого человека, отсюда в в Гейне и Лессе
 наперив и претендентов, отсюда и тождество
 Брандеса прирастает Брута в Гамлету и
 Тимона Арлекины. Подвижному и все должны
 быть заданы вопросы: что Гамлет и Тимон
 на разных стадиях проклинают что людей и чуж-
 даются от жизни, а Брут любит людей и
 не боится жизни. Подвижному, это должно быть
 на первом плане, как этот изучение чужд-
 еского характера. Но критик и придаёт

[illegible]

говаривает Бранден. "Кто эти административные
мне много касает вопроса - именно,
действительно Цезаря Мексика и
и воображать, а словно рассказ о нем.
Но не видя пред собой его талисмана, какими
он был при всем, которые от него были,
какими или представлялись людям, без слов
ввернуть Мексиканца на из пасть и толкать
в то же и клоуна, что и административная
внутренней пабук, сней, что административная
своей души, в которой человек далее и с амор-
му себя и рождался полагает. И все это и по
поверит Цезарь Мексика по в верный в нем,
но никто этого от него не слышал. Вспомнил
этого его фигура в какой-то келье дохотелась.
Пред лицом человека было, и человек пошел
по вдали внутренней нежности, по приват-
ного образа человека и был. За это можно
уверенно Мексика - но этот человек пошел
отмечает с собой этот сам указавший, что
нужно было изотворить такого для себе
какого было. Но в этот раз и в административ-
узнает, что душой Мексика, что и был
в силу этого особенно интересен этот
был Цезарь, админ, о котором устали
административная вела, но тогда и были и
Бранден и другой, которые в административной
устали говорили от имени Мексика.
В, по востановит, ~~по~~ Бранден заговорит,
но так и было от того, что и был
Бранден. И так, востановит, что и был и был
ушел из востановит пошел и и не было в том
Цезарь какому в востановит либо что,
что и был востановит собой востановит
каждо того, и в востановит востановит
Мексика и востановит востановит, что
Ибо, и востановит, в этой востановит
Мексика востановит востановит востановит
картинку рыночной жизни. Востановит и востановит
супруг Бранден, востановит востановит востановит
стремительный востановит востановит востановит
востановит востановит востановит востановит

[illegible]

Въ случаѣ освобожденія морскихъ водъ орудитъ съединеніи
въ Беломорскій Дунай Гангъ Амударья Ильменъ Волга
Палеобайкальскій Беломорскій - эти всѣ вѣдѣнія фигуръ
Богъ со создавшими.

[illegible]

[illegible]

Если онъ названъ Цезарь, то не потому, что не
понимали его, впрочемъ, а потому что не умели
изобразить его. Наша задача — ознакомиться съ пу-
тешествіемъ Цезаря и объяснить себѣ, что въ немъ
отъразилось Шекспиръ. Такими образомъ мы
можемъ лишь узнать, насколько и насколько
близко Шекспиръ, и это несомненно важно, если
разсмотримъ Юлія Цезаря, и такъ вникнемъ въ
Менсена и такъ правоуменіе великому поэту.

Плутарх описывает жизнь Цезаря как в гостях;
до ~~Галльской войны~~ и после Галльской войны, с которой
кончилась ~~которой~~ по его словам для Цезаря, потому что
началась новая эпоха и он начинал жить и
поступать совершенно иначе. Первую половину
жизни Цезаря, по Плутарху, не только не
не удалось, но сродни очень много нехорошего,
но потом он внезапно, во многом и поно-
воде, который не уступит величайшим
и наиболее прославленным героям войны.
В книге его не сравнить, он ^{каждого} ~~всего~~ этот
в каком-нибудь отношении превосходит.
Но, вместе с тем он превосходит также,
что даже наиболее число сражений и побед
наибольше врагов. Ибо за последние десять
лет, в течение которых он воевал
в Галлии, он взял при俘ном бою 800

городов, покорных 300 народов, дрались со тремя
миллионами врагов, из которых один
миллион пал на поле битвы, ~~и другие~~
и столько же было взято в плен."

Плутарх, ~~пред~~ не смотря на своего ртчи-
мость не придавать значения связанным
с собой саям, не может ~~не~~ надвинуться
этими миллионами пленников и убитых,
этими сотнями взятых городов и побед
генералов народов. И Галльская война ~~не~~ по-
лучает на время и ее
пропагандистство, которая чрезвычайно
недовольство в похителе в центрах
великих людей. Но он отвечает довольно,
своими точными зрелищ, Цезаря и ставит
его в ~~Рабле~~, ~~Сципиона~~, ~~Метеллы~~,
Суллы, Марка и даже самого Помпея.

Но он не забывает проучаю Цезаря и
не ~~просто~~ продолжает писать биогра-
фии т.е. выискивать себе не исторические зна-
чения Цезаря, а нравственную высоту его.

Еще во 2-й главе Плутарх сообщает
о попытке франков в префектуре Цезаря
у Киликийских разбойников. Братей
между прочим подробно на нем встанав-
ливаются и видят уже в этом доказа-
тельство величия души римского героя.

Разбойники, схватив Цезаря, потребо-
вали от него 20 талантов выкупа. ~~Виктор~~
~~так~~ и Цезарь презрительно разачи-
ался, сказавши или, что они не знают, кто
в их руках и устроивши их в добровольно
областности." Если прав Плутарх, что

никогда в кизилийском франке разбойники
проявляется героизм, даже в серьезном
франке, то для характеристики Цезаря в
этой истории с киликийскими разбойни-
ками уже назван весь будущий Цезарь.

Это доказало, что разбойники неостанови-
тельно и он уже готов уплатить
добровольно огромную сумму денег ~~и~~
(60,000 р. в 1894.)

[illegible]

рому онъ случаетъ, ~~а не~~ ^а ~~какой~~ ^{какой} ~~судьбы~~ ^{судьбы} ~~случае~~ ^{случае}. И, что бы быть великимъ - всемогущимъ, онъ долженъ быть готовымъ. Римлянинъ шелъ на славу и всего себя перенравлялъ на такой манеръ, чтобы ~~было~~ ^{было} ~~можно~~ ^{можно} было скорее всего прийти къ этой единственной цели его существований. Патриотизмъ и безстрашие были такими же средствами, какъ продолжительность предъ тою войною, и тридцатилетняя война. Больше того всемогущее патриотство всего ту силу, которую выработало въ нихъ римские воспитаніи, направляли противъ своей родины, когда она не обязала имъ награды за ихъ добродетели. Вотъ посылу Норіона, посланца изгнанника, всеюзинаясь волонтиарно и готовый быть рубитъ своимъ мечемъ тамъ, ради которыхъ онъ такъ недавно совершалъ предъ глазами Норіона все свои личные телесные подвиги. Это все привело Цезаря къ рѣшенію перейти черезъ Рубиконъ. Плутархъ передаетъ слова, ставшіе столбомъ известности замечательнаго Цезаря: „что до меня, то я предпочитаю быти первымъ среди убитыхъ парадца, чѣмъ вторымъ въ Римѣ“ и второе быти Александромъ, который въ его годы „уже властвовалъ надъ столькими народами“ такъ точно какъ былъ, Цезарь „еще ничего не свершилъ ни великаго, ни славаго“ (гл. II).

Эти слова-иллюстрацій и повѣщеній Цезаря среди разбойниковъ. Онъ хотѣлъ быти первымъ среди пародіи всакихъ дикарей и не хотѣлъ быти вторымъ въ Римѣ. Ему это первенство нужно, хотѣлъ быть оно совершенно ничтожно,

и безсодержательны. Ему нужно по-
 ритъ пароды, чтобы эти свирепости
 существовали ему всю жизнь. Честные
 великие люди никогда этого не ищут.
 Они будут и первыми, покорят много
 народов — если это нужно будет.
 Они будут чувствовать себя личи-
 тогда угнетенными, когда увидят,
 что обстоятельства вводят их, а они
 не могут потому либо идти. Но искать
 подвигов, ради подвигов, славы ради
 славы, значить не находить в самом
 себе достаточного содержания. Вели-
 кий человек дает, а не берет. Ему
 другие не нужны, он идет к ним,
 чтобы дать от своего избытка. Цезарю
 же и подобным ему великим рим-
 ланам народ нужен, как орел для
 действий, как тропинка для славы.
 Плутарх, писавший на то, что считается
 для Цезаря разведкой войны началом
 новой жизни с удивительной поэти-
 чностью при каждом случае добав-
 лять нам, что именно эти великие мо-
 menti великого Цезаря было его есте-
 ственное, наследственное. Вся его биография — это
 один длинный раз: свирепость в войне, подвиги
 комментарий к славе, сказавший Цезарю
 при прощанье его Александр — охватывал в де-
 рево и при чтении истории Александра
 Македонского. „Его презрение к опасности
 и к мучениям удивляет, ~~что~~ именно восторжен-
 ный человек к славе“. Им передавали о пред-
 ложении и прощании, которыми Цезарь
 собирался благодарить римских
 Плутарх говорит, что „это было стремление
 к новой славе, как будто старый победитель (историк)
 и кичился. Эта страсть была кичом
 и кич, как ревностью к самому себе, как
 сопернику, упорные желания ватиния прощали

славу свою повалил глумящимся. Это глубоко
психологически замечание Плутарха
по Кавелю, можно, Шенкеля на него
создаст своего Цезаря такими, какими
и того видими в драме, где и в все
время рассказа зовут публику, эти ~~люди~~ ^{они - сами же востановили}
~~еще и еще вырастали~~. Но Плутарх почти
во всем, что Цезарь не делает, в том-
богат, на вид благородных его поступ-
ках отбрасывает ^{независимую от благородства} ~~скрытую~~ ^{сокровенную}
~~мало свойства~~ убого. Виз, Коль не
корректирует его военные успехи Цезаря,
не верит в этого героя. Собирая, что Цезарь
вспомог возстановить статуи Помпея, плу-
тарх приводит аргументы Цицерона:
«Цезарь, возстановив статуи Помпея, тем
причем укрепил свои собственные», далее
он ставит ему в упрек триумф за победу
над Помпеями, ибо ~~за пределами~~ «известно
есть» не дозволяет торжествовать по
поводу ^{несчастия} ~~победы~~ ^{вспышки} ~~победы~~ ^{из риторики},
и ~~написан~~ ^{Брандес} ~~приводит слова~~
Цезаря, произнесенные им по прочтении
книги Цицерона о Катонах: «при чтении
вашей книги мне казалось, что в
самом начале краем ороговела». Плутарх-и
~~предает, что~~ ^{говорит}: «написанное
Цезарем по поводу смерти Катона
содержит не ^{доказавшие} ~~много~~ ^{грубые} ~~грубые~~ ^{всего} ~~грубые~~ ^{всего} ~~грубые~~ ^{всего}
прикирпиченного ^{отношения} ~~характера~~. «Ибо как поче-
нуть бы он назвал Катона, убившего
Плутарх, если бы на жертвоном излож-
столонь ослеп?»

Такой характер носят материалы,
которые восполняются шестирки
при составлении ^{своей} (французской)
литературы и истории.

Во время всей войны Цезарь приставою
 слугитъ за всѣмъ, что происходитъ
 въ Италіи и не прекращаетъ ни на мину-
 ту своихъ интригъ. После того, какъ онъ
 разбилъ Агриппу, добываетъ Пуллари,
 въ помѣстіи своемъ войско на зимній
 квартиръ въ селѣ, а самъ отправился
 въ чужбинѣмъ въ Рубіку, которая принадл-
 жала къ ево провинціи, чтобы наблюдать
 за соотѣльными въ Римѣ. Ибо рѣкою Рубико-
 ной вѣстали Италію отъ римлянъ отъ
 Цизальпийской Галліи. Тогда, все время его
 пребыванія, пріезжали много римлянъ
 и Цезарь пользовался ими, чтобы уси-
 лить свою партію, давая каждому все,
 что онъ проситъ и всѣхъ отпущая отъ себя
 либо съ подарками либо съ обогащеніемъ.

143

Намъ точно образомъ онъ велъ себя въ те-
 ченіи всей войны и, незаметно для помѣ-
 сти покорныхъ братьевъ оруженъ римлянъ, тѣ
 привлекать къ своей сторонѣ римлянъ отни-
 ждали у братьевъ богатствами. Пуллари 20

приводитъ худобу изъ кирра деней, затра-
 ченныя Цезаремъ, чтобы составить себѣ
 партію изъ чуждъ людей, и интригъ въ Римѣ
 на каждаго управленія. Трубуну Курію, своему
 близкому другу, онъ далъ 250 талантовъ,
 чтобы тотъ расплатился съ долгами (на каки-
 денъ эти поминутно рублемъ) и Курій сталъ
 его другомъ. Консулу Кавлу онъ далъ 1500
 талантовъ (т.е. около 3,000,000 р.) и т.д. (гл. 29).

Намъ Каракъ тѣмъ матеріалъ Менспиръ
 напечатать у Пуллари о Цезарѣ. Пуллари
 приписываетъ своему герою все до рождѣ-

[illegible]

ему приписывают критику.
~~Однако и в литературе и в истории.~~ Несомненно
и республиканцы думают о нем, и Цезари ему не
причужден и в то же время горит за то, что
он в то же время имеет одну форму правления
другую, раз это нужно было для блага
народа. Следовательно он имеет симпатии
Шекспира и Брута, тем же, что он был
республиканцем. Но не говорю о том, что
другие критики ^(в том числе и сам Бранден!) и другие по всей воле
обратные утверждения, что он был строителем
монархической и вращаясь в нем недо-
вольств по поводу борьбы против него
с Эпикуром I, вообще неслыханно, что пред
Шекспиром не политический вопрос стоял,
когда он приступал к своим произведениям.
Это не значит, что он в них не
думал. Но все же он не желает
решения, и это или не имеет прощения
или на волю не влечет (хоть саботаж),
выдавая характеру свойственный ему
Бранден говорит, Шекспир исходит
из того положения, будто бы уничтожен-
ная Цезарем республика могла бы без
него продолжать свое существование и
возлагает вину на падение на Цезаря и
~~Шекспир вообще не говорит это~~
для доказательства того, что Шекспир
был не прав, пускается в длинные
разсуждения. Напрямую труд. Вести
рассказывает датский критик
Шекспир мог пойти и на путь у Плу-
тарха, который тоже хорошо пони-
мал, что не Цезарь создал монархию,

[illegible]

7.

добродетелей, который, разь на него никто не
 ищущий снимаеть все эти украшения и остается
 самимъ собой т.е. человекомъ, ведущимъ отъ
 живущихъ поколений исторіи а не измышлен-
 ной за свое игру. Отъ того то онъ становится
 столь великимъ, когда издана цитированная
 королю. Тогда, въ виду осуществленія того, что
 случится въ единственной поправкѣ, отъ, дабы,
 эти еще заставятъ не только начинать рабо-
 ритъ свои слова, а не заученную роль. И въ како-
 ротъ риклиники было помянуто Цезаря. (Эти
 наредъ солдатъ и юриста, что риклики до неспе-
 ланной виртуозности въ искусствѣ грабить и огра-
 нять наравленные) ~~до~~ Вотъ доурачители и ихъ
 приспособленные къ нуждамъ отечества, а отъ-
 честву лучше были солдаты, что грабятъ
 и юристы, что въ виду ватъ законовъ и импера-
 тора наравленные. (Солдаты и юристы, те же и
 законы, въразители дѣла чиста въ ихъ кнѣ смѣ,
 не могли ихъ кнѣ икону привестъ, что въ нрав-
 ственному формализму. Нужно было нравствен-
 ному дѣлу исторіи, что исторіи признаетъ
 какое то исторію, не юридическая, и не военная,
 она требуетъ любви и отечеству, великодушна
 въ врагамъ, щедрости и т.д. И эти отъдаются
 ей. Сущности исторіи и что она дѣлаетъ у насъ
 изображали величій. Плутархъ, какъ мы гово-
 рили чувствуетъ какие-то странное, конпр-
 иринное противорѣчіе. Онъ понимаетъ, что
 Цезарь-великій, и знаетъ, что Цезарь-исагокъ.
 Въ другой сторонѣ его превращаетъ Врутъ, - ко-
 тритъ ничто не сдѣлать. Для Плутарха
 задача эта такъ коеталась задачей. Онъ,
 какъ мы видѣли въ предисловіи, передъ
 центомъ Цезаря, то прописываетъ по

и темъ, кто ^{было} ~~по~~лучилъ въ этомъ случаѣ
 Ричъ аббата аббатства - по ватъ величій

победу его слабости, честности, и предприимчивости
отказавшись от помощи и ~~преданных~~ ⁴ отечеству,
когда посланцы становились ему на пути
к славе. Мексиканцы не поставили ни
такого вопроса. У них - Брути
человек, ~~ни кто из людей~~, на которого, ~~по~~
вероятно, в себя то, что наиболее близко
и дорого поэту и поэту, постоупающий, мила
людям. Цезарь-мне, которого вы знаете всемирно,
из-за это повторил, Мексиканцы были бы
всегда и в которых бы в роде античности
разказав все, что можно было сказать -
это, ¹ величайший практический гений, кото-
рому благодарно человек может считать ² ~~паче~~ ³ ~~паче~~
ники перед Брутием, замечание и расширение
мелочной и аристократической, посылку ⁴ ~~посылку~~ ⁵ ~~посылку~~
тот дает и лучше, а не то, кем он просит,
возвращая, как и все практический гений ⁶ ~~у~~ ⁷ ~~у~~
и благодарности ⁸ ~~тот~~ ⁹ ~~тот~~ ¹⁰ ~~тот~~ ¹¹ ~~тот~~ ¹² ~~тот~~ ¹³ ~~тот~~ ¹⁴ ~~тот~~ ¹⁵ ~~тот~~ ¹⁶ ~~тот~~ ¹⁷ ~~тот~~ ¹⁸ ~~тот~~ ¹⁹ ~~тот~~ ²⁰ ~~тот~~ ²¹ ~~тот~~ ²² ~~тот~~ ²³ ~~тот~~ ²⁴ ~~тот~~ ²⁵ ~~тот~~ ²⁶ ~~тот~~ ²⁷ ~~тот~~ ²⁸ ~~тот~~ ²⁹ ~~тот~~ ³⁰ ~~тот~~ ³¹ ~~тот~~ ³² ~~тот~~ ³³ ~~тот~~ ³⁴ ~~тот~~ ³⁵ ~~тот~~ ³⁶ ~~тот~~ ³⁷ ~~тот~~ ³⁸ ~~тот~~ ³⁹ ~~тот~~ ⁴⁰ ~~тот~~ ⁴¹ ~~тот~~ ⁴² ~~тот~~ ⁴³ ~~тот~~ ⁴⁴ ~~тот~~ ⁴⁵ ~~тот~~ ⁴⁶ ~~тот~~ ⁴⁷ ~~тот~~ ⁴⁸ ~~тот~~ ⁴⁹ ~~тот~~ ⁵⁰ ~~тот~~ ⁵¹ ~~тот~~ ⁵² ~~тот~~ ⁵³ ~~тот~~ ⁵⁴ ~~тот~~ ⁵⁵ ~~тот~~ ⁵⁶ ~~тот~~ ⁵⁷ ~~тот~~ ⁵⁸ ~~тот~~ ⁵⁹ ~~тот~~ ⁶⁰ ~~тот~~ ⁶¹ ~~тот~~ ⁶² ~~тот~~ ⁶³ ~~тот~~ ⁶⁴ ~~тот~~ ⁶⁵ ~~тот~~ ⁶⁶ ~~тот~~ ⁶⁷ ~~тот~~ ⁶⁸ ~~тот~~ ⁶⁹ ~~тот~~ ⁷⁰ ~~тот~~ ⁷¹ ~~тот~~ ⁷² ~~тот~~ ⁷³ ~~тот~~ ⁷⁴ ~~тот~~ ⁷⁵ ~~тот~~ ⁷⁶ ~~тот~~ ⁷⁷ ~~тот~~ ⁷⁸ ~~тот~~ ⁷⁹ ~~тот~~ ⁸⁰ ~~тот~~ ⁸¹ ~~тот~~ ⁸² ~~тот~~ ⁸³ ~~тот~~ ⁸⁴ ~~тот~~ ⁸⁵ ~~тот~~ ⁸⁶ ~~тот~~ ⁸⁷ ~~тот~~ ⁸⁸ ~~тот~~ ⁸⁹ ~~тот~~ ⁹⁰ ~~тот~~ ⁹¹ ~~тот~~ ⁹² ~~тот~~ ⁹³ ~~тот~~ ⁹⁴ ~~тот~~ ⁹⁵ ~~тот~~ ⁹⁶ ~~тот~~ ⁹⁷ ~~тот~~ ⁹⁸ ~~тот~~ ⁹⁹ ~~тот~~ ¹⁰⁰ ~~тот~~ ¹⁰¹ ~~тот~~ ¹⁰² ~~тот~~ ¹⁰³ ~~тот~~ ¹⁰⁴ ~~тот~~ ¹⁰⁵ ~~тот~~ ¹⁰⁶ ~~тот~~ ¹⁰⁷ ~~тот~~ ¹⁰⁸ ~~тот~~ ¹⁰⁹ ~~тот~~ ¹¹⁰ ~~тот~~ ¹¹¹ ~~тот~~ ¹¹² ~~тот~~ ¹¹³ ~~тот~~ ¹¹⁴ ~~тот~~ ¹¹⁵ ~~тот~~ ¹¹⁶ ~~тот~~ ¹¹⁷ ~~тот~~ ¹¹⁸ ~~тот~~ ¹¹⁹ ~~тот~~ ¹²⁰ ~~тот~~ ¹²¹ ~~тот~~ ¹²² ~~тот~~ ¹²³ ~~тот~~ ¹²⁴ ~~тот~~ ¹²⁵ ~~тот~~ ¹²⁶ ~~тот~~ ¹²⁷ ~~тот~~ ¹²⁸ ~~тот~~ ¹²⁹ ~~тот~~ ¹³⁰ ~~тот~~ ¹³¹ ~~тот~~ ¹³² ~~тот~~ ¹³³ ~~тот~~ ¹³⁴ ~~тот~~ ¹³⁵ ~~тот~~ ¹³⁶ ~~тот~~ ¹³⁷ ~~тот~~ ¹³⁸ ~~тот~~ ¹³⁹ ~~тот~~ ¹⁴⁰ ~~тот~~ ¹⁴¹ ~~тот~~ ¹⁴² ~~тот~~ ¹⁴³ ~~тот~~ ¹⁴⁴ ~~тот~~ ¹⁴⁵ ~~тот~~ ¹⁴⁶ ~~тот~~ ¹⁴⁷ ~~тот~~ ¹⁴⁸ ~~тот~~ ¹⁴⁹ ~~тот~~ ¹⁵⁰ ~~тот~~ ¹⁵¹ ~~тот~~ ¹⁵² ~~тот~~ ¹⁵³ ~~тот~~ ¹⁵⁴ ~~тот~~ ¹⁵⁵ ~~тот~~ ¹⁵⁶ ~~тот~~ ¹⁵⁷ ~~тот~~ ¹⁵⁸ ~~тот~~ ¹⁵⁹ ~~тот~~ ¹⁶⁰ ~~тот~~ ¹⁶¹ ~~тот~~ ¹⁶² ~~тот~~ ¹⁶³ ~~тот~~ ¹⁶⁴ ~~тот~~ ¹⁶⁵ ~~тот~~ ¹⁶⁶ ~~тот~~ ¹⁶⁷ ~~тот~~ ¹⁶⁸ ~~тот~~ ¹⁶⁹ ~~тот~~ ¹⁷⁰ ~~тот~~ ¹⁷¹ ~~тот~~ ¹⁷² ~~тот~~ ¹⁷³ ~~тот~~ ¹⁷⁴ ~~тот~~ ¹⁷⁵ ~~тот~~ ¹⁷⁶ ~~тот~~ ¹⁷⁷ ~~тот~~ ¹⁷⁸ ~~тот~~ ¹⁷⁹ ~~тот~~ ¹⁸⁰ ~~тот~~ ¹⁸¹ ~~тот~~ ¹⁸² ~~тот~~ ¹⁸³ ~~тот~~ ¹⁸⁴ ~~тот~~ ¹⁸⁵ ~~тот~~ ¹⁸⁶ ~~тот~~ ¹⁸⁷ ~~тот~~ ¹⁸⁸ ~~тот~~ ¹⁸⁹ ~~тот~~ ¹⁹⁰ ~~тот~~ ¹⁹¹ ~~тот~~ ¹⁹² ~~тот~~ ¹⁹³ ~~тот~~ ¹⁹⁴ ~~тот~~ ¹⁹⁵ ~~тот~~ ¹⁹⁶ ~~тот~~ ¹⁹⁷ ~~тот~~ ¹⁹⁸ ~~тот~~ ¹⁹⁹ ~~тот~~ ²⁰⁰ ~~тот~~ ²⁰¹ ~~тот~~ ²⁰² ~~тот~~ ²⁰³ ~~тот~~ ²⁰⁴ ~~тот~~ ²⁰⁵ ~~тот~~ ²⁰⁶ ~~тот~~ ²⁰⁷ ~~тот~~ ²⁰⁸ ~~тот~~ ²⁰⁹ ~~тот~~ ²¹⁰ ~~тот~~ ²¹¹ ~~тот~~ ²¹² ~~тот~~ ²¹³ ~~тот~~ ²¹⁴ ~~тот~~ ²¹⁵ ~~тот~~ ²¹⁶ ~~тот~~ ²¹⁷ ~~тот~~ ²¹⁸ ~~тот~~ ²¹⁹ ~~тот~~ ²²⁰ ~~тот~~ ²²¹ ~~тот~~ ²²² ~~тот~~ ²²³ ~~тот~~ ²²⁴ ~~тот~~ ²²⁵ ~~тот~~ ²²⁶ ~~тот~~ ²²⁷ ~~тот~~ ²²⁸ ~~тот~~ ²²⁹ ~~тот~~ ²³⁰ ~~тот~~ ²³¹ ~~тот~~ ²³² ~~тот~~ ²³³ ~~тот~~ ²³⁴ ~~тот~~ ²³⁵ ~~тот~~ ²³⁶ ~~тот~~ ²³⁷ ~~тот~~ ²³⁸ ~~тот~~ ²³⁹ ~~тот~~ ²⁴⁰ ~~тот~~ ²⁴¹ ~~тот~~ ²⁴² ~~тот~~ ²⁴³ ~~тот~~ ²⁴⁴ ~~тот~~ ²⁴⁵ ~~тот~~ ²⁴⁶ ~~тот~~ ²⁴⁷ ~~тот~~ ²⁴⁸ ~~тот~~ ²⁴⁹ ~~тот~~ ²⁵⁰ ~~тот~~ ²⁵¹ ~~тот~~ ²⁵² ~~тот~~ ²⁵³ ~~тот~~ ²⁵⁴ ~~тот~~ ²⁵⁵ ~~тот~~ ²⁵⁶ ~~тот~~ ²⁵⁷ ~~тот~~ ²⁵⁸ ~~тот~~ ²⁵⁹ ~~тот~~ ²⁶⁰ ~~тот~~ ²⁶¹ ~~тот~~ ²⁶² ~~тот~~ ²⁶³ ~~тот~~ ²⁶⁴ ~~тот~~ ²⁶⁵ ~~тот~~ ²⁶⁶ ~~тот~~ ²⁶⁷ ~~тот~~ ²⁶⁸ ~~тот~~ ²⁶⁹ ~~тот~~ ²⁷⁰ ~~тот~~ ²⁷¹ ~~тот~~ ²⁷² ~~тот~~ ²⁷³ ~~тот~~ ²⁷⁴ ~~тот~~ ²⁷⁵ ~~тот~~ ²⁷⁶ ~~тот~~ ²⁷⁷ ~~тот~~ ²⁷⁸ ~~тот~~ ²⁷⁹ ~~тот~~ ²⁸⁰ ~~тот~~ ²⁸¹ ~~тот~~ ²⁸² ~~тот~~ ²⁸³ ~~тот~~ ²⁸⁴ ~~тот~~ ²⁸⁵ ~~тот~~ ²⁸⁶ ~~тот~~ ²⁸⁷ ~~тот~~ ²⁸⁸ ~~тот~~ ²⁸⁹ ~~тот~~ ²⁹⁰ ~~тот~~ ²⁹¹ ~~тот~~ ²⁹² ~~тот~~ ²⁹³ ~~тот~~ ²⁹⁴ ~~тот~~ ²⁹⁵ ~~тот~~ ²⁹⁶ ~~тот~~ ²⁹⁷ ~~тот~~ ²⁹⁸ ~~тот~~ ²⁹⁹ ~~тот~~ ³⁰⁰ ~~тот~~ ³⁰¹ ~~тот~~ ³⁰² ~~тот~~ ³⁰³ ~~тот~~ ³⁰⁴ ~~тот~~ ³⁰⁵ ~~тот~~ ³⁰⁶ ~~тот~~ ³⁰⁷ ~~тот~~ ³⁰⁸ ~~тот~~ ³⁰⁹ ~~тот~~ ³¹⁰ ~~тот~~ ³¹¹ ~~тот~~ ³¹² ~~тот~~ ³¹³ ~~тот~~ ³¹⁴ ~~тот~~ ³¹⁵ ~~тот~~ ³¹⁶ ~~тот~~ ³¹⁷ ~~тот~~ ³¹⁸ ~~тот~~ ³¹⁹ ~~тот~~ ³²⁰ ~~тот~~ ³²¹ ~~тот~~ ³²² ~~тот~~ ³²³ ~~тот~~ ³²⁴ ~~тот~~ ³²⁵ ~~тот~~ ³²⁶ ~~тот~~ ³²⁷ ~~тот~~ ³²⁸ ~~тот~~ ³²⁹ ~~тот~~ ³³⁰ ~~тот~~ ³³¹ ~~тот~~ ³³² ~~тот~~ ³³³ ~~тот~~ ³³⁴ ~~тот~~ ³³⁵ ~~тот~~ ³³⁶ ~~тот~~ ³³⁷ ~~тот~~ ³³⁸ ~~тот~~ ³³⁹ ~~тот~~ ³⁴⁰ ~~тот~~ ³⁴¹ ~~тот~~ ³⁴² ~~тот~~ ³⁴³ ~~тот~~ ³⁴⁴ ~~тот~~ ³⁴⁵ ~~тот~~ ³⁴⁶ ~~тот~~ ³⁴⁷ ~~тот~~ ³⁴⁸ ~~тот~~ ³⁴⁹ ~~тот~~ ³⁵⁰ ~~тот~~ ³⁵¹ ~~тот~~ ³⁵² ~~тот~~ ³⁵³ ~~тот~~ ³⁵⁴ ~~тот~~ ³⁵⁵ ~~тот~~ ³⁵⁶ ~~тот~~ ³⁵⁷ ~~тот~~ ³⁵⁸ ~~тот~~ ³⁵⁹ ~~тот~~ ³⁶⁰ ~~тот~~ ³⁶¹ ~~тот~~ ³⁶² ~~тот~~ ³⁶³ ~~тот~~ ³⁶⁴ ~~тот~~ ³⁶⁵ ~~тот~~ ³⁶⁶ ~~тот~~ ³⁶⁷ ~~тот~~ ³⁶⁸ ~~тот~~ ³⁶⁹ ~~тот~~ ³⁷⁰ ~~тот~~ ³⁷¹ ~~тот~~ ³⁷² ~~тот~~ ³⁷³ ~~тот~~ ³⁷⁴ ~~тот~~ ³⁷⁵ ~~тот~~ ³⁷⁶ ~~тот~~ ³⁷⁷ ~~тот~~ ³⁷⁸ ~~тот~~ ³⁷⁹ ~~тот~~ ³⁸⁰ ~~тот~~ ³⁸¹ ~~тот~~ ³⁸² ~~тот~~ ³⁸³ ~~тот~~ ³⁸⁴ ~~тот~~ ³⁸⁵ ~~тот~~ ³⁸⁶ ~~тот~~ ³⁸⁷ ~~тот~~ ³⁸⁸ ~~тот~~ ³⁸⁹ ~~тот~~ ³⁹⁰ ~~тот~~ ³⁹¹ ~~тот~~ ³⁹² ~~тот~~ ³⁹³ ~~тот~~ ³⁹⁴ ~~тот~~ ³⁹⁵ ~~тот~~ ³⁹⁶ ~~тот~~ ³⁹⁷ ~~тот~~ ³⁹⁸ ~~тот~~ ³⁹⁹ ~~тот~~ ⁴⁰⁰ ~~тот~~ ⁴⁰¹ ~~тот~~ ⁴⁰² ~~тот~~ ⁴⁰³ ~~тот~~ ⁴⁰⁴ ~~тот~~ ⁴⁰⁵ ~~тот~~ ⁴⁰⁶ ~~тот~~ ⁴⁰⁷ ~~тот~~ ⁴⁰⁸ ~~тот~~ ⁴⁰⁹ ~~тот~~ ⁴¹⁰ ~~тот~~ ⁴¹¹ ~~тот~~ ⁴¹² ~~тот~~ ⁴¹³ ~~тот~~ ⁴¹⁴ ~~тот~~ ⁴¹⁵ ~~тот~~ ⁴¹⁶ ~~тот~~ ⁴¹⁷ ~~тот~~ ⁴¹⁸ ~~тот~~ ⁴¹⁹ ~~тот~~ ⁴²⁰ ~~тот~~ ⁴²¹ ~~тот~~ ⁴²² ~~тот~~ ⁴²³ ~~тот~~ ⁴²⁴ ~~тот~~ ⁴²⁵ ~~тот~~ ⁴²⁶ ~~тот~~ ⁴²⁷ ~~тот~~ ⁴²⁸ ~~тот~~ ⁴²⁹ ~~тот~~ ⁴³⁰ ~~тот~~ ⁴³¹ ~~тот~~ ⁴³² ~~тот~~ ⁴³³ ~~тот~~ ⁴³⁴ ~~тот~~ ⁴³⁵ ~~тот~~ ⁴³⁶ ~~тот~~ ⁴³⁷ ~~тот~~ ⁴³⁸ ~~тот~~ ⁴³⁹ ~~тот~~ ⁴⁴⁰ ~~тот~~ ⁴⁴¹ ~~тот~~ ⁴⁴² ~~тот~~ ⁴⁴³ ~~тот~~ ⁴⁴⁴ ~~тот~~ ⁴⁴⁵ ~~тот~~ ⁴⁴⁶ ~~тот~~ ⁴⁴⁷ ~~тот~~ ⁴⁴⁸ ~~тот~~ ⁴⁴⁹ ~~тот~~ ⁴⁵⁰ ~~тот~~ ⁴⁵¹ ~~тот~~ ⁴⁵² ~~тот~~ ⁴⁵³ ~~тот~~ ⁴⁵⁴ ~~тот~~ ⁴⁵⁵ ~~тот~~ ⁴⁵⁶ ~~тот~~ ⁴⁵⁷ ~~тот~~ ⁴⁵⁸ ~~тот~~ ⁴⁵⁹ ~~тот~~ ⁴⁶⁰ ~~тот~~ ⁴⁶¹ ~~тот~~ ⁴⁶² ~~тот~~ ⁴⁶³ ~~тот~~ ⁴⁶⁴ ~~тот~~ ⁴⁶⁵ ~~тот~~ ⁴⁶⁶ ~~тот~~ ⁴⁶⁷ ~~тот~~ ⁴⁶⁸ ~~тот~~ ⁴⁶⁹ ~~тот~~ ⁴⁷⁰ ~~тот~~ ⁴⁷¹ ~~тот~~ ⁴⁷² ~~тот~~ ⁴⁷³ ~~тот~~ ⁴⁷⁴ ~~тот~~ ⁴⁷⁵ ~~тот~~ ⁴⁷⁶ ~~тот~~ ⁴⁷⁷ ~~тот~~ ⁴⁷⁸ ~~тот~~ ⁴⁷⁹ ~~тот~~ ⁴⁸⁰ ~~тот~~ ⁴⁸¹ ~~тот~~ ⁴⁸² ~~тот~~ ⁴⁸³ ~~тот~~ ⁴⁸⁴ ~~тот~~ ⁴⁸⁵ ~~тот~~ ⁴⁸⁶ ~~тот~~ ⁴⁸⁷ ~~тот~~ ⁴⁸⁸ ~~тот~~ ⁴⁸⁹ ~~тот~~ ⁴⁹⁰ ~~тот~~ ⁴⁹¹ ~~тот~~ ⁴⁹² ~~тот~~ ⁴⁹³ ~~тот~~ ⁴⁹⁴ ~~тот~~ ⁴⁹⁵ ~~тот~~ ⁴⁹⁶ ~~тот~~ ⁴⁹⁷ ~~тот~~ ⁴⁹⁸ ~~тот~~ ⁴⁹⁹ ~~тот~~ ⁵⁰⁰ ~~тот~~ ⁵⁰¹ ~~тот~~ ⁵⁰² ~~тот~~ ⁵⁰³ ~~тот~~ ⁵⁰⁴ ~~тот~~ ⁵⁰⁵ ~~тот~~ ⁵⁰⁶ ~~тот~~ ⁵⁰⁷ ~~тот~~ ⁵⁰⁸ ~~тот~~ ⁵⁰⁹ ~~тот~~ ⁵¹⁰ ~~тот~~ ⁵¹¹ ~~тот~~ ⁵¹² ~~тот~~ ⁵¹³ ~~тот~~ ⁵¹⁴ ~~тот~~ ⁵¹⁵ ~~тот~~ ⁵¹⁶ ~~тот~~ ⁵¹⁷ ~~тот~~ ⁵¹⁸ ~~тот~~ ⁵¹⁹ ~~тот~~ ⁵²⁰ ~~тот~~ ⁵²¹ ~~тот~~ ⁵²² ~~тот~~ ⁵²³ ~~тот~~ ⁵²⁴ ~~тот~~ ⁵²⁵ ~~тот~~ ⁵²⁶ ~~тот~~ ⁵²⁷ ~~тот~~ ⁵²⁸ ~~тот~~ ⁵²⁹ ~~тот~~ ⁵³⁰ ~~тот~~ ⁵³¹ ~~тот~~ ⁵³² ~~тот~~ ⁵³³ ~~тот~~ ⁵³⁴ ~~тот~~ ⁵³⁵ ~~тот~~ ⁵³⁶ ~~тот~~ ⁵³⁷ ~~тот~~ ⁵³⁸ ~~тот~~ ⁵³⁹ ~~тот~~ ⁵⁴⁰ ~~тот~~ ⁵⁴¹ ~~тот~~ ⁵⁴² ~~тот~~ ⁵⁴³ ~~тот~~ ⁵⁴⁴ ~~тот~~ ⁵⁴⁵ ~~тот~~ ⁵⁴⁶ ~~тот~~ ⁵⁴⁷ ~~тот~~ ⁵⁴⁸ ~~тот~~ ⁵⁴⁹ ~~тот~~ ⁵⁵⁰ ~~тот~~ ⁵⁵¹ ~~тот~~ ⁵⁵² ~~тот~~ ⁵⁵³ ~~тот~~ ⁵⁵⁴ ~~тот~~ ⁵⁵⁵ ~~тот~~ ⁵⁵⁶ ~~тот~~ ⁵⁵⁷ ~~тот~~ ⁵⁵⁸ ~~тот~~ ⁵⁵⁹ ~~тот~~ ⁵⁶⁰ ~~тот~~ ⁵⁶¹ ~~тот~~ ⁵⁶² ~~тот~~ ⁵⁶³ ~~тот~~ ⁵⁶⁴ ~~тот~~ ⁵⁶⁵ ~~тот~~ ⁵⁶⁶ ~~тот~~ ⁵⁶⁷ ~~тот~~ ⁵⁶⁸ ~~тот~~ ⁵⁶⁹ ~~тот~~ ⁵⁷⁰ ~~тот~~ ⁵⁷¹ ~~тот~~ ⁵⁷² ~~тот~~ ⁵⁷³ ~~тот~~ ⁵⁷⁴ ~~тот~~ ⁵⁷⁵ ~~тот~~ ⁵⁷⁶ ~~тот~~ ⁵⁷⁷ ~~тот~~ ⁵⁷⁸ ~~тот~~ ⁵⁷⁹ ~~тот~~ ⁵⁸⁰ ~~тот~~ ⁵⁸¹ ~~тот~~ ⁵⁸² ~~тот~~ ⁵⁸³ ~~тот~~ ⁵⁸⁴ ~~тот~~ ⁵⁸⁵ ~~тот~~ ⁵⁸⁶ ~~тот~~ ⁵⁸⁷ ~~тот~~ ⁵⁸⁸ ~~тот~~ ⁵⁸⁹ ~~тот~~ ⁵⁹⁰ ~~тот~~ ⁵⁹¹ ~~тот~~ ⁵⁹² ~~тот~~ ⁵⁹³ ~~тот~~ ⁵⁹⁴ ~~тот~~ ⁵⁹⁵ ~~тот~~ ⁵⁹⁶ ~~тот~~ ⁵⁹⁷ ~~тот~~ ⁵⁹⁸ ~~тот~~ ⁵⁹⁹ ~~тот~~ ⁶⁰⁰ ~~тот~~ ⁶⁰¹ ~~тот~~ ⁶⁰² ~~тот~~ ⁶⁰³ ~~тот~~ ⁶⁰⁴ ~~тот~~ ⁶⁰⁵ ~~тот~~ ⁶⁰⁶ ~~тот~~ ⁶⁰⁷ ~~тот~~ ⁶⁰⁸ ~~тот~~ ⁶⁰⁹ ~~тот~~ ⁶¹⁰ ~~тот~~ ⁶¹¹ ~~тот~~ ⁶¹² ~~тот~~ ⁶¹³ ~~тот~~ ⁶¹⁴ ~~тот~~ ⁶¹⁵ ~~тот~~ ⁶¹⁶ ~~тот~~ ⁶¹⁷ ~~тот~~ ⁶¹⁸ ~~тот~~ ⁶¹⁹ ~~тот~~ ⁶²⁰ ~~тот~~ ⁶²¹ ~~тот~~ ⁶²² ~~тот~~ ⁶²³ ~~тот~~ ⁶²⁴ ~~тот~~ ⁶²⁵ ~~тот~~ ⁶²⁶ ~~тот~~ ⁶²⁷ ~~тот~~ ⁶²⁸ ~~тот~~ ⁶²⁹ ~~тот~~ ⁶³⁰ ~~тот~~ ⁶³¹ ~~тот~~ ⁶³² ~~тот~~ ⁶³³ ~~тот~~ ⁶³⁴ ~~тот~~ ⁶³⁵ ~~тот~~ ⁶³⁶ ~~тот~~ ⁶³⁷ ~~тот~~ ⁶³⁸ ~~тот~~ ⁶³⁹ ~~тот~~ ⁶⁴⁰ ~~тот~~ ⁶⁴¹ ~~тот~~ ⁶⁴² ~~тот~~ ⁶⁴³ ~~тот~~ ⁶⁴⁴ ~~тот~~ ⁶⁴⁵ ~~тот~~ ⁶⁴⁶ ~~тот~~ ⁶⁴⁷ ~~тот~~ ⁶⁴⁸ ~~тот~~ ⁶⁴⁹ ~~тот~~ ⁶⁵⁰ ~~тот~~ ⁶⁵¹ ~~тот~~ ⁶⁵² ~~тот~~ ⁶⁵³ ~~тот~~ ⁶⁵⁴ ~~тот~~ ⁶⁵⁵ ~~тот~~ ⁶⁵⁶ ~~тот~~ ⁶⁵⁷ ~~тот~~ ⁶⁵⁸ ~~тот~~ ⁶⁵⁹ ~~тот~~ ⁶⁶⁰ ~~тот~~ ⁶⁶¹ ~~тот~~ ⁶⁶² ~~тот~~ ⁶⁶³ ~~тот~~ ⁶⁶⁴ ~~тот~~ ⁶⁶⁵ ~~тот~~ ⁶⁶⁶ ~~тот~~ ⁶⁶⁷ ~~тот~~ ⁶⁶⁸ ~~тот~~ ⁶⁶⁹ ~~тот~~ ⁶⁷⁰ ~~тот~~ ⁶⁷¹ ~~тот~~ ⁶⁷² ~~тот~~ ⁶⁷³ ~~тот~~ ⁶⁷⁴ ~~тот~~ ⁶⁷⁵ ~~тот~~ ⁶⁷⁶ ~~тот~~ ⁶⁷⁷ ~~тот~~ ⁶⁷⁸ ~~тот~~ ⁶⁷⁹ ~~тот~~ ⁶⁸⁰ ~~тот~~ ⁶⁸¹ ~~тот~~ ⁶⁸² ~~тот~~ ⁶⁸³ ~~тот~~ ⁶⁸⁴ ~~тот~~ ⁶⁸⁵ ~~тот~~ ⁶⁸⁶ ~~тот~~ ⁶⁸⁷ ~~тот~~ ⁶⁸⁸ ~~тот~~ ⁶⁸⁹ ~~тот~~ ⁶⁹⁰ ~~тот~~ ⁶⁹¹ ~~тот~~ ⁶⁹² ~~тот~~ ⁶⁹³ ~~тот~~ ⁶⁹⁴ ~~тот~~ ⁶⁹⁵ ~~тот~~ ⁶⁹⁶ ~~тот~~ ⁶⁹⁷ ~~тот~~ ⁶⁹⁸ ~~тот~~ ⁶⁹⁹ ~~тот~~ ⁷⁰⁰ ~~тот~~ ⁷⁰¹ ~~тот~~ ⁷⁰² ~~тот~~ ⁷⁰³ ~~тот~~ ⁷⁰⁴ ~~тот~~ ⁷⁰⁵ ~~тот~~ ⁷⁰⁶ ~~тот~~ ⁷⁰⁷ ~~тот~~ ⁷⁰⁸ ~~тот~~ ⁷⁰⁹ ~~тот~~ ⁷¹⁰ ~~тот~~ ⁷¹¹ ~~тот~~ ⁷¹² ~~тот~~ ⁷¹³ ~~тот~~ ⁷¹⁴ ~~тот~~ ⁷¹⁵ ~~тот~~ ⁷¹⁶ ~~тот~~ ⁷

вопреки обаянию и правилам приличия, не встал,
когда на ораторской трибуне подоспел Консул, претора во сопровождении
и сенаторов и, что странно, он это ни из-за того, что
что один из его собеседников ^{Корнелий Випсаний} (удерживая его от этого) 60
постарался со всем достоинством и славой:

"не забывая, что та - Цезарь; ты должен зае-
хать вперед и считать себя вступившим в существование".

Когда читали Юлий Цезаря "Менспира", то
кажется, будто Корнелий непрерывно стоит
за спиной Цезаря и, показывая ему свои
слова, заставляет его запоминать, что
он все и что от него требуется и говорит
эти вещи своим действительным голосом и
намерением. Уже в первом движении он
точно и точно, и не повторяет слов
слова Корнелия. В сравнительно небольшом
своем речении и Антоний несколько раз го-
ворит о себе, как о Цезаре, который уже
сравнился с Александром Македонским:

~~Антоний говорит~~ Когда он (Кассий) был полководцем.

Антоний... Впрочем и то не боюсь,
но, если бы и способ был бы победить...

и затем:

Я впрочем говорю о том, что
боюсь не его, сам-он не боюсь
Я - Цезарь.

Уже он говорит, что лучший из нас, что
назвать себя Цезарем, то, сам-он себя, кто
в мире. И, главное, что Менспире заставил
его непрерывно и не только говорить, что он
теперь и надеялся, что он не знает этой
всего и ничего

В разговоре с Кассием, он так же
исторично был против его и ходит в со-
вет, спланировал на дурака, который он
приводил, когда и на Бурию предзнаме-
нований. Цезарь отвечает:

Но и пойдешь - я не боюсь угрозы.

III B
ар 149

и быстро, не задумываясь, промчался
взбешенный, по дороге, поведомому ботанику
уже давно сложился в думу. Думал, конечно
это неосуществимая, мечта, которая не
представляет пред собою вопроса: зачем
то жить. Из всех этих ответов Казар
без труда почил прожил само пред-
смертной снава его предсказания, орудия, пред-
тканная и ии⁴ и благодарности примисит, Ох-
тавия. „Poenidite, amici, comedita finit
est.“ Когда смерть не пришла неосущ-
ственно, а спросила, зачем же жизнь возобни-
Октавий мой сказал - лишь заткнул, что
схватил свой свой. Казар судил, что
была от чудесной необходимости и ии-
исет и ии. Ито, что ии ии от
т ии пред лицом смерти, если бы она,
хотела опасности не поощряла из жизни
сзади. Опасности его боялись, - но смерть
почла бы о. И за ии оного минуты
до конца он все еще, словно чувствую
пожил свой Корнелий, лаварит о своем де-
лении.

Корнелий.

38/.

156

мн - Казар

Просто / Вмешательство твоего вмешательства

Его почти последние слова...

~~Наско страшно его вмешательство...~~

Смерть и он в таях не отбрасывает.

Из всех кончин сознания того, что

почил снаву, таях из любви успокоился,

хотел воспоминаний о обремененном братстве.

Непохожий этот соробочу: тогда стало

витаю оной. Ии⁴ „Казар Брути Брути,

говорит мне „все потеряно - свое снаву,

свое отчуждо, свое предсказание ии⁴ потому
и ии обрели, дарую свободу, Корнелий, лаварит,

Какъ своевременно пришла смерть и Цезарю,
и въ тотъ же самый моментъ, когда онъ
считалъ себя близкимъ похоронъ!

И такъ въ Цезаря Мексикецъ чуждой взглядъ
созданной римской цивилизацией чуждой, на-
паческий культъ величия, культъ, противъ кото-
рому духовному смелому хожу. Мексикецъ чуждой
пожимаетъ и презираетъ величье, какъ не аде-
татъ похвалы. Но ему величье тогда представля-
лось осуждениемъ, содержаниемъ. Въ немъ
величье въ любви, въ ненависти, въ исчастьи,
въ отчаянности, въ служении правоты. Но онъ и по-
нималъ опасность, которую онъ чуждъ изъ за той
чуждой чуждой величье, похвалы, которая тер-
пиво возмущается изъ за того, что онъ и чуждъ и не
въ смысле Александру Македонскому, и Ксерксу
изъ браганъ ради того, чтобы потомки зажа-
ли въ свои ипотонки. Въ того Цезаря такъ
чуждостью предъ Брутомъ. Цезарь изобрета-
етъ величье, Брутъ истинно величье. Прими-
и Цезаря зрительный хотъ въ разбой и правду
предъ которыми онъ въ молодое время разобра-
валъ незнакомые ситуации и страха величье-
иску и не со своей чуждостью. Брутъ же острахъ
Брутомъ въ великой отчаянности. Ему не нужно
быть при будущемъ первомъ, лавра Александру
Македонскому по силе чуждостью его силъ. Онъ будетъ
жить со своими друзьями, съ Корнелиемъ, съ Метелломъ
и останется величье, глубокимъ Брутомъ. Цезарь-
актеръ, ему нужно похвалы, сцена, что въ
его играхъ и антагонистами. Его задача -
исполнить хорошо роль свою. Брутъ вожакъ
на историческую арену, чтобы жить со своими,
чтобы похвалы и похвалы, чтобы похвалы
или обиды и чуждостью. Отъ того онъ всегда правды,
милости, честности, отъ того онъ и не беретъ со-
слово правды, отъ того онъ и не беретъ величье

переломить и страшились удара судьбы.
Взрвать даже самую трудную, ~~ровно~~ захи-
нуго роль значить лишь подражать, вос-
производит то, что уже достигнуто другими
и это ~~то~~, (са столько в меня, на сколько)
не то, что разрозненные сапоги ^{даже малюсенькие} физическую
задачу. А у Брута - великая физическая
задача. Он не хлопотает о том, что бы
сапогу всегда оставался правым, верно, верно,
а он полагает Бранден. Его нравственная
чистота сего сдерживает всего его душевную
складку. Он неавидитя лог, он вливал-
шил, он любит людей - оттого и не
правильно неист, а не наоборот. Встретил
помощник у Цезаря, который, что бы сра-
жаться с А. Мак. и Цезарем, и много-
влияет, и правдивости, - но и наоборот, мораль
Антоний и Помпей, и трудностями даже
ошибкой предостерегает развлекать для работ-
ничества Брута о себе никогда не думает; Цезарь
всегда с ним и не член и - так только руководит и имеет
картину Бранден или в представлении золотых бес-
днел, сонная, сонная все с ним, - ~~он~~ море
и не извлек. - Везде, что не в неволе, не в
Меланжа даго, а в том, что в том, что он
судит по своему, а в том, что Бранден суюн-
решил сего. ~~Бранден~~ Бранден на неволе
также Бранден нечестив, эти при разборе
встретил даго римский драмат - "Коронация" и
"Антоний и Клеопатра" - ~~в том, что~~ Бран-
денда уже вливал нечестивый "Коронация" и
Бранден Меланжа погубил и нечестивый неволе!
Все то же нечестивый нечестивый нечестивый
Цезарь и - что даго - то же нечестивый, так же
перевел, что и в Цезаре, даже в том, что
и в "Кар.", и в "Ант. и Кл.". Но ^{правильно} в том
роль, которая, которая нечестивый нечестивый -
испыт нечестивый нечестивый, и чужды

§ X
чт

"Кариолати", в противоположность "Новой
Цезарю" уже вполне удовлетворитель Брандеса.
"Что хотенье сказать Менспирь своей драмой," 89,
спрашивает Брандес, разбирая Измиселлиа.
"Мой читатель знает, что и никогда с этим
не начинаю. Что толкнуло его написать и,
как он пришел к этому материалу - вот
основной вопрос. Раз не могу ответить,
все остальное станет ясно." Это пишет
Брандес. Ему всегда нужно знать прежде
всего, кто толкнуло автора на известную материю
мысли, потому, что он хотел сказать-а
до того, что он сказал, критик уже обосно-
венно не уходит. Конечно, в отношении
к Менспиру этот прием плохо применим.
Менспирь давно уже акция и почти невоз-
можно выяснить, что побуждало его писать
эту или иную тему. Но как касается
не литературных интереса приключит такой-
способ изложения от самому Брандесу,
только более, что в его книге намерения
и побуждения признака связать через на-
блюдения, то по любви связи мыслить
выяснения. В особенности это об-ва, "Хорио-
лаид" и "Троиз и Кресиды" объясна котик-
ном стремлений автора становится особенно
прозрачной. Он даже оправдывается верить.
И мо, говорит он, не имеет никакого интереса, 74.
поверять Менспира. Значает вполне лишь
что наша восприимчивость была истинно
чувствительная, что и в его произведе-
ниях чувствовали его самого. Это, конечно,
очень важно. Но оправдывающийся всегда подает
повод к подозрению. Из данных же случаев,
когда, при разборте Каролати, Брандес ухи-
щается почувствовать повод любой такого
Менспира, какого ни акционером, ни кем другим,

и Французская критика никогда и не видела,
этот ~~работ~~ становится еще ~~полезри-~~
тельнее. Мексика тогда вникать было изу-
чали - и до сих пор, до того момента, пока
даже критика не прорвет нас мир, аде-
излучения пел его бина покая, совер-
менно покая покая! Но мы все нужно боим
и коверкают Мексика? Проклятия крити-
ки или покая? Зрели, хотим и хотим,
и неизбежно справитесь с нежелезными
автору. Тогда бина, что вы и не слабо
прикрывает.

Еще при разборе "Троика и Крескиа" критики,
по поводу раз и Умеса, которого мы называем
представителем Пропера, сугубо типично предта-
вительство самого Мексика. Вмешательство: "Его
воззрения всецело основываются на том, что
в немецкой философии называется "наво-
сом разстояния" т.е. эти существующие
разница между человеком и человеком
ни под какими видами не должна быть
сплажена". Зрели в ковалки еще лучше бина
вот в выражении "между человеком и чело-
вечком" и затем исправить выражение
"в немецкой философии". Не в немецкой
философии - а у Фридриха Кнессе, который
принадлежит к (такой способ выра-)
термин "наво разстояния" и абстракт
он, разница между человеком и человеком,
Кажется, в русскую литературу эти выражения
еще не проникли. Они значат, что человек
человеческого развития служит сознанию
своего превосходства над ближними и что
потому все попытки нова времени
поднять видный слон населения

А.И. Герасимов

хр 154

оправдано и исполнено волю писателя-гения
 в своем «на отдалении времени». Но, ~~вот~~ тем
 и пошло Нитисе, прославившись во глаза доре
 при поверхностности чтения его, да и силу
 классу неразборчивости по непониманию, разно
 езычью по слову его «слова». Къ нимъ
 относятся и Брандес. Конечно, это его
 друзья. Какъ занимаютъ зорко и близко то,
 что Брандес хотелъ приспособить
 Шекспира и Нитисе. Это-уже кончается.
 Шекспиръ поэтъ Нитисе, и ~~всего~~ хотѣ
 было много противъ него. Какъ и поэтъ
 немецкий Гюльсдорфъ поэтъ, онъ писалъ бо-
 лее на которомъ порицъ английскій языкъ
 никогда не достигалъ. Но Брандесу пред-
 ставляется, что въ немъ Нитисе-уже писа-
 тель поэтъ. И онъ полагаетъ, что сего-
 ластъ есть Шекспира, доказывая, что онъ поэтъ поэтъ и поэтъ
 Брандес въ рабѣ Нитисе. Протеро въ бу-
 рю-онъ Брандесъ называетъ уже
 «Неизвестный» еще - казуальность, т.е. титисе
 идеализмъ, который воплотился въ себя
 Зератустра или самъ Нитисе.
 Менстро ия знаютъ, что и поэтъ и поэтъ
 Брандес и все остальное, само собой
 какъ какъ востановить. О эти остав-
 лаетъ требуетъ объясненій. Къ ^{разбору} Корюлю
 и, Трошки и Кроссига «датскій критикъ»
 пусть и не что какъ востановить во все то же.
 Критикъ, ~~вмешательство~~ патался объяснить, что
 побудило автора опинистисе такъ непонима-
 тельно и томъ славскими германъ, привади
 етъ и ущемляетъ соображений. Прежде всего - зависитъ
 Шекспира и Гюльсдорфъ, переводчикъ Гюльсдорфъ

что мы знали Меншира, не узнали бы таких
подвиги, существовании которых исклю-
чало бы всякий интерес к нему. Если же
были настолько малы, что из-за зависти
к Умрану могли уродовать Гомера, если он был
так слаб, что под влиянием неудач разла-
живался в ящики, если был настолько
невынослив, что остался равнодушным
к Гомеру — то он не Меншир, а малень-
кий, мелочный, оравнившийся человек, который
годится для ссоры, прожектов и пр., но
который ничего великого не мог бы написать.
[Но у Брандеса крадутся какой-то крик
истинного художника, но в этом крике
разнашивается в главе о Кериоланте]
и как-то все это чуждо жизни, по той
стороне "жизни и парижан", если Пемброк
так дорожит им? А почему не говорить о
прожектах и пр. которых, конечно, в связи
с любой темой не бывает.

Но Брандес идет дальше.

Историк встал на предположении — огул.
Книжка о Меншире посвящена Менширу под
названием; уже и показать, что он, или он
слишком отрицательно и идеализирован
и, что единственно потому, что он не
знал и не, а, следовательно, не был
с ним что случилось на Умране. Но про-
тивоположен ему, в смысле с ним,
преклонился бы перед Цезарем и Гомером.
Все эти догадки, если бы были не было
иного у нас т.е. все-таки восторжествует
и стало оправдать Меншира перед
нами, конечно не криком, а в голову
почти кому критику и он остановился бы
на очевидности т.е. на том, что и Цезарь
и Умран — товарищи или были похитили

Мелетиру, что писать он не записал, что
дать много своему разображению, а потому
что ^{именно} писал и сказал бы с Губи-
нским, что Мелетир и признал бы, что
Мелетир и Гомера и Эзопа почитал, но не
как по своему. Теперь все он печатает
в постраниках, и поминация ~~на~~ кн. Мелетир
Кривака, который не мог познакомиться
с Мелетиром, а только, что датский
принц - это пересказ Губина, в Мелетире
в Мелетире.

В "Коробан" Грандес все как звание
держителю своего пути по Мелетире
постепенно и так восстал, где
живут призраки, и по Мелетире
Мелетир.

Но приведение Мелетире к Мелетире
и в Мелетире, Мелетире,

Зачем же он в Мелетире - до Мелетир 538.2

Это от Мелетир Грандес. Случай из Мелетир,
Мелетир Мелетир, Мелетире и Мелетире,
и Мелетир Мелетир в Мелетире, Мелетире, а не Мелетир
и что это Мелетир Мелетир! вы создали Мелетире, Мелетире,
Кривака! Но до Мелетир Кордес, а Мелетир -
Мелетир. И Мелетир Мелетир, Мелетире,
Мелетире, Мелетире, Мелетире Мелетире,
что Мелетир Мелетир Мелетире по Мелетире
Мелетире, Мелетире, Мелетире Мелетире,
Мелетире Мелетире Мелетире Мелетире,
Мелетире Мелетире Мелетире Мелетире.

В "Коробан" - все так же Мелетир. Грандес все
Мелетире Мелетире Мелетире Мелетире
Мелетире Мелетире Мелетире Мелетире
Мелетире Мелетире Мелетире Мелетире
Мелетире Мелетире Мелетире Мелетире

[illegible]

11.

не менее или очень характерна для современной
 "научной критики" занятием целых расхолабленных
 случаев. Для нас это вопрос не только души,
 в чуждое таринии между вопросом души и
 объективностью — не только души, а целого мира.
 Поэт — машина или нечто иное? связь между
 объективностью, точкой, как призма, возмущает
 сознательность. И всякое "призма" переносит, всякое
 точное рождается. И не в том только не признается,
 что разные люди различно воспринимают
 впечатлений и что есть разница между на-
 чальством и "благоприятным настроением". Поэтому
 Меншиков и родственники были, и давность их,
 и уроженцы предвещают; поэтому он и был за-
 рный собственник изуродован. Он образ. Изобразил
 критика
 был и не признается, поэтому, а потому видят
 не только национальное поэта, но и его
 мудрости и кажутся в его поэзии лишь любовь
 к простому, справедливому и истинному. Француз
 знает, что и без этих свойств можно быть
 величайшим поэтом в мире! Но, правда — так
 кажутся, что любовь к простому, справедливому
 и истинному есть только одна из форм, приня-
 мающих в материи и специализацию знания
 и жить не могут. Иначе изучение Меншикова
 чуждому не полагать — и критика ставит
 себя в задачу, что вид Меншикова понимается
 как явление, сперва сущее в себе, поэтому ^{когда одиозно для заднего} ~~разав~~
 не метафизически, в себе, а потому рождая
 и наконец суща переводим в мирное состояние, поэти-
 чнее не совсем характерно. Ученой Меншиков
 предвещает, что "великое и нитя чужд-
 чество сущее"; как его называют? Это, это,
 "своей сущности" как назван он? Действительно —
 и все это богатство не в покое чуждому при-
 нятию. Все погруженное в отпущивание, пришло
 и в падении от "погруженности сущности науки"
 и в падении
 он не отбрасывается на сепарату на отпущивание,

[illegible]

[illegible]

[illegible]

как боги просты, и не посредств. великая ишту
 рафия неоскисла. Но все же силу не удержива
 тая передают внутреннего доброту, пропони
 фигуру во думи этого человека - славы, галл
 Мелетур. Виз отнимался из самого же
 начала доброты и в старости характера
 Карло-мала и в антике уже до конца, как
 в Юлии Цезаре, все его поступки и действия
 этики. Но и Фий-и Карло-мала говорит
 влутарли, и влутарли с собою доказательство
 в полноте, кто ут. влутарли, что самые
 лучшие и благородные задатки, если они не получают
 надлежащего развития, подобно плодородной почве,
 не возмужавшей до зрелости, выносятся со собою
 приносят много зла. Ибо сила и крепость ее
 души породила во нем и полноту и активные стремле
 ния и ставит их в противоборство; но с другой
 стороны она привнесла с собою и великую
 гордыню и неспособность к управлению, вследствие
 чего она была (исключительная личность и исключительная
 сила и способность что была не, которая (сво право
 и доброты из доброты (виз), труд и богатство
 и называли их такими именами, как воздержности
 справедливости и мужественности, и не могли
 выносить с собою при политическом перевороте, как
 ненавистного, противного и
 Визни преобладающее, и в орос влутарли люди
 это обличия с музак все ^{свободы} ~~таланты~~ ^{свободы} ~~все~~ ^{свободы} ~~свободы~~
 и тому, что и в природа становится богами
 и тонок и ^{благородная} ~~от~~ ^{цель} ~~занятая~~ и ^{цель} ~~какая~~ и это истра
 люты и в по среднему пути, не давая им
 удариться в крайности. Правда, в обществе
 Риме в эту эпоху среди всего добродетель
 но и боги и эти влутарли дух и гра
 дост; доказательство в том случае,
 что римские добродетели называли "virtus"
 и так и в образе словес, обозначающих
 специально храбрость, прилагали и к добро
 дотели вообще. Эти Мелетуровские зам

человек слушать наилучшим образом
и Корриолану. Все, эпоха, там же, то же
а с ней и ее герой, тогда только описано
этими двумя замечательными, что добро-
дети были хвалы не только придуманы,
но и названы и „virtus“ т.е. храбрости.
Если бы Шекспир и в самом деле
имел никакой подготовки, то его драматич-
ский стиль и тем более слова были бы доста-
точно, чтобы показать основную черту
устройства римской республики, и по ней
воспроизвести чужие быт древней римской жизни.
Но, видно, уже у Шекспира были свои источники
и, на самом деле, эти вещи для которых не
существует ни времени, ни пространства, и которые
местами могут проникать во все эпохи чело-
веческой истории. Для Франсуа-де Шалюсса, у которого
Шекспир, не только составил себя, но и написал
никакого представления о гражданских войнах 164
и „древности“ и, что „антидемократический
дух и антидемократическая страсть в драме (Корриолан)
иногда своими истоками не в бытии
этой истинно политической обстановкой
а внутренней сущности Шекспира, постепенно
изменил историю и тот процесс и развивав-
шуюся. И эти патис и ~~антидемократический~~ черны, 164
независимо от того, как мы знаем, тогда стар-
у Шекспира, что он начал много проигрывать
уже в отдаленности и с юности. Но уже
говорили, что независимость и тогда некого обиды
и, что и демократическая страсть и неистовство.
Нельзя только изобразить сцену, где „тогда“
разрывает Верещанина - а тем же и сцене
его вражде и тем же и прохоты в „анти-
демократический и вставе, но сцене не
в этом духе. Несомненно, что по Франсуа

духа Мексикан, доброты и крепко уселся
 простого народа не существовали, его страдания -
 много воображения или собственной вины, его страсти -
 нечеловеческие, его грусть и тоска своими свойствами: готов-
 ность сдаться во тьму, или ему встать,
 неблагодарность и тоска, потеря в спячку,
 и истинная его страсть - врожденная неспособность
 к добру, затененная несправедливостью, ко всему в жизни.
 Но все эти его свойства помогают ему достигнуть
 высшей точки (курсы Брандеса). А Коррионд -
 по Брандесу, Мелетид, по крайней мере,
 религиозный человек, читатель и Брандесу Плу-
 тарха, и римского народа в римской республике
 и его воспитание. И все потому, что он в своем
 обращении имеет изобилие бедности, что
 кроме своего таланта его ищет очисти,
 ксенофобия и патристизм, это греша-
 тельно и ^{важно} не имеет в нем ничего другого. Но
 критика не возмущается: Мексика встала
 человек это все знает, и в великой во-
 левности, особенно и тогда - порою востанет,
 а Коррионд полюбил, материю пригласил -
 вот что нам есть Брандес в Мексике, че-
 та в жизни Плутарха. Все это при ведении
 жизни и в Плутарха, читатель не ви-
 деть, что Плутарха Крис Мерцис представил.
 на еще дух древнего историка ~~Брандеса~~ и
 глубокий и интересный психологический вопрос,
 о том, какие влияния можно оказать на чело-
 века и Брандесу дарование жизни в обществе,
 что потребность в самозащиту в жизни
 такое представление, что все доброты и
 заимствуют свои качества от храбрости,
 того единственного солнца, которое освещает
 в человеческую душу. Плутарха человек

со вершинства тчюваха и быстис, общи
 из музати и оид келрестанно скорбит
 в Коріоланѣ, посколько почитаему и хва-
 тикетъ ~~милыхъ~~ владѣтѣ своими силами.
 Чуеи Коріоланъ-огромный таранъ, разру-
 шаютъ ^{онъ} все, что встрѣчается на пути,
 свое и чужое, тогда какъ правитъ ^{онъ} нѣтъ сн-
 тал снла и ^и вѣтъ тѣ. то, что рикоме
 называетъ ^{высшей} добродѣтелию, то что требуетъ
 надъ собой, какъ видно изъ приговора Маріуса,
 иного назача, что онъ стаетъ достойной
 человека. Коріоланъ коловитъ и ружаки
 и изыкомъ, томо мою ~~тѣмъ~~ - и ~~бѣтъ~~ ока-
 зываетъ превосходство воиновъ и вѣнчи-
 нныхъ араторовъ. Но снла его и рапорити-
 тѣ дѣли стѣили, что ~~ликомъ~~ ображающаю, въ концѣ концовъ
 на Римъ и самого Коріолана. А того веро-
 ждѣннръ изобразилъ будѣтъ ба своимъ
 поучеиомъ - у Брандеса достотомо томи
 и чѣтъ, что онъ такъ поимилъ ~~Менши~~
 ра поэта, а у Меншира не было способ-
 постѣ поимѣ ~~дѣтъ~~ пучтарно. Но ~~верѣ~~
 Зорантѣ томио снлатѣ, что все проимѣ-
 вѣиъ Брандеса - ~~милыхъ~~ пучоръ, ибо ниско
 подобнаго съ Менширомъ имотю про-
 войти. Менширъ Коріолана и екадѣ
 римскаго духа поимѣ пучни, чѣтъ пуч-
 таръ и изобразилъ много оимѣ и пучѣе.
 Провсе всего въ пѣсѣ кѣтъ и снлатѣ, анти-
 демократическомъ пѣстростѣ. Коріоланъ, Волуиисъ и Менш-
 бранитѣ народѣ ~~Волуиисъ~~ ~~фран~~ и пучибу-
 новѣ - но итакъ и бѣтъ поимѣ. Коріоланъ
 такомъ не матерѣ ружатѣ, какъ и драмѣ
 и съ таимъ и снлатѣ ~~пучи~~ ~~Волуиисъ~~ ~~Волуиисъ~~
 лѣтъ и бранитѣ народѣ. Внкомъ снла и ~~бѣтъ~~

тишайший, горбатый уродец, не установив-
ший ни перед убийством брата, ни перед
отравлением ^{посла} сестры, отдавший прика-
зание зарезать двух небитых ма-
люток, и тем не вставивший отсту-
пать самого Букингэма, ^{эфи} ~~сестры~~ ^{сестры}
- не смущает Мексера, Его нравствен-
ные извращения безобразно не оскорбляют
поэта. Ибо из него не скрывается от
нас, не прячется под искусственным
украшением действительного человека,
а изобразил его таким, каким он
был на самом деле и своей правдой
считает все тяжкие обвинения, которые
когда либо люди придумывали против
судобы. И эти еще в первой части
своей деятельности, когда жизнь не
наполнила еще его на "~~на~~ ^{на} ~~затем~~ ^{затем},"
когда он только инстинктивно воспрои-
зводит то, что проходило перед его на-
зами. Рикард III, Фальстаф и Мерлот,
в них соединилось все то чудное,
вместе на устах людей замирали
почитаясь с древнейших времен.
И Мексеру к ним подошел, и
попытался - и ^{тоже} ~~уже~~ ^{уже} ~~использовал~~ ^{использовал} ~~в~~ ^в ~~искусстве~~ ^{искусстве} - а
преклонился перед ней. Выходя с не-
ю, пошел и он, как бы он не отомы-
таке вечно над ним, ты можешь быть
бы предположить в каждом из его
судов автора с таким же упорством
скажи в Ромео и Король
видать Мексера. Но Мексеру
на минуту вложил в душу свинца
первое - и с той же важностью отпустил

Современный натуралистический роман
 гордится тем, что описывает правду.
 Но его правда, его действительность лишь
 часть из того океана жизни, которую
 изображает Шекспир; и эта часть — застывшая
 перед нами картина всего мира. Они вообра-
 жают, что открыли нечто, до сих пор никому
 не бывшее известным и с творчеством
 признают, что «классическая часть»
 была дана человеку для того, чтобы он
 не считал себя Богом. У действительного же че-
 ловека эта классическая часть — все. Он не может
 судить обо всем мироздании и Шекспира
 изображают лишь в том, который не
 все видит, не все знает, это он зна-
 еет и потому позволил себе ту рос-
 кошь парадокса, которая называется
 идеализмом и разрывают виденье
 в мире единство и гармонию. Какая
 ужасная ошибка! Вся поэзия Шекспира —
 это лишь комментарий к хаосу — и
 самой глубокой Шекспира. Если и
 своей близорукостью она выхватывает себе
 в достояние. У Фальстафа — она видит
 обжорство, пьянство и злой шутка,
 у Ричарда — ехидство, злобу, беззачин,
 у Шейлока — страсть к процентам и
 христианской крови и полагает, что
 это — великое открытие. Но где же нахо-
 дит натуралист рисовать нату-
 ральнее, чем Шекспир в отбрасыва-
 нии всякой стороны человеческого духа?
 Уходящий ли этот кто-либо из
 всех современных новых или новых писателей

тот же по той силе изобретения, с ка-
кой Шекспир рисует ужасы смерти.
Все материнское - это несколько стро-
чек и 33 той сцене и королю Лира, 29 и
Лира, 29 и 30 и 31 и 32 и 33 и 34 и 35
воображаемой сцены под Ретаном
и Бонерхей. Вспомогательное Мопасано.
разные же слабости и иллюстрации не существуют
во время прозы? Все то, что, как
открытие, полагается, то новая же-
лов, востановление, Навстречу, изъяснение, то же верное
великая истинность. И это же истин-
ность - Шекспир, величайший человек
и величайший поэт. Сильнее и крепче
представляет себе какое-то нечто
героя такого Шекспира, он падает востанов-
и востановление освещает лучами своего
света и как-то преступного и самими
отбрасывает, как-то прекрасного
и возмущения. И, что же, востанов-
ление и что же, ему же, ну же, возду-
хивает и как-то и как-то, это же
суррогата правды. Но же, ну же, есть
та истина, та правда, которую
пока для всех - и естественных, и
искусственных, и естественных и отчуж-
денных, и радующихся и восторга-
ющих, и правых, и виноватых. Мо-
жет быть разучились понимать вели-
кого поэта, с того же поре как
и как-то же Никола Первизеа, Уолрича
Крейсера принуждены были отог-
нута на задний план Мопасано
за все и как-то же, что и как-то

человеческой истины, на которой таится великая
истинность.

отвѣтъ на вопросъ о жизни у Вола
 или даже у Китини въ полномъ убыва-
 нии, что наука окажется болѣе чуждою
 Мексикану, если сохранитъ важныя
 званія поэта. Но этотъ Китини,
 поэтъ, торжественный и траги-
 чески слово нашей науки — у него
 находится не въ зародкѣ, а оформлен-
 ный, живой и индивидуальный — въ Мексике —
 равновѣснѣ оравановъ. И, если въ Англии
 апликации считаютъ грѣхомъ порчи
 своего поэта истощеніемъ отъ хвалы,
 если, какъ у насъ, критика наша не своей необузданной паучьей
 поволокою такъ обаяетъ этого вели-
 каго имени, (прибавляя къ нему это
 страшное для науки) (вплоть въ его вѣнокъ
 это страшное слово „идеализмъ“)
 приравнявъ его къ стиху и къ поэзии,
 то Французъ сдѣлалъ бы отъ правды
 туда уклонъ, а не прописывалъ
 надъ „правствованиями тендециями“
 какіе-нибудь критиканы, въ первомъ все-
 таки показывающіе и въ значе-
 тельной степени обличившіе
 великаго значенія поэта
 И такъ, развѣ навсегда нужно отказаться отъ кельской идеи
 отъ отъчужденія Мексикана съ его
 героями. Все это — лишь люди, кото-
 рымъ видѣны, пониманы и жгучи полны.
 И наша задача все же въ томъ
 съ Мексиканомъ въ томъ внутреннюю
 жизнь, чтобы понять, чего они искали,
 почему страдали, приходя къ уясненію,

non

шб 168

non

Брагдсу "непущено повергать Иелену"
 И в то время, когда эти несчастные
 в Бегедают свои голодные и жале-
 на не собирают от славы пе-
 рейти к глубинам (которые возмани-
 бо и в самом новом человеке все
 нное представление и чувства, чужд "суху"
 и "едверный запах") и в чаетеся одна
 за другим два патриции - Меноми-
 Ариппа и Морисланд. И вот образцы
~~и подражания~~ откопаний этих
 глубок представлений аристократии. Ариппа
 слушая стенования народа и размышляя
 его глубина, рассказывает им баяны о
 жизни и прочих членах человеческого
 тела. До того, только ли эти люди го-
 лодны, до того, что знаменитые сидят в тюрь-
 мах, быть лицепалом сени, мажорит
 на хануцких, пухнуцких в том голода
 этой - ему даже никакого нет. Он
 ни на минуту не வருивается и не
 вешивается в жалоба обиденных и
 несчастных людей. "Всесильная патриция",
 которой не поддается в хану вина ни
 одной капли ~~из~~ вода из тиора, вига
 глубина и слона крики, гучасть или
 отомы, что все это в чонке чонке ав мо-
 жет поиграть ему и его товарищам
 продолжать в знакомство "с известом
 ноги" - и ижеет одного; наркотизировать
 толпу. Опять есть чужо - он знает, как
 отвлекать внимание голодного человека
 в том чужо - и в результате пре-зна-
 менитая сказка, летняя в новый шее
 Ариппа в основу чужой научной теории.

Менені мало знає до того, чого хочеть
тишина. Він мляво є на парадних, або йому
суровість не по характеру. Но їм та мля-
вості у них лише *façon de parler*. Из
своего амбара він и золотника хитрості
не віддає, и показує, що це бль-
шай добродітель з его сторони, если
він утворює протини словами.
В тому, що він проворити в справдлі-
вості вимоги тих людей — у так
критичний. Мот йому нужно лише,
чтобы они разошлись и он готов
поисертовати своимі тонкими обо-
няніми, поюкати несьолько времени
попозже поспалови, что от гласа
отъ перспектив не потяну дубки
він посредник, чоловік, вносящий лад,
т.е. так устривающий, чтобы а неохот
не видать зубів волка. „Кеболом, а боги
нах нужду и снується шлють; не упр-
жають руки — гнуть погону вальди
спасень наго. Горе! горе! Вахуни те
отцові правителі — в своих отцах
враны во видиті. Такъ разговори-
ваетъ Менені, стараєся замаски-
вувати свою меланію и мрно продо-
вляє свои запяті в чистоті ночи.
Но вотъ являється Марцін, отомъ и
знаєть чужовостей. Він солдат и
не привик инакє добивати свое право,
чимъ силой и не знаєть, захоче обра-
щатися къ оружейному способу охранения
„права, чимъ къ силі, тому готує
храбрости, позитивною ваянєю догори

гетманов. Онъ истинный патристъ.

16.

101

Римское воспитаніе, воплощенное
въ личь его матери, сдѣлаю изъ Коріо-
ла героя. Марцій - повидимому тотъ
человѣкъ, который изучилъ Римъ. Безстра-
шіе, отвагу, необузданная сила - все
есть въ немъ, что изъ него выйдетъ Римъ,
да и то возлагаетъ онъ на сыновъ
своихъ глубокія вѣжи. Но, дѣлаясь про-
макнулисъ и Волутии, и Рингъ. ~~Дѣла~~
изъ система, такъ строго проведенная,
воспитала и такіе качества въ Коріо-
ла, которые еще не изучены, вредныя
отечеству. Марцій идеальной солдатъ,
но онъ не рождается въ торжествѣ. Онъ вооб-
ражаетъ, что право охранять свободу
есть только-все способный, какими онъ
приобрѣтено. Мало того - онъ не дога-
дывается, что не его дѣло вѣнчаніе
вѣнчанъ въ эти торжества вънутрен-
нюю устроения, что для этого есть
Фуркннъ, который знаетъ ~~также~~ сложное
искусство превращенія кулака въ теорію.
Онъ какъ-то воображаетъ, что кулакъ
всегда хорошъ.

Дѣй, въ чей дѣло, кризисъ
онъ породу, дѣлаетъ въ безпощадные мер-
завцы, поддавшись зуду азиатскихъ
вашии илліи, себя коросту надели.
Видно что, произнося эти слова, Марцій,
свѣтомъ какъ того требовало Катонъ,
и вникаетъ въ страсти не только свои
Кулаковъ, но также и чужихъ, и вѣдомъ.
Но, если эта слава еще поубождается,
то вотъ заключеніе его рѣчи!
Когда-бъ сепатъ ^{поступилъ} позволялъ

172

Себя держали и лишь съ месяц позволил
на них папаста, изъ такихъ мертвыхъ загнъ,
и навалили Батору-воинкомъ
Съ мое конь.

Эти говорятъ, "victus", ты вообще ка-
чество человека, отъ котораго полу-
чила свое имя добродетель. Юристы
Менепий говорили устнохотъ рече Марцiахъ
и своей, показавъ что Римъ обязанъ соб-
мъстному дѣйствiю ума и киня вогово-
рившимся въ во спокойствiи. Друзья
остаются педиги и Марцiи обисла-
етъ передъ Менепiемъ свое негодобни,
словно онъ мало хотѣлъ изахотъ
при каротъ.

Ското!

Они на то годъ осаловали, смнли
Пословица намъ повторятъ о томъ,
Что съ голода и нрѣ посты едаются,
Что морни собакамъ нцуютъ, что отъ него
Ниспосланъ кто бы не болагамъ одижатъ.
Вотъ рече нцала, чинющаго битье,
но не чинющаю иатъи притворятъи.
Внѣ кекренъ возмущонъ тѣмъ, что цн-
ди могутъ часо ватъи на то годъ и не
покинаетъ, зачѣмъ сенатъ впаля нц
голосу народа и назначилъ трибуновъ.
Менепий могъ бы объяснитъ о ену свечѣ
сказкой, что танкии способомъ ^{аквотъ} сенатъ
ицетъ нццъ "всему тѣмъ. Но онъ
забавчъ усе свою сказку, да коридору
онъ бы ее постъи енася, вѣрно, разска-
затъ.
И ~~такъ~~ Вотъ два римскихъ типа
Коридору и Фриппа. Фриппа -

вполнѣ приено содѣланный для римской
искусности человекъ. Коріоланъ — все имѣетъ
въ себѣ, какъ и теперь уже видно, черта,
нѣчто, что въ ~~такой~~ римскаго воспитанія
не входило. Паранъ — то онъ поро-
мій, но сверхъ того онъ еще хочетъ чего-
то и не готовъ всего того отъдать себя
на съдѣлы цѣлей сената и битъ мнѣ
тѣмъ стѣнѣ, на которыхъ его направятъ.

Вообразите, вы, побѣдному, дошедъ до
того хотѣтъ битъ что бы то ни было,
какъ Цезарь готовъ былъ бить перваго
изъ бы то ни было. Но Воулупіа ^{и въ римскихъ истинѣ} броска-
вали промахнувшись въ своихъ педагогиче-
скихъ ^{разсѣтахъ.} ~~прѣделахъ.~~ у Коріолана вѣнчались

съ нѣкими свойствами, крадростью,
любовью къ славы, презрѣніемъ къ ничтожеству,
вопроса еще сознанія своего достоинства,
ненависть къ лжи, ненависть, не тер-
пящая такъ все нѣкоего ограниченія,
какъ и любовь къ славы — нѣкаго соперника.

И всѣхъ гдѣ бы это онъ стѣно витѣ
въ оппозицію не только съ народомъ,
но и съ своими патриціанцами. Искусство
Менелая ему не понятно. Онъ самъ пре-
восходный вратарь, и чувствуетъ, что
для крапорчатыхъ лѣтъ не нужно, ибо онъ
никогда не ищетъ, а говоритъ по чужде
своего друга. Завѣтъ — все лжетъ? Что же
прикрываетъ боязнь? Но Завѣтъ торжествуетъ,
Когда есть мечи. И всѣхъ своихъ правди-
вшихъ существующихъ Марціи возмущаются
противъ основа римскаго устроения....
И страшно! Прошли война, и улакт
Марція, т.е. тотъ герой, котораго
культивировали сознательно Римъ,
предъ которыми современники прекло-

(въ землѣ вои) полубогуцѣи Митѣ Марціи
и Кошницѣ, еще въ землѣ воиновъ она за-
вастѣ Марціи величайшей похвалѣ.

12.

103

Мы не гадимъ тебѣ твои заслуги
Въ похвалѣ похвалѣ: узнаетъ Римъ,
Какой гдѣ ты пѣю ктѣ сиветѣ
Отъ родина скрываетъ танцую славу-
Тонѣ вѣрѣ и сокровенной клеветникѣ.

стр. 174

Ему устраиваютъ торжественныя овалы
презвѣстныя съ музыкой, съ грохотомъ и кити-
нами солдатѣ. Десятая часть отъ нѣтъ у
братовъ добачи предоставляется ему, Лучшимъ
Нонѣ въ войска, дубовый вѣнокъ — и названіи
Норіолана. Голоса на эти торжествен-
ныя похвалѣ не одно юное сердце билось
въ чашѣи того момента, когда и на его
голю впадетъ тѣло е счастіе и вся похвалѣ
а умиленнахъ этихъ зрѣлищехъ люди
направились въ "рѣчку", живали волноце-
нѣи которой являлся передъ ними Мар-
цій. Но Марцій, хотя знаетъ, что заслу-
жилъ все это и, что Римъ необходимо
для воспитательныхъ цѣлей вся эта
похвалѣ демонстрацій добродѣтели —
все же протѣкаетъ противъ, похвалѣ-
наго, какъ онъ вращается "привѣта".
"Какъ будто бы я не вспомнилъ безъ того
своихъ заслугъ неблагодарна" восклицаетъ
онъ. Но, это та условная лояль смирения,
которую Марцій принимаетъ лишь
потому, что научился думать, что
послѣ храбрости и патріотизма, бли-
жайшая добродѣтель — скромность. Онъ
цѣпитъ вѣсно свои заслуги, молчитъ

бать горизд о вати, чпмх пошкбодз о и
солдатъ. Но не рудмаетъ, чтоба сираватъ вь фанномъ
возможень поубеже свои истинныя чувства
и ^{пох}говори^{ли}т слова (хроникъ тако прили-
чя было ба пехорошо. Привална - втора
патура. Ету лоешь ош, правдивой Мар-
ций, безъ труда произноситъ.

Поиду, чмюсв а, а тамъ гляди^т -
я покраснелъ иль нвтъ. Спасибо всьмъ!
Астану рзди^тт пачи^тт, а такъ
Старатъсв, чтоба привч^тт ко сприване
Съ достоинствомъ носитъ,
А мече^т тнмъ хотъ ош не любитъ, чтоба
его нх^т оасетво питали похвалами,
полкн^т ошн ложью - замг^тт нмъ пока,
изъ за этого чмю завяместисъ начало
великой трагедий.

175

Пона Марций воеуетъ съ волскашн, ош
Волу^мпий^и (своя^т ~~своя~~ Вириний^и и своимъ вк-
номъ) дома мечтаетъ осто подвигахъ.
Эти мечты и еш бестоя ош невтъсткой
только варианта той сценъ, которуи
наблюдати вь латеръ римлянъ послъ
пораженій воелбеновч. Квтъ тудъ,
солдатъ въпковъ, пыл^ткн^т нхъ - но, елушомъ
Волу^мпий, - все это видишъ передъ собою.
„Если ба Марций башъ мнѣ мучомъ,
мнѣ радостнѣе было ба его славно
отсутствіе, неюли самыя оархій
браниас поцълуи.“ нахнастъ она
свою рѣчь. А контастъ т^иа^и ~~т^иа^и~~ воелн^тмъ
ишн^томъ, какою Менепиръ не вклада-
валъ вь чета ни одного изъ своихъ
героевъ солдатъ. Мн вьпишеть всю
ея рѣчь, чтоба читателъ представитъ
себѣ ясно эту „писаную волгизу“

его непроницаемости и Риму с мате-
рью соединеніе съ матерью - богицей уда-
лось вернуть въ окаменелость чело-
веческую душу? Плутокъ говоритъ,
что Марцій не хотало обзекія съ му-
зами и вселенствіе этого чуждо было
много негоднѣнкой антиобществѣнны
у Мексика - иная задача. Онъ спраши-
ваетъ себя есть ли подъ этой броней
солдата челоѣкъ и что можетъ про-
бить эту броню? Удалось ли Риму
и матери Велукинъ вернуть Марцій
въ оружіе, послужное или случайнымъ
историческимъ надобностямъ, или
та перойской силе, которую они раз-
вили въ немъ найдеть иная, болѣе
достойно с приложеніе. И въ этомъ
отношеніи параллель Коріолана полна
глубокаго, захватывающаго инте-
реса. Въ первой ~~и~~ дѣйствіи пере-
вали раскрыта вся челоѣка жизни
Марція и сама герой, грубой, безсер-
дечной, участвова въ своемъ невольномъ
могущество. И все можетъ, что въ все это
Но вотъ Коріоланъ кончился: почитаетъ
все онъ чуждѣтъ точно такъ и все?
Почему же все могла сила этого челоѣка
на такъ и останется дикой силой,
надъ которой будутъ властвовать
военная нужды Рима и честолюбивая
мечта Велукинъ? Когда Марцій
возвращается въ Римъ онъ приветству-
етъ такими словами свою жену:
...На все въ слезахъ? Выхлая моя,
Въ Коріоланъ такъ плачутъ вдова надъ нимъ
и матери бездѣтны

Другого прива́та этотъ человекъ не нашла.

174

18.

105

Вдова падшихъ и матери бездѣтныя,
тѣмъ поспѣла для индѣйца-дикаря, то
похвальные трофеи для него.

Но здѣсь-мнѣ на слухи и ^и слова ¹ собствен-
ныя Коріолана, не тѣхъ которыхъ онъ на-
учился у матери и Рима. Когда Волутии
напоминаетъ ему о консульствѣ, онъ
отвѣчаетъ

Нѣтъ, радши,

Пусть лучше римлянамъ случится взбѣдъ
по моему, чѣмъ провѣтъ ихъ узнати
по иному.

Въ сличеніи чуждѣ диссонанса, которому
судебны разрознились въ ^{страшную} ~~жестокую~~ борьбу
одного человека со всѣми. И въ этой
борьбѣ лица скажется настоящей Марцій,
тѣмъ Марцій, который ^{возмѣ} ~~восхитилъ~~ ^{Менепира}
и который Брандесъ въ своихъ поискахъ

нашелъ, что и только Менепира благо-
получно не замѣтитъ.

← § XIX апр 178

Въ Римѣ, въ сенатѣ, Коріолану пригото-
вляются повѣи пиретъ. Выжиганіи, при сенат-
торамъ, трибунахъ собирается прохвѣстѣ
мориссѣнскую рѣчь о подвигахъ Марцій,
кандидата въ консулы. Но Марцій не
хочетъ славы похвалъ себя.

Скорѣе въ часъ тревоги
Безъ шума стану и сидѣть
и только почтѣвать, чужихъ слушать
Въ ланѣ мои нечестивыя похвалы.
Говоритъ онъ, какъ и въ лагерѣ, и оставляетъ
сенатъ. Два раза чуждѣ названъ охъ свои

[illegible]

Итак, Марцин удаляется из сената,
Но и кизи произносит торжественное
слово о его заслугах и сенатъ изби-
раетъ съ него чина. Тогда Корисполес
возвращается, Ортиппа возвышаетъ
ему прошение. Но, это не все еще. Про-
шение сенатъ долженъ быть утвержде-
но народомъ. Марцин, ну что еще,
согласно обычаю, явится на площадь
и, в одежде просителя, добьетъ себя, голо-
са "победивъ. Это ему нависаетъ уни-
женіе и онъ вполнѣ бы именоватъ
этотъ обрядъ. „ Не въ силахъ и стѣтъ
получить передъ толпой, указать
ей раба и записъ unicamente прохитъ
избранъ. Однако, онъ продолжаетъ
свое обращение и явится на пло-
щадь. Зреть прохитъ пораженіе
и онъ сядетъ, одна изъ тѣхъ которыхъ и
самому именуется и являетъ себя. Корис-
полес разговариваетъ съ народомъ и

не драгитесь. Иные говорят, что сь мужи-
 тельными уединениями возмощаетъ изъ себя
 подвизающій случаю слава. И какия эти
 слава! Еще при Мелетіи онъ гласаетъ
 репетицію и вонъ что у него возмощаетъ,
 после промолвитъ и несколько словъ
 наоураженій: „Владык, достойныхъ
 мужей, на эти дела, а добротъ ихъ въ Богу
 въ тотъ самый час, когда иже изъ тво-
 ихъ соратникъ бѣжали а рѣвомъ“. ~~Вотъ~~ ^{Вотъ} ~~хот~~
 Мелетіи, поначитію, приходитъ въ ужасъ
 отъ этой горни речки: „Богу, возмощаетъ
 онъ, не надо имъ говорить про это“. Надо-
 грязло, надо чувствовать униженіе только
 тогда и постыжко, поскольку это сопряже-
 но видами внутренней и внешней пош-
 тли. Мелетію это тоже ясно! Но корю-
 лась, въ своемъ парадѣ, точно левъ въ мит-
 лѣ и, если бы онъ почувствовалъ устрем-
 леніемъ на себя взора своей укротитель-
 ницы, Византии, то, конечно, никакихъ опое-
 пости или почести не удержали бы его
 въ псалмѣ. Но матери надо сая консу-
 ла и Коріолана разговариваетъ съ народомъ,
~~прошу~~ по все-еще почти обогнать своихъ
 изъ комъ лишь пропускаю драгнотъ слова
 и вѣтавая заботливый просятъ о немъ:
 „Вѣдь ты мнѣ, говоритъ онъ одному
 драгидану,“ что можешь стѣхъ тво
 имущество. — Вѣной радужной просвѣта,
 получается отъбѣтъ. „Просвѣта? Хорошо.
 Такъ дай же мнѣ (своей толпой) на мнѣ
 сѣтъ рана; и показавъ тебѣ изъ, если
 хочешь, когда ии бѣдъ наедикъ. Въ
 чувствѣ вѣнѣ, что стѣхъ стѣхъ отъ уни-
 женій. На тобенно пора зителенъ конецъ

тѣ проробаетъ все глубокое чувство
сознанія своего достоинства и правды
этого человека, еѣ показывающее, что тѣмъ
тѣмъ ринимане (соотвѣтствіе) разсудитъ свои
взроститъ свои, добротѣ тѣмъ, вѣрности
нѣмъ совѣсти и нас.

613, 614,

Слушаніе эти рѣчи, въ которыхъ есть все
благая просвѣдательная сила и даются въ ограниченномъ
комбинированіи, но въ которыхъ звучитъ през-
рѣніе и къ самому себѣ и къ побѣдамъ,
гражданскѣ суета педагогическіе, но все-таки
отдаются ему свои, слова. Онъ изобразилъ,
остъ какое-то личіе утвердитъ его. Но утверди-
ній ему не даются. Плененъ, по въ вѣнчѣннѣ
тѣмъ бѣдѣ, одуша вѣнчѣннѣ и беруть назадъ
свои голоса. Тутъ-то разгорается
страстная сценка. Марцій и прежде всѣхъ ду-
шой возмущался уступчивостію сената
и патриціевъ. Онъ хотѣлъ, сместить
старинна, уничтожить унизительная
обрядъ въправиванія голоса. Если пат-
рицій, такъ-же, какъ и онъ презиралъ
на себя, то дѣлать породу- значить
богатства, трудитъ. Марцій сказалъ Мене-
ній противъ до глубина души, ибо, что
онъ въ сущности тѣмъ, какъ не лите-
ратурный способъ въправиванія народа
права не открывать амбара?! Вѣрно изъ
бѣды- либо амбаръ для всѣхъ, - тогда
отдай те же, какъ Марцій отдавалъ
свою драгоценную долю богатствъ. Либо ам-
баръ принадлежатъ богатымъ, но
въ такомъ случаѣ зачемъ все униженіе
и форма защиты „права“. И все,
что уже на душѣ, онъ воспринимаетъ
предъ народомъ и патриціями.

180

Обличается порожд, — но и патрициат
 с сепатоме патриасно не обидели, хотя
 он и называет их „собранием ²мужей
 доблестных, ¹накого и утреков не бывало.“
 „Ване? собор всенный похорь лишает
 власть единства и свобода: во на добри
 безсхольна — и ктѣмъ подя ему отъ зле, оу-
 тавцаю воел.“ И тѣмъ — исторія борбъ
 патрициевъ съ феодалями вполнѣ похороми
 лависитая. И Марциі тѣмъ правъ: ~~патрици~~
 еоряки протестъ правды челоука
 противъ того чужаго характера, кото-
 рый носила на себѣ дубокотъ лѣтняя борба
 патрициевъ съ феодалями. Феодели добива-
 лись правъ своихъ не по стѣбамъ, по сколко
 боялися справедливостъ ихъ притѣза-
 ній, а по сколко патрициі терпели
 возможность ^{своихъ} удерживать эти права
 за собой. Феодели ^{своихъ протѣжниковъ} боролися ^{съ патрициевъ}
 признавая ^{своихъ} (трибунатъ, право (вступленіи
 въ права ф. родни тѣмъ патрициатомъ) ^{р. о. о. т. е. н. и.}
 (Jus Cippii), право занимать адиствен-
 ная должность (Jus Honorum) и т. д. И
 въ тѣхъ порѣ, пока феодели не закосили
 руку — патрициі не уступали. И торжо-
 ный правъ, когда онъ ^{люблю} (возмущеніи
 тайныхъ способныхъ употребленій г. т. т.,
 воскуицаетъ

1818

Всѣ друга феодели
 Намъ говорятъ ослѣдъ словъ: „посѣ бовни!“
 На закотѣмъ хлѣба — хотѣ страху
 вѣи намъ дали хлѣба“.
 Несомнѣнно, патрициі уступали
 исключительно подъ давлениемъ необхо-
 димости, а не изъ сознаній ~~не~~ справед-

ливости требований.

Впрочем

Народу эти лисы трибуна?
Товь, опираясь на них, лютуют
Мчатся сь восточной властью?
И это правда. Лютуют трибуны ирис-
наки патриции лишь тогда, когда
плети удалились на свою изгнанию гору.

Их из драки

При бунте, в смутной часе, когда били
Закономъ ехал, пытке чае другой.
Пусть право будетъ правомъ: отброситъ въ прахъ
Вот эту власть

Пусть „право будетъ правомъ“ — вотъ очень
мудро идетъ рече. И Корсонианъ иначе
не могъ говорить! Своей речею они просили
возвратъ всему патриции, которой
оберегалъ свои права и не назывался отъ
нихъ, не во имя справедливости, а по сооб-
разению и возможности. Одно изъ
Марцинъ и въ голову не можетъ прийти,
что ^{плети} ^{ата} ~~высказывали~~ у патриции ~~то~~ ^{та} справед-
ливое равенство половъ, въ которомъ
они записки добровольно не признавали.
Ибо, если бы они такъ думали, то обру-
чили бы всю силу своего господства
на свою же партию. Но они не знаютъ,
каковы потребности права и удобства,
совершенно некрепки, что, если они сжиг-
ютъ требовать либиды, то — лишь по-
тому, что хотятъ бунтовать. Откуда
силу знаютъ, что можетъ быть вопросъ
о либиде, силе, о которой судья восточной
силы не знаетъ и самого государства?
Очевидно, что они бунтуютъ — они,
которые существуютъ, посю либиду,

судяте всенно дича того, что боа восватъ
подъ начальствоу патрициѣ. И его
мнѣ, его поговориѣ тал-чи сестер
твскно, какъ позорна ^{хвалена} чѣстунчивость римскаго
патрициѣа, чѣстунчивость, несоимчиво
основанная на страхи, которой каза-
вается, политической дальновидностью!

Ряну все это пучко бало, повторень,
и типический римлянинъ баль дома
такихъ нсе хорошихъ пристомъ, какъ
и на войнѣ солдатовъ. А и это увидимъ
сейчасъ нѣ убѣдѣній, о которыхъ обра-
титъ къ салу Волутиѣ, къ Марциѣ
уже перестанъ бѣтъ орудиѣ своєю от-
чества. Какъ патюра снлвном, онъ разор-
валъ все искусственныя презрѣя и
потому-то въ немъ проявились истин-
ныя запроса человеческого духа, а не тѣ
свойства, которыя мы приобретаемъ,
чтобы угодитъ въ щипки отстоятоствамъ.

Брандсеъ тоб орнитъ, что Мексипиръ не
мнѣ имѣтъ помятѣя в той роуи, кото-
рую сундено бало съграбѣ плебеимъ и
потому въ "Коріоланѣ" будѣ ба азелъ
~~разнѣ~~ авлечетъ поборниковъ аристок-
ратѣй. ~~и нѣмѣ~~. Но мы видимъ
обратнае! Мексипиръ съ необахновенной
чуткостью подмѣтитъ основную черту
борьба составѣ и Коріолана трагедія
вн за имѣстѣ истогникомъ не его
браниду къ народу, а его неприиспособлен-
ность къ политикѣ патрициѣа.
Ито ето основанъ еще менше нѣ его
Блада съ матерью. После схватки
въ сенатѣ, въ которой патрициѣмъ удаеся
отбить Коріолана, онъ возвращаетъ
войной. За нимъ сѣ дуютъ патрициѣ

Все признаютъ его правоту въ его изво-
лении, заявляютъ ему, что „Благородно
онъ говоритъ“, но все же требуютъ, чтобы
онъ поправилъ его. На сцену явится
Волупий, а Кориоланъ со сна. И вотъ
небольшой отрывокъ изъ начала пьесы.

Волупий.

183

В. и далее
Составить поэтъ.

Очевидно, что, истинный властитель
Рима и его ~~мать~~ добродетель, готова
есть и пережить все, чтобы. Никто
не можетъ укорить и Кориолана. Мен-
ний Фриппа пробуетъ было заговорить
въ своемъ посредническомъ тонѣ о томъ,
что Марцій былъ грубъ съ народомъ,
но скоро устанавливаетъ это свое намереніе,
ибо найдены для Кориолана иной спо-
собъ ублаженія. „Нужно пригласить
и мать, ибо, иначе нечего спасать,
случай вспыхнетъ въ родной земли и
пропадетъ наша родина“. Менний Фриппа,
успокоивъ, что такъ можно ублажить,
устанавливаетъ сейчасъ же прекрасный поводъ и
съ жаромъ возбуждаетъ:

Когда бы не была за обман, когда бы не
такой истинной и суровой вѣрности —
Настоятъ бы я не уступилъ подлой черти
Его склоняетъ. ~~А что же, чертъ снуж~~

Взвѣтивъ рече Волупия

Настъ тебе —

Силахъ а, что мужество и мѣтъ роитъ

Поручи неразлучны — вѣбоси

Взросли на постъ брани? Если такъ

Тогда чего ты рогатишь изъ прищипъ

Кориоланъ съ утѣсненіемъ восклицаетъ

Вот вы: Молчи! Молчи! Молчи! Молчи!
понимает все: "разумней твои вопросы"
говорит она Волчин и она прогони-
мает:

20

109

184

Ноль на войне скрывает не столько наш
напорный свой отъ суности,
Ноль на войне обманывает врага
полезно и спасительно, запомним-ли
Их войну, в опасный час и трудный
перед врагом хитрит не столько то.
Волчин и не смогу на то, что и она
"не боится смерти" и не чувствует
гордости и чуждым и не чувствует
всю цену са тою противоречий, из каких
она ставит себя, не подозревает даже,
что она своей ложью прикрывает много вещей
патрициата и такой ценой покупает
у Бадональ, который она презирает, право
пользоваться покоем и прерогативами
аристократии. Она говорит о ртуть и ст-
ности, исключая из виду всякую возможность
сомнений. У нее есть правила, в которых
она верит и против которых не восста-
вает возмущения ее души. Эти правила
ей продиктовали Рим и она, без критики,
повторяет, как символ веры, ~~в~~ ^и ~~раствор~~
уча сына обманывать врага.

Иди...

Как утешение жалеет ситуацию

В конце концов - Король ищет уступать, р-
мает сглаз попутку. Но, ^{быть} ~~намерен~~ ^{идеи} ~~идеи~~
мало надежды на его уступки. ^и ~~верно~~ ^{верно} ~~конечно~~,
если не верит, то пусть не верит
вперед с уверенностью на него. Все про-
буждают ее удивлением, соборный призо-
вывает ее востановить отлившие. Вот отсюда
стало ясно отсюда, но менши сова
Винз Нин

Молчи
Молчи

тут же еще и протек и бродил Марци, как
~~мать~~
~~мать~~, которого восторженно прогнали через
ворота, товарищи:

Да, протек. Да, милая охоту протек.

Но он не отбьтись протек. Хотъ
он и рывит, в утробу Риму отпроситъ
гестуи гордости и позволитъ въ себя
поселиться души развратницы (когда
он это говорил — патриции не одобряли),
хотъ он

Всѣ присоединяются къ просвѣтъ ~~Восток~~
ни, ^{живый языкъ} ~~живый языкъ~~ на своей матеръ. Ариппа

мало вставляетъ среднюю слава изъ
которыхъ особенно характерна эти
маленькая реплика аристократа:

„Одна Гарачи покорная“ (only fair speech)

на которую Коммис, тѣсно что вернув
шийся площадь и возвѣстивши,
что „все возстало“ отвѣчаетъ.

Конечно, она помочетъ,
если онъ согласенъ сказать се.

Мужчины, патриции чувствуютъ, что
ихъ дело не чисто и чужихъ праведни
убождеи не хватаетъ, ~~и~~ отъ нихъ не
скрывается трещина ихъ „праведной“
системы. Но Волупий читаетъ по наме-
зису, вооруженная двойная авторите-
тоне матери и патрона.

Онъ долженъ — стало-бытъ

Се онъ знаетъ.

Короче сказать протестуетъ, но чувству-
етъ, что не въ силахъ справиться со всеми
и соглашается идти на площадь при-
нести эту „fair speech“. Мать остав-

лечить свое строго с достоинством и так же
 общается ему за этот подвиг
 (новых похвал, кто) хвалит его больше
 чем всегда — но ~~снова~~ Корнелиус не
 чувствует его славы, которой он так
 дорожил бы обанковенно. Все ~~еще~~ впрямую
 только робко слушают его, что он,
 еще прежде, чем пойти доложить вика-
 рию все, чем полно сердце, и что ^{он} ~~он~~ ~~потом~~
~~ах~~ слышит теперь патрициев
 то, чего еще не говорили себе в школе
 и ~~так~~ он сказал советом: мощью своего
 необузданного красноречия — и тогда
 патриций молчаливо вступил за него.

В так, именно
 — похвал и похвал

186

Снова снова была Волутиус рождался
 откликать на эти страстные слова.
 Все знают, что он не о себе, а о патри-
 ции говорит, ибо если бы он за рече,
 то он скорее дал бы стереть во прах
 и разбросать по ветру фориз Марция,
 чем позволить бы себе впадать в
 ленивое прощание утрат, но он прези-
 рает. Но Волутиус, как впрямь в прин-
 ципе патрицианского Рима, как как
 лика в пану и в невинности свои
 вера может гордо откликать ему
 и называть его непокорность управителю.

Сила авторитета матери побуждает
 и Корнелиус в патрицианском и ~~Мененіи~~
 идет на площадь. Мененіи напоми-
 нает ему, что рече доведена брат
 „кратко“.

Да, кратко. Да и им отбою кратко,
 ирок носит Корнелиус и все удачно так.

Либо патриции поначалу боялись, что последен
 права и сознательно расширили на права,
 либо бились бы из несправедливости, когда захотели
 есть и захотели бы не расписки, чтобы истра-
 тили все свои силы. Т.е. они либо перестали
 бы презирать плебеов, ~~а тогда~~ либо поджи-
 нили себя „бунтовщиками“, как того требу-
 ет Марций, либо сами погибли бы, но не
 существовали бы в рабочем состоянии пред-
 тники, кто презирают всеми силами
 души. Если плебеов это так करता
 чужие „своих“, „освещает“ — то высший позор
 поруганности или. Напротив, в своем
 судя над Корiolаном, это очевидность
 принципа сущности патрициев из плебем
 сразу сказывается. Трибуна освобождала
 Марция, за что он „уничтожил“ разом
 все мудрое постановление Рима (оно предла-
 гает отменить у народа трибунов и т.д.) и зман-
 ников отменить. Очевидно, что, если плебе-
 римские, то трибуна права. Но где патри-
 ции и Корiolана — плебеи своего, — как бы-ва
 образом лучший покровитель из за того, что
 он посмел и на правах китовской изгн
 возникли обороты, может быть извон
 или никаких. Корiolан, у которого эти
 самые бедные из всех граждан были,
 какие знали римские, почувствовали, что
 это столько сглававшая для Рима, захватив
 в Риме своей трибуны, которая барда
 погубила или же для наболевших людей,
 счастие так оскорблено — не может и не
 считает нужным сдержать себя. Взяв
 так ищет в этом рабочем состоянии

[illegible]

въ томъ, что бы не дать въйти на свѣтъ
 неспокойному готтуну правдо. Писать про-
 зать какою, патриции - и Геліо Рина,
 мать катехизисомъ всего преданія и соборамъ.
 ней стоишь душой душистой любовью, но все
 это развѣстается въ правъ предъ потреб-
 ностью вольно даются въ военной странѣ.
 Марцій не поистинитъ готтуну за труды -
 Геліо и толкуну за право мѣтотъ чести и
 своей чести и принои душой порветъ отъ
 удобной и приспособленной традиціонной
 нравственности. Въ изгнани, по угодитъ,
 презираю враговъ своихъ, которо не истаритъ
 нѣкогда торжествуетъ ^{любящаго} ^{вирвен} ~~отъ~~ ~~мощности~~
 торжества ~~крикнути~~ оставившимъ въ торжествѣ - вѣнчъ не только побѣды, какъ полагали Р. -
 сказать въ эту страну иую речею свою, стужа-
 щую, какъ проклятіе пророки. "I vanth
 you!" Въ немъ изгнаніе - а не они его.

Востанъ подианъ сунъ.

остъ миръ и кровъ Рина.

Вотъ какъ уходитъ Марцій - не какъ врагъ
 побѣды, возставшии противъ ихъ ~~требован-~~
 желаній ~~требован~~ получить иую фактотокни
 похода изъ амбаровъ по богатствъ. Во востанъ
 своскоростный политики ~~бѣж~~ патриціевъ
 ану отъла ктотъ. Въ не видитъ ихъ лжи,
 какъ не видитъ ^{тѣмъ} правдо плбевъ, оиз, возросши
 въ прибожанъ патриціата и не знающа
 нучуа бѣднѣжамъ. Но не соепокине предраз-
 судки привели его къ странной борьбѣ, которую
 съ такими великими ^{искусствомъ} ^{изобразилъ} ~~мастерствомъ~~ ~~передалъ~~
 Мексиканъ, съ илюз, болше глубинъ и осмис-
 ления побужденія. ^{гетимиски} ~~Великій~~ ~~путь~~, съ пораженіемъ
 нѣмъ матерствомъ ~~вирвен~~ ~~любимому~~ ~~уединенію~~

[illegible]

Теперь мы переходим ко второй части трагедии. ^{изысканной} Корюлан, все полно мучения и гнева, думает лишь о своем мщении. И ~~он~~, пренебрегая опасностями, идет на встречу врагу своему, Аврелию в ^{Анций} тот же город, который он наполнил вдовами. Если бы он только узнал, говорит он, то не пошел бы на эту гибель. Но он не знает. Там размахивает Корюлан еще недавно с торжеством говоривший своей женой, что в Корюлане плачу ^{и сына} матерей. Гитавз и те волею! Это само по себе порождает приносимая от них жертва: все друзья стали ему врагами, враги, не зная от ~~того~~ ^{того} ~~паче~~ ^{паче} ~~его~~ ^{его} ~~жестокости~~ ^{жестокости} и кровавых погромов и ~~каждый~~ ^{каждый} ~~покою~~ ^{покою} — ~~стали~~ ^{стали} ~~его~~ ^{его} ~~врагами~~ ^{врагами} и „своими“

Я Ринк возненавидел,

Я этот браконский город полюбил!

Возненавидел Ринк, ибо он не вознара-

учил "нигилистам" по заслугам!

Полюбил Анцугин, ибо - здоров ты, который
помогает наказывать неправых отечество!

Но где же ты скромность, который не

хотел ни в сенате, ни на полях брани

слушать похвал себе, где ты любви эгоизма,

которая тебя глубоко окорбляет, когда

трибуны произнесли слово "нигилизм"?!
192

Там же эти добродетели питались и

благими (и почестями, и выгодами с ними)

и когда снами сеголов сивоча парад

и почестей, то врываясь в серую и скром-

ность и патриотизм? Из сердца этого

великого Марцин, который, ^{был} ~~не был~~ ^{был} ~~такой~~

чуждым и влюбил, любви и свободе и неа-

востом своим чуждым и чуждым столь любимым

морям, что сжечь угрозы позора и смерти не

могли далее повредить в нем мысли о том,

что лучше и чуждым! Это же знаменит

скромность и патриотизм в чуждых дружин

религиозных, если лучший из них не может устоять

против первую серьезную испытания и даже

всю гордость и идею руководит той силой,

которую до сих пор правил Ринк, в чуждых руках

была и сила и сила Марцин. Мучарха

все это от попыток на счет того, что Корислав

не достаточно поворачивал вилку музот.

недостаточно отключивался. Но этот любил

заключить в душу человека, чуждым и чуждым.

Финанс и коммунистический чуждым и презрением.

Россию, а в то время всякий человек со патри-
стическими и либеральными, и Меншикова живого
мощью и прекрасен. Во чувствительности в кони-
дроме слова его, ~~то~~ тот же человек, и то
тот же человек в то время оно и ~~было~~ ^{печаль}
вечная сила это красноречия, незнающего
и русской руки учителя, пылкость всех
(~~ранее тогда когда~~) тот же человек, что же раз-
бить расходится со всеми. Во видите, что
эта сила основана, что стихий, ~~востанов~~
во всем своем безграничном могуществе,
соединилась с лучшими человеческими
чувствами, чтобы воздвигнуть борьбу
против тьмы и рабского подчинения, и во
преклоняется перед Марцием героем, не-
тот же, который в то время огонь в городе
вспыхнул, чтобы убивать людей - а тот же,
который огонь изгнал в то же время,
что отстоять человеческое достоинство.
Все тот же дух ^{является во} ~~этом~~ ^{этом} ~~рабстве~~ -
по истинно человеческой своей силе и глубине
содержания, ~~тогда как~~ ~~относительно~~ ~~пер-~~
~~воначалу Меншиковского творчества, и Марций~~
ибо во всем властвует перед нами Кор-
виан не герой Рима, а герой человечества.
Как прежде, когда он громким победо-
носием и рубил воях своих мечом, но
победил он победил не на эту грозную
убивающую силу, так теперь мог
он победить, что эта сила побед-
ла окончательно, человеческие направления -
наше удивление переходит в восторг.
Меншиков в Марций, не знавший музыка,
увидеть то что воспитанная музыка
и римская сила, как на в то же время
взят достойное проявление. Ибо римские
ученики, в то же время и не почитали

Если бы он чувствовал, что „virtus“ есть
высшая добродетель, то прозвище Корiolана
удовлетворило бы его и в изгнании, кото-
рое он не побоялся, когда нужно было
не в виду награды, а в виду позора — пойти
против злой черни и трусливых патри-
циев, во имя той правды, которую сам
Волуций — глава новой всенародной судьи —
осудила как преступление и гордость. Тогда
он ^{свое} „I vanis est“ „он повторил бы
и в изгнании. Но ему этого мало. Рим
принимает его давая ход своей силе и
не научил его, чему должна служить
она. Он сам понял глубокий смысл
и значение свободы и ради него пошел
против всех. А теперь уже Рим имеет
уже понятие о патристичности и скром-
ности, которые вознаграждаются пуб-
личными почестями и высокими обществен-
ными должностями. Могли ли эти слова,
когда он был отпущен с санкции —
награда, сдержать чувство мести?

И вся сила Марция обратилась против
Рима. Теперь римляне будут прокляты
^{пред} ~~в~~ ^{всем} ~~против~~ в крови, а во всем от вое-
торгов и приватных его славой и разна-
зак о его военных подвигах.

В битве и последнем сражении — Корьо-
лан под стенами Рима. Все граци-
не-и патриции и плебеи — перетрусили и
собрисенно потеряли голову. Комитий хо-
дил к Корьолану, но тот далсе не отоз-
вался ^{на предложение} ~~сказать~~ ^{сказать}, что уже не имеет
никого имени, пока он не выкует
себя самого прозванием в горнице Рима.
На площади соборной — обжигают,

194 § XXI

что предпринять, но больше препираются
 друг с другом. Патриции вальт вину
 на народ, народ — на трибуна. И — кроме
 боязни — ничего незаметно во всем
 населении Рима. Никто не произнес
 ни одного ксенофобического слова по адресу
 Марция, слабо так оно и должно быть,
 чтобы патриотизм и промисль, не
 получивши вознаграждения, могли обра-
 титься в непримиримую вражду противника
 особенно отличаясь Менций, который
 находит образ д'Астия ^{Марция} ~~Соберменно~~
 правильным и, слушая рассказ Коми-
 ний об угрозах Корнелия, то подражи-
 вает отсутствующему, то одобряет
 подробно его слова. Но, в конце концов,
 Менций сам — все отправляется к Корнелию
 заступничать за „плотную, мякнущую куку“, как
 называет Марций свой Рим. Его ко-
 тайство не приносит никакого результа-
 та и наконец ртомалотар на последнее
 средство — послать к нему Волуний,
 Виргиний с маленькими Марциями. И что не
 считая Рима, к чему не подвигнут патри-
 отизм его как Марция, скажу и тогда
 с копьями востру несправитесь — как гово-
 рили про него когда-то воинов, то сегодня
 женщина, мать. Одно появление сего
 приводит Корнелия в удивление. Снова
~~Виргиний~~ ^{Виргиний} ~~теперичарно~~ ^{ой} ~~фронт~~ ^и, которая прикра-
 сает ~~дучу~~ ^{дучу} Марция, назавшуюсь недос-
 тупной ~~лучше~~ ^{лучше} ~~чего~~ ^{чего} ~~встречки~~ ^{встречки} ~~чувства~~ ^{чувства},
 Менспирь снова Менспирь сразу спускает
 перед ~~наки~~ ^{и Марция} ~~туч~~ ^и ~~этра~~ ^и ~~нну~~ ^и ~~фронт~~ ^и, ~~падо~~ ^и ~~нот~~ ^и.
~~Или~~ ^{или} ~~на~~ ^{на} ~~ка~~ ^{ка} ~~же~~ ^{же} ~~та~~ ^{та}, ~~ка~~ ^{ка} ~~зав~~ ^{зав} ~~ос~~ ^{ос} ~~в~~ ^в ~~е~~ ^е ~~н~~ ^н ~~и~~ ^и ~~с~~ ^с ~~о~~ ^о ~~с~~ ^с ~~т~~ ^т ~~а~~ ^а
 имеет самую сущность Марция и обтакает

[illegible]

Домини, Ауринна приносили пидас
 „голоса“ — и Марций отказался гово-
 ритъ съ ними. Какъ римлянинъ можешь
 быть голымъ своему врагу? И, если этотъ
 врагъ отчужден, то какъ можешь онъ
 быть съ обязанъ, особенно посылъ твои
 дома она почтила съ заслуги — изне-
 жденъ. На мнѣнъ Марций болѣе слабый
 человекъ уже давнѣе спасенъ бы предъ
 разбой въ кикладъ предъ кикладъ, гол-
 осей, какъ и предъ опасностью бытъ
 разтерзанъ толпой, взвѣтъ упо-
 ра матери. И потому-то, кажется
 такъ, „голоса“ повторяется въ немъ
 приключимости и болѣзнями людей.
 Советны слабѣе твое пархало тѣ гол-
 осей, но стѣнливо и въ тѣхъ, что въ немъ
 не видѣтъ. Волупий же вѣще этотъ
 дѣлѣтъ Рима никто не знаетъ и
 въ этомъ сѣкла. Но у Коріолана его
 сила глубже. Если бы онъ чинилъ че-
 нитъ Римъ, если бы ~~даже~~ не Римъ
 возмѣтилъ въ немъ такую любовь
 къ себѣ, которая была у него къ свободѣ,
 къ честнѣ, если бы въ отчужденъ Марций
 не прѣучили видѣтъ въ нѣхъ неправед-
 ливамъ и тѣрпѣвающимъ людей, то онъ не
 когда не сталъ бы въ противорѣчѣ
 съ этимъ „голосомъ“. Разъ-не проти-
 ворясь живности — Марций чинилъ
 восторгаться надъ привакою.
 Истинной патристичности коренится
 въ глубокой правотѣ связи съ ро-
 дилою, а этого у римлянъ не могло бытъ.

да предъ Марцией и даже честности,
 но ограниченности Коккией и предъ
 опасностью Волупцией. Но Марций
 это коня и когда не танцевал
 него вбѣгъта, когда убогился, что
 нужно было столько подмывать сукъ,
 секрет иную югу — пошелъ на Римъ.
 Это преступление не Марция, а Рима,
 который хотѣлъ воспитать и
 воспитать поклоніе людей, и на-
 шихъ посредствомъ патриотизма
 безсмертія. Въ Марцій онъ живетъ
 еще въ ту отдаленную эпоху сурь-
 вѣхъ правды уже сказана, и до
 онъ стѣны въ столько искинута
 насъ положеніи, когда патриотизмъ
 измѣнѣется. Но потомъ — все
 Римляне, при первыхъ соблазнахъ
 силъ или патриотизма болѣе удоб-
 ности для новаго времени чувствовали
 и при Цезарѣ Катонъ уже былъ
 предметомъ насмѣшекъ. Тутъ Римъ,
 который ^{видимъ} ~~создалъ~~ свой идеалъ въ содѣлать
 и торжествъ, который и началъ за безсмертіемъ
 въ исторіи, не могъ устоять, ~~противъ~~
 когда вѣнчаны слава явились болѣе
 непосредственно насъ ослѣпленіи. Ибо-
 потому и у Менелая Марцій честву-
 ется не предъ „домомъ“ который принесетъ
 материю и опасной, а же предъ Римомъ,
 а предъ своей семьей. Эта семья, которую
^{люди} ~~видѣть~~ и нежно любить засталъ
 ласке его отказавшись отъ земли, что въ
 самому пойти на смерть. Все таки
 матери на бѣгѣ съцовъ, на судѣ исторіи —
 не гнѣтуютъ на Марцій, Развалина родилъ

которыми Волчинъ хотѣлъ разжаловатъ
сына — ничто ему не говоритъ. Ибо развалина
самъ по себѣ ему нестрашна, ему который училъ
подъ ^{при} торжественнѣйш^е столбикомъ разѣ удос-
тоивался вѣщими похвалъ въ свои разруши-
тельные подвиж^и. А, родное^е — римские дѣла не
стали надъ нимъ сунуть. Муза Плу^тарховскіе
ему бы не помани, ибо какъ бы образокъ
они превратили стѣну сунуть — въ людей, а на-
учили бы Марціа страшнѣе развалитъ?
Плу^тъ загадка порадо^е любясе и Менспиръ
уничтожитъ се водвигнутъ. Марціа рождался,
впитавшій въ себя римскіе понятія не
допускалъ бытъ иначе поступитъ. Въ не-
мощь сичонитъ предъ пустотѣ словесъ
„^его^ежентъ“, и ежесекунда была возможность
его напоски^т. Какимъ нибудь содирежа-
ніемъ. И онъ, не уступившій Риму — усту-
паетъ матери и семье. „^ематъ^е всенди-
цаетъ онъ.

Всѣмъ намъ, что сдѣлали ты съ нами?
Взгляни: разсѣлось небо, сами боги
На эту небывалую картину
Взглядѣть не великиихъ ангеловъ. Врожден!
Для счастья Рима побѣдила ты,
Для сана-иже побѣда мнѣ, в побѣдѣ мнѣ-
Ужасна ты побѣда: можешь бить
Въ ней скрывать смерть.
Тутъ опитъ прѣдъ нами тотъ
Марцій, которая на видѣни съ тресто-
емъ гдѣ-то въ. Въ вѣрѣ самому себѣ.
Ты, что онъ чувствуетъ, то, что онъ го-
рохитѣ, вѣтъ гдѣ-то подвигаетъ
его на самую страшную рѣшитель.
Если бы онъ уступилъ Риму, что бы-

жизни суда и истории, если бы в нем, было
 сильное поклонение перед Римом и всему
 что связано с ним, если бы оно возманило против,
 родится даже и тогда, когда сгинули и
 анимой души, то оно не могло бы возманило
 против, "всех", когда его учили славоват
 униженностью политикой вменяемости училась,
 политикой, санкционированной властью пред-
 ним. Этой Марций, если бы он воспитался
 иначе, если бы он его учили любить Рим, как
 любить мать, не за награду, но за хвощ,
 ему так же не пришло бы в голову
 сдвинуться с воеводами против отсчета,
 как не пришло бы в голову истинно ма-
 тери, если бы даже она была бы к нему
 несправедлива, в такой же степени, как и
 римская церковь. Но между Римом и его
 сеньорами связь была внутренней. Она была
 достаточно сильна, чтобы приобщать к сло-
 вам давать ему волю, готовить во имя
 славы, а сама современность и история идти
 на канис уродно подвиж. Но, эти все воля,
 когда перепелится почастей исчезали обра-
 щались против Рима — но учили заботит
 лиценс и идти на смертельную матери. Но
 грубой внешней оболочкой, в не знающих Муч
 Марций Кутарх не учил найти творческой,
 теологической души. Для него все трагедия Нор-
 она обратилась в историю тарана, ружье-
 мии до того пор с тобой, пока не разрушили
 его самого. У Меншира-не Нориса, ослеплен-
 ный предразсудками ^и сложными воспитанием,
 ищет собственных путей — и потому
 становится героем. Его преступление, его
 возмущение против родины не сводится

стбунъ о случайности человеческого истребл,
а о непрерывномъ стремлении людей къ отом-
щению покаян путей. Коріоланъ — жертва,
а победитель. Победитель даже въ ту же
минуту, когда онъ произноситъ предъ матерью
эти слова „можешь быть вѣнчанъ сиротой
смерти“. У Шекспира, ~~еще~~ пробъ обстоятель-
ства пробиваютъ брешь въ героическомъ пан-
цире этого бродяща-человѣка — лири-
зама и потому, чтобы Коріоланъ слу-
жилъ Риму не руками, а вѣнчанъ существомъ
своимъ, чтобы онъ побѣждалъ не вольново-
ю римскую власть. И, если сравнить Марцуса
въ первомъ дѣйствіи, когда онъ ищетъ
римской чести, чтобы вѣнчанъ навалитъ руку
членовъ съ гару волынкой или того-изе,
Коріолана, убивающаго вольсково и рабу-
ющаго на лагерномъ полѣ — съ Коріо-
ланомъ послѣднихъ дѣйствій возстающа-
го противъ патриціата за его личную,
своекористную политику, отъ называющаго
раба матери отъ мученика и затѣмъ
порабощающаго подъ мечомъ вольсково опять
лицу потому, что онъ не ~~мощенъ~~ позво-
ляетъ ~~себѣ~~ итти себѣ подъ давлѣніемъ
обстоятельствъ, слагать трагедіи стѣклобиты
исень и смерти ~~перен~~ Коріолана не гнететъ
насъ, какъ она не гнетена. Наоборотъ спортъ
какъ заключеніе осмысленнаго душев-
наго процесса, на нашихъ глазахъ превраще-
нанъ полнѣйшій трагизмъ — въ ~~человѣка~~ герою
возбуждающаю Римъ и всему человечеству —
какъ нужно жить, того нужно и знать

в жизни, примирить нас, дань откровения
 свое. Они обычно думают, что Мексипер при-
 носит этот примиряющий элемент
 во исполнение этих чужих законов
 возвышенности и возвышенности в драме.
 Подобно тому, как Аристотелевская
 поэтика была неизвестна гениальному
 художнику, так и все теоретические размыш-
 ления о возвышенности, патетическом в драме,
 были далеки от Мексипера. Не в угоду
 теоретическим требованиям построения
 пьесы. Наоборот, эти требования могут
 и довольно строиться на основании резуль-
 татов поэтического творчества. Если
 Мексипер осмысливает трагедию, то не
 потому, что бы примирить зрителя,
 а потому что он имеет особый вид на
 в трагедии. Понимая, слог за мнимой
 Корюланой, могу сказать из нее много
 нравственных уроков и принципов при-
 нять, что были, создавшие Корюлану трагед-
 ность потому что знаменито за то, что он
 не был ~~человеком~~ Аристидом. Но Мексипер
 видит, что трагедия Марция пробуждает
 в нем лучшие чувства, приближает его
 к Аристиду и является для него самым
 неосознанной назою за преступление,
 совершенное им потому лишь, что он
 не был с рождением так же всеобщим
 геном, как могут философы, а необходимыми
 процессами развития. Мы подготавливаем
 эти обстоятельства, что бы уже отсюда
 быть источником мексиперского миропонимания

Что несамоодовольствующий реализм, не ске-
тицизм с его действительностью. Это не
предразсудок о во мировой гармонии. Это
законы, скрытый от нас и от науки
новой критики полагает, что „случай“
ведет людей к безумию, преступлению
и смерти. Мы видим лишь поверхность
явлений и не в силах проникнуть
до той глубины, где таит мощь
божьих видя корни, из которых вырос-
тают хеловеческая судьба. Меланхолия
и видя. И безосновательная, жестокая
трагедия Корольона получает для него
условием понятной смерти. По сути
„случай“, который является для современ-
ного ^{чужака} ~~чужаком~~ корольона в своем законе
„пришла и умерла“ — у Шекспира это
является закон и для внутреннего мира.
И этот закон возмущает не детскую
потребность в нравственном парке, не
желание посредства поэзии воста-
вить людей вобьих утрат действительности,
а глубинный, вневременной
из готической Шекспира лишь всичаи-
шему темноте сдерживающей, убавля-
ющей, что так именно и происходит
в действительности. Все-таки, что разна-
жает Бранден в стихах Шекспира,
всю неадекватность точной, вристократиче-
ских тенденций, запахов, похоти-
ний поубогаи и пр. все это
„научный соображения“ пока являются
лишь, как много многого и критиче-
ские в том, что сообра-

материала для конусовенного изобра-
жения Шекспира и как мало думали мы
о его произведении. Ибо всего его предпо-
жений в сказывали уже посетно сего
как разности критика. Дава и поэты
в связи с северного запада на Шекспира
и новость? Но, общеповество критики
всего того рода предположений в сказа-
вали многообразие, от фовом до фовом традиции
требовали и некоторого прописи повети
вздуши писателя. Но все их вникании
было обращено на самую повесть, в которую
они думали видеть не зависимо от того,
каким образом, по как и как, побуждали
Шекспира. Брандес. еще заранее уве-
рен, что кроме ирижи, по года ^{государств} (настро-
ения, как в Шекспира писало не найдено -
и показывает, что это он видит оттого,
что больше понимает, а не от того, что
ему в утробе оставалась не зависящая работа
разрисовывать про бедности и рабских
униженных от "Тына", случаи" и,
в этом общему вопросу о Шекспире
мы еще вернемся. Теперь же перейдем
к величайшему из всех, когда либо
написанных литературных произве-
ний, из королю Лир.

И сразу, при разборах других повес - думая
Заметка - еще критика "Брандеса не называ-
лась ^{неприрод-} безсодержательной и беззвонной;

же много найдено у Криса...

§ XXII

202

Нахъ при его попыткѣ обличить Дира.

И это неслучайность. Въ немъ глубже и

многостороннее поэтическое произведение,

къ которому оно захватываетъ жизнь,

тѣмъ меньше пригодна для его облич-

ненія тѣхъ пріемовъ, которыми пользуется

научная критика¹ вообще. Мнѣ же Дири

почти мимусомъ и сплывающаго къ концу.

чужды, зрѣть, яркое пароксизмическое изъ-

твеніе² не смущаетъ душу критика:

инстинкты истиннаго ученаго правильно

показали ему самый удобный способъ

разрѣшенія труднаго вопроса. Брандес

же, въ качествѣ протеста, не чувству-

етъ трудности и надеется, что для

всего рода „изъясненій“ можно почти

поухоронить слова и сравненія и исполнить

такими образомъ всю, взятую на себя

задачу. „Въ Дири, говоритъ³ ~~онъ~~ ^{мнѣ} Миссирэ.

измѣряетъ всю бездну ужаснаго, и при

этомъ зрѣлищѣ у него не закрываются 633

голова и душа его не испытываютъ ни страха,

ни слабости. ~~Мнѣ~~ ^{мнѣ} называется голова

о Дири. Когда стоишь на пороге этого

произведения, тебе охватываетъ крѣпко

вроде благоговѣнія, чувство подобное

тому, которое ^{бы} ~~тебя~~ ^{испытываетъ} охватываетъ,

когда ~~онъ~~ ^{онъ} переступаетъ порогъ сикстинской

написанъ съ пладункой иконою Микеллѣ

Анджело. Только чувства зрѣныя гораздо

богаче и ярче, призывъ горчѣе и острее, и

гармонія ^{совершенно} ~~иначе~~ ^{иначе} претворяется

гигантскими звуками отчаянія. ¹¹

И ты отъ этой ^{исполненной} ~~исполненной~~ ^{жизни} предположишь

[illegible]

Инспектор Бача очень щедрый человек, Бача, подобно облаку Шелли, «ей ешідес Девел», и кто может сомневаться, что за его щедрость ему платили, самоотверженной неблагодарностью? «Тут же как-то «ей ешідес Девел» не очень гармонично с проектами, откупом, закупками вещей, которые ешідес платили, «ей ешідес ешідес», если все они есть уже необходимые. Но для гипотезы можно забыть проект, ибо, если гипотеза будет, то как получить их, все остальное станет ясно само собой. «Мы видим, как при этом продвигается проект, что должно, он величествен до этой поры произведение Бача, восторг ^{тот} нападения или, как мы это выражаем ~~мы~~, Бача (//), наивысшим образом, мы можем и ешідес, страшно и крепко ^{сравнительно} с другой меньшей похвалой. Мы же свое видение при театре. Мы можем догадаться, если и не знаем, что товарищ ~~его~~, который вид похвалы, театральные похвалы, которые удивлялись ему и вавилонянам, которые вид воспитатель для которых вид Бача Буховина отсюда, старые — которые вид протививать руку похвалы, похвалы — за похвалы вид воступания, отсюда оторвались от него, отсюда отрывались от него. И наконец новая неблагодарность была ударами для его души и Буховина ~~его~~ отсюда отрывались свои рождество, сдерживали его, задерживали от

во своей душе. Но изъ всяких пороков —
 она поны болше всего печал и грусть и бола-
 гопроисшеств, ибо она думала что духовно
 блажен и не из пагубных. — Очень тонкая
 догадка, что на второй кста и было и
 Шибичне а прощит и правит. „Силою, как ут вьрощаюти
 и говорит древне писатели, и имеют свойство
 скарать. “ говорит Фальстаг и то же — скар-
 ается. Этой подкрепитъ гипотезу
 потому, что пьеса, именуемая своей ^и ~~тем~~ ^{написана по поводу} ~~неблагодарности~~
 ея кста не была благодарств дотей, Бран-
 деса ^{догадывается} ~~предполагает~~, что Менсхирт испя-
 тилъ эту благодарств и началъ
 о ней говорить паре — пока не рассказывалъ.
 Но не въ этомъ, конечно, дело. Эти запис-
 чики и живутъ ввиду лица показывать,
 какъ вообще неужели эти догадки, ко-
 нитъ въ общемъ сами собою разумныи.
 Кто не испытывалъ неблагодарности?
 И ищетъ ли счастья, ваянъ в пьесе
 писателя, на поминать, что ему въ свое
 время приходилось испытать на себѣ,
 что значить получать за добро зло.
 Но скажутъ, что это патетично по Денспира
 на Одира — значить прощитъ и не
 поминать. Вначеніи этой пьесы. Зна-
 чить, эти цитированные нами запис-
 чики Брандеса о томъ, что въ Одира
~~передана~~ и измѣрена все пропасть чуждоби-
 на писано и не иже потому что все такъ
 писано, а ему самому оно ничего не го-
 воритъ. Ибо, ~~там~~ ^{там} ~~буду~~ что такъ с не благо-
 дарности сравнительно и со всеми чуждоби-

жизни? Разве Лирь изложил Некта,
которой случилось ему есть по моему
^{тогда} и да то, что он хотел бы
оказать лучшую услугу. И тем не
менее Нект, под ^{переговорами душой} орудием простоло-
дина, возвращается к своему коро-
лю! Но для Брандеса „чужая жизнь“
и ее вопроса, не смотря на то, что
он знает много слов, но торопясь
их обрешивать, много предикатом,
для этого субъекта, произительно
ничего не значить. И для ^{него же} ~~того же~~
вопроса получающие ответы, а видя, и рожа,
требуящие лишь описаний. Лирь,
говорит он „несколько трагедий
героической жизни; и в них дохо-
дит к самым крайностям, как
насилие, где требуются и 638
отчаянно являющиеся голоса“. И
возвала у Шекспира эта трагедия
неблагодарности и зависти охотницы,
которым между прочим помню,
но Брандесу много денег не добавит.
„Шекспир коварнее не прилагавший,
забывает критики, и тем же художествен-
ными натурами, которые, если у них
есть что сказать, и сроду раздают
рецензии и благодарственные письма
в безнравственных истолкованиях. Интерпрети- 635-
и ~~до~~ особый грех, он собирает
и пишет“. Поэтичному, ^{Николай Сахаров} ~~поэтическому~~
художеству Болю Бо, ~~что~~ ^{и во время}

[illegible]

которой состоит в том, что
~~были бы~~ ~~мелкие~~ подосхают божьи
или мелкие разнообразные ~~пред~~ ти-
тета для классификации ивлений.
Случай варикли предполагается,
задача же литературы ~~в~~ разная
времени ~~сама~~ разная, как и образцы
написавшего его, то в траурной, то
в праздничной, то просто в буднич-
ной одежде. ~~Меншиков~~ ~~канализирует~~
повторение, Брандесу отлично известно,
какие вопросы возникали перед Менши-
ровым, когда он писал своего Лира,
ибо тогда это была вся Меншиковский критика
непрерывно тонула, стараясь вальсировать
смысл этого величественного произведения.
Он знает, что поэт наполнит свои
граммы и такими чувствами, как и в туркесах
со временем своей первой юности (Митя
Андрухи) и не боится даже допустить
на сцене возвращение глаз. "Но, что значит
это? В итоге чувства Митя Андрухи
кажутся нам неуместными и тусклыми,
и в картах Лира попытке актеров сделать разницу между
(спаси ^{от смерти} Кардесин) ~~возвращают~~ самые ин-
тересные моменты, хотя ничего не имеют
быть чувства, что эта случайная,
неожиданная - неуместная, неподходящая,
смерть лучшей из женщин на глазах
у ^{отца} ~~старика~~ ~~и~~ ~~бывшего~~ ~~василиса~~
этого ~~чувства~~ ~~появки~~. Брандес, по-
скольку ^и ~~знал~~ Меншикова, без сомнения
хотел бы показать, как она вышла
и как все идет на свете, и как

205

641.

ваше писем. Никогда еще Меншиков и 64,
противоставили так друг другу добро
и зло, доброту и злость людей, и хотя еще
нерисованы эти моменты из взаимного борзбу,
и никто еще не проявил от таково открыв-
шения из обильной, изобильной повество-
вательности развлекать: победит добро над
Злом. Служащий и истинная судьба ужи-
тосаеет в конце концов к доброту так
и злая". Манов - то значение, маной
аналог придает Брандес Лире. Служащий
судьба "поспорит встать над людьми и,
так все идет на свист". И говори-
т: - Меншиков не дрогнул, его душа не
испытала страха. И души критико-
твора встает встает все бездух утешаю-
и точнее держится крестик. И он уже говорил
в замечании в замечании, что знаменитые
похвала бога геройства, что это за люди,
которые рассказывают, что видели
голову Медузы - и не окаяны, а только
охраняли или твоя, что записали
примечания, что от потомки или то мате-
риаль для литературы. Теперь скажи
еще раз. Вот странички ^{выражений} слова, которые
собрали критик в главе о Лире - побор
слова, которые не имеют в глазах
из автора никакого значения. И это-
считается самым, наиболее примечательным
но с точки зрения ^{литературной} видения. Он
хочет писать, как все и как можно
повесть. И ввиду всего этого, он говорит
такие вещи, о реальном значении кото-
рых он не имеет никакого пред-

ставлений вы очевидно понимаете, что
это литература — колбасировать
прикаты, употребительные теории и
гипотезы. Иначе — такая неясность
была бы невозможна. Представьте
себе слова Брандеса не в книге,
а в жизни. Не вам приложить го-
ловы и заглянуть, что он при-
едет вояка при том, как на глазах
у Шварцбургского старика повисли сво-
любивую дочь, благоухающую и не вы-
пьющее существо и затронут добле-
стью, и, что до меня — тогда и не
пропустил. Слово судьба и т.д. "Что
подумаете вы про такого человека?
Но не поверите ему, не поверите
тому, что он видел эту сцену или
скажете слышать о Лире, что
ему нужно вернуть сердце и помыс-
лать, не кроется ли крик в
его способности в природе. Но вы
верните всего будет, если вы слышите, что все это — выдумка, и т.д.
Что вы ничего не видите и ^{разрешаете вам только сказку, которая} ~~знаете~~ ^{которую}
о Кордэи ~~только вы и знаете~~, но
на самом деле. Эти — и поговорки о Бран-
десе, и вся научная критика
Кордэи они не знают, не видят.
Ужаса жизни, ~~но~~ ^{но} как и ее свет-
лая сторона известна как как
прикаты, соответствующие известным
словам, прикаты в книгах. Медведь
вы не видите, а по картинкам
кузнца Вануса, ^{но} ~~которая~~ ^{она} —

глаголющих, — они судят о своем
красноречии и силе.

207

Простодушие титров за трагедией Лира
и поэматичности, вероятно не прозвучит,
если она будет „сильной судьба“.

← начало XIII

212

Первая сцена 1го действия Лира вазавати
ней больше всего нападков со стороны
критиков. Ретте называет ее безнача-
ленной. Брандес приводит к ней, в том же,
которые считают эту сцену нецелесоу-
днотворной, в введении к ней никакой
разумной мотивировки образа действия
Короля, но Мендери перенял его у Лангмю-
на, прекрасней драмы со свойственной ему

640

суверенным пренебрежением и равнодушием
ко всему несущественному. Это „суверен-
ное равнодушие“, как и все „суверенное“
свойства Мендери уже давно и пот-
ребно и критиками до во время того
случая, когда кто-то больше подмечал
их ввиду обличения и Брандес мог сопо-
нойной совестью повторить все вы-
да другими эти слова. Но нам не
кажется, что Лир — в таком роде оправ-
дания не нуждается. Первая сцена, как
и вся сцена этого великого произведе-
ния полна глубокого смысла. В ней,
наконец она и коротка, предъ нами
сразу обрисовывается Лир во все-
полноте своего могущества и необуздан-
ного характера. Ему 80 лет, он
устал от забот трудной царской
власти и хочет без пощипки на плече
также плестись к гробу, и поэтому
решился осуществить свой давниш-
ний замысел — раздать все свои

дочери не вое царство. Но прелесть, чья
при, награждает — дурь полагает, что
онъ награждает, хотя онъ только
снимает, какъ онъ сейчасъ самъ сказалъ,
и себя поки — но прелесть, чья награде-
дуетъ, онъ желаетъ утѣшиться отъ
дѣтей своихъ, насколько они любятъ
его, ибо, очевидно ему, награда должна
соотвѣтствовать степени любви. Но-
нечно, это для него чистѣйшій форми-
ный вопросъ. Онъ слишкомъ убежденъ,
что онъ, король Лира, съ ~~настроениями~~
которыхъ и самъ этихъ и нѣтъ ни
ритъ, его все должны любить и по-
читать, какъ первую изъ людей. Если
онъ спрашиваетъ дочерей своихъ — то
это потому лишь, почему онъ слушаетъ
столько лжи и лести при дворе —
не зная, что бы угодиться въ своемъ
величии, а что бы лишь разъ, случайно,
случайно, взглянуть какъ онъ отра-
жается въ зеркало похвалы словъ.
И всегда, несомненно, изобретены
ему названы кичливости въ срав-
неній съ действительностью. Какъ
уже мастерица Гонерилла подвешиваетъ
знаки "своей любви". Она Лира
любитъ больше, чѣмъ свѣтъ очей,
пространство, свободу, красоту, богатство,
жестъ, дама, чѣмъ жизнь. Лира это
не трогаетъ. Онъ разсвѣкло амура
до конца и затѣмъ "наградаетъ" —
отдаетъ ей ту часть, которая уже
была заранее ей предназначена.
Затѣмъ и Регана развивается
въ ея дикіе славны. Она божьей порою
съ ея рою и все сказанное Гонер

ринской погуби вернувшись съ своимъ лицом
 добавленіемъ, что считаетъ себя вриномъ
 вѣтъ земныхъ радостей и видитъ.
 счастье жизни лишь въ любви къ сво-
 му вѣсному отцу. Но въ этой вели-
 копейной жизни Лиръ не чувствуетъ даже
 и тѣхъ превознесеній. Иного изъясн-
 ющаго, когда являлись о любви къ нему, онъ
 не допускаетъ, онъ столько о томъ былъ
 и короче и предметомъ почитанія
 вѣтъ. И вдругъ, когда доходитъ ^{очередь} ~~разъ~~ до
 Нордгеймъ, она, ^{которая} ^{тоже} ^{бываетъ}
 молчатъ и ~~молчатъ~~, и ~~молчатъ~~, не смотря
 на то, что возросла въ атмосферѣ бурча,
 не научилась той условной жизни, ~~написан~~
 ставшей второй правдой для Лира, отъ-
 части ему дѣла слова: „досударо, иже.“
 Лиръ еще не сразу выходитъ изъ себя.
 Онъ продолжаетъ ей почитать и сказать.
 И Нордгеймъ говоритъ ему, что она его
 такъ любитъ, какъ того требуютъ
 факты и, что, если бы она одного отца
 любила, то какъ сестры, то. какъ же бы
 не была замужемъ, и это такъ и сестры
 не замужемъ было бы бытъ съ мужемъ.
 Лиръ, ~~лучше~~ эти правдивые и кроткие
 слова, не вѣритъ себѣ. Онъ какъ-то и ему
 никто не смилъ, безсодержательности, слова-
 ми. Развѣ его, Лира, можно любить какъ
 отца и вѣщаетъ любить отца? Или
 въ изумленіи не до вѣданий воски и чести:
 „такъ молода и такъ чертѣва тѣ сердца.“
 На эти Нордгеймъ отвѣчаетъ ему: „я молода-
 но правда не божь“. И тутъ только Лира
 вѣруетъ. Есть такая-то правда, истин-
 ныхъ закона. Правда, которая старѣе,
 игоуется вѣками. Это то, что онъ и

умность помысл. Взирается на правду-
и не боится. не читает его, Лира!
Большая вероубийца Норвеж, конечно,
несомненно всю жизнь свою, которую был
придворный беглец, иль свирепый таловый тогу,
что он, Лира, дает всему начало, что
все живое, все живое существо для
него. Ноги, когда французский король
узнает, что Норвеж за стои-
л ит ожап поступок таловый
наказана, Лира восклицает: „мужи-
ей не родитесь, что не иль не уродит“,
И таловый именно попиная король
все в долготу, Норвеж про все он ка-
своит, и жизнь и людей. Все существо-
ют, что он ему угрожает, в том
море, в малой ему что ждуют или
противятся, заслуживают люди
наград и наказаний. Нет, пат-
ет в таловый король, но Лира его
не слушает. Молчат, кричат и
ему, не слыш советом, мейся живи
и кровью губительной его. Кем же
случается, Лира слова повторяет
угрозу: „на таловый луну, не стои-
перед стрелой“, но Кем же не только
не удерживает, а напротив заставляет
еще больше повиснуть голову. Этого одного
уже достаточно, что он сжался со
„кратолонной“ в таловый Лира и, таловый
в Норвежине протестует чест по-
слуга, таловый растит неодо-
витель короля. Сперва он ^{лири} ~~гонит~~ ~~талан~~
Кем же, но под конец хватается
за меч и только в таловый
Албани и Норвежине остаются
белые его от рожительского поступка

и Кентъ платится за свою правду, за
 эту правду, которая представляется Лирю
 жизнью - изгнанием. Въ немилость ^{Лира} ~~Авдоты~~
 попадает и Король французский, кото-
 рый кажется ему Крамоушникомъ только
 потому ~~одному~~, что онъ заодно съ Корде-
 лией и Кентомъ. ~~Онъ~~ такъ Лиръ почитаетъ его
 виноватымъ съ отвороченной дочерью и ~~факте~~
 беретъ за собою буржуазнаго герцога, зовяща
 о томъ, что у этой любви неразумна
 съ разсчетомъ. Онъ такъ глубоко чуждъ
 своей королевей самъ и себя Король, что
^{преступлений}
~~всеплачу~~ ~~оскорблений~~, чуждъ въскорбленію
 величества для него. И эта черта
 создаетъ великую трагедію въ его духе,
 ибо это сдѣлало его великимъ человекомъ.
 Когда онъ снимаетъ съ себя корону -
~~онъ~~ ~~бываетъ~~ когда онъ сдаетъ дочерей
 всю власть свою, онъ оставляетъ за собою
 честь и королевский титулъ, ~~и~~ ~~целю трагедіи~~
 которыхъ ничего не охраняетъ. Вся распра-
 ва, все прощанье, все владѣнье - у дочерей.
 Лиръ остается только Король отъ головы
 до ногъ - и этотъ настоящий король,
 король души войдетъ войной противъ
 грубыхъ земныхъ королей, съ ихъ мучи-
 тельности, солдаты и придворники -
 войдутъ одинъ, ничего не имея за собой,
 противъ безземельной чуждости Глостера, да
 еще и болѣе безземельной поддержки при-
 чиною сущаго муча и испоконнаго
 Кента, одинъ противъ всѣхъ! И не Брутъ,
 въ молодой, полный жизни, и не Кассиусъ,
 герой, поджигавшій всѣхъ вольсковъ, а хилый,
 слабый старикъ возстанетъ и противъ
 чуждой и противъ этихъ за оскорбленны
 великіе человеческого достоинства.

Критика, не только Ульри-
х и Зервинус, но даже и Крейссел,
а с ними ^{показывая} ~~воинственный~~ на ~~их~~ ~~пределах~~
целих ~~француз~~ ~~Мезер~~, говорят о
"вине" Лира. Он прокатил и за пу-
тинов свою догу, изнах лучшая слугу-
и поэтому заслужил свое наказание.
Крейссел даже выставляет Лира во вину
и то обстоятельство, что он пригласил
дочери и лицензарию дотей свих, Гот-
фрида и Ретну и следовательно должен
отвечать и за них преступление.
Вот этой теории, вине "лирике" по-
ворник в проследил ~~идеал~~. Несом-
ненно, что ^{эта теория} ~~наша~~ ~~она~~ ~~ни~~ ~~далека~~
от действительности. Менширская лиро-
показаний, на столько-то она ~~важна~~ ~~важна~~
теория ~~слуха~~, развиваемая, научной кри-
тикой и Брандесом. Она представляет
собой первый шаг в стремлении людей
высвободить из бюрократической подчи-
нений власти ~~вспышка~~ ~~мира~~. Критики
знают, что на самых ~~длин~~ ~~очень~~
часть на наших глазах торжеству-
ет злое и доброе, и поэтому подыма-
ют свою крест, окровавленное и
несчастное". Но все же они показывают,
что из области несчастья дойдено
было к счастью все то, что греки
назвали царем т.е. все, возмуща-
ющее душу, и сюда ~~применяется~~ ~~всего~~ ~~отко-~~
~~наказание~~ ~~преступление~~ ~~судовой~~ ~~проц~~
сать (иногда невинного существа).
В действительности при этом, возмуща-
ние жизни такой эстетический закон
запрещается в удовольствии, что искус-

~~Эта теория (вине "лирике" возмущения)~~
~~возмущения, по мнению наших критиков,~~
~~есть то, что мучит нас с "виновного" людей и~~
~~собрать, посредником Нотирого драматурга)~~
~~вообще и в частности Менширская теория~~
~~наказание вина знаменует собой~~
~~непримиримую ино привидений, уже изгнав их~~
~~отсюда время подвиги и~~
~~людей и поступка~~

таким образом ~~бывает~~^{не} было она заба-
ется подчиненности. Менестрель оговори-
то (не побоялся ввести) учинил его измни-
тели развязку. И тут же не менее Кроне-
сти, который с такими глубокими
напряжением жидкостями за выводными
Менестрель на сцену ухаживали — приучи-
лись сказать, что вся трагедия не
Закончилась в себе принципиально ка-
кая, что, следовательно, Менестрель не
ставит вопрос, а разрешает его,
и поэтому говорит он, трагедия в ве-
щей мистической заключает название
"возвращенной" в Шиллеровской сущности,
поскольку она с особой ясностью
подчеркивает независимость правде-
наго мира от мира чувствственного: истин-
ная трагедия как историческая импе- 129
ратива, во всем его величии, но также
во всей его суровости. Брандес-иже,
своем все время позволяющий а разбо-
роть Крейссига, как материалистиче-
ский своей статьи, заключение вы-
водит из этого критика историче-
ский, ибо, как исторический императив
противоположен его духу не сам по себе,
а как и в нем символический про-
тест против господства случая,
который дает возможность писать
сказочные слова. Между прочим, "возво-
щенность" Шиллера и "категорический
императив" Канта, во равно как и
сами Шиллер и Кант принадлежат
к тому же, не в смысле "истинности".

[illegible]

есть в трагедии Оира и ^укоторого, как
и в других не отрицается и Брандес,
всегда за Крейсеров отпыхает, го-
воря, что изображение вещи участие в жизни,
у Мекенпире не закружилась голова, когда
он изобразил все участие жизни. Но
Брандес понимает, что самое важное
в Мекенпире это то, что он не смутни-
лся страхом жизни и поэтому, подобно
Первигу и Уилбрику, ищет прежде
всего обмануть себя, вникнув в пьесу,
что примирять Мекенпире с жизнью.
И приписывает ему исторический
императив, ибо грубого разрыва между
не видит и, сверх того знает сам и
не соглашается в том, что это так-то
было известно Мекенпире, что „предра-
судок глумит, будто право ^му глаго веде-
без перена по брода". По этому, ~~это~~ если
он приписывает великого поэта,
германского преступника жизни жизни
принципы и ввести на сцену „царь“ -
(то это вполне понятно, ибо) и
перед лицом этого „царя“ ~~он~~ сохра-
нившая ясность и спокойствие жизни -
то это понятно. Почему оторосе стбу-
ет Брандес? Он, который жизни жизни
в Оире только один жизни жизни
беспомощности человека перед жизни жизни
силами. Потери Кордес обозначает жизни
содой жизни. Все люди теряют своих Кор-
десий и жизни жизни, что жизни жизни жизни
потери. Потери самое дорогое и жизни жизни
жизни жизни жизни - вот трагедия жизни.
Всегда вопрос: что жизни жизни жизни?

208

"is this the promised end" "принадлежит и."

A

да, это так. У каждого свой мир и на-
доу грозитъ прийти то или иного мира

Мекензи в 1666 году был в таком настро-
ении, что мог бы писать роман о свято-
преставлении. Затем в сновидении кратким
перекладом ветвей утеса в Лира и - замечатель-
но, ночью, сиди у своего камини Мекензи ^{случайно} в дребе-
зане около поды ударил бури и в ^{большой} востри-
в Намини и в эти же страшные голоса,
~~судовладельцы~~ ^{оружия} ~~взвизгивали за оружию~~, (точно в ору-
жии) по правкам похотят ружья,
узнав крик востри востри, а востри востри
Это мекензи с замечанием ~~мечет~~
замечает в себе небольшое нурези, но
и для него порадоваться, гипотеза, но ору-
жия здесь предусмотрительно, обождают в ка-
чалы той правды, но порах так печально по-
дается. Впрямь по, говорит в, Мекензи
работал по утрам. Востри востри
для принуждало его к этому. Но едвали
в светлой утренней час, едвали дождя
создал Мекензи свою Лира. Которая, достаточно
точно, что написал он его ночью в бурю, в страш-
ную грозу, в орху из тех ночей, когда ^{думал}
о том, что в настоящее время называют
сложным и интересным социальным вопросом.

Пусть читатели не пугаются на как за
эти востри. Они слишком характерны
своей банальностью и чуждостью в особен-
ности в виду того, что речь идет о король
Лира. Читая их чувствуешь, ^{еще} что читая
Брендеса говорить в то же направление, система-
тически ищущи отдаленных слов и от-
тупевших и насущных вопросов
миски и обращенные ^{тех же вопросов} литературу и ^{ищущих}
приве в правую сторону, а лучше и в предто-
витель в ^{большинстве} миски, ~~и так~~

необъятно глубоко задуманной. В ней

„Когда морозы встѣ студената вѣтра,
 когда ^{закопаны} вѣтъ не шумя нѣтъ по моему приказу,
 тутъ-то и иль хороше понять! Къ вѣ, ости-
 вѣтъ рожать не надо вѣрить. Мнѣ говорить,
 что и все-таки: лихорадка сильнѣе меня!“

Дти слава произноситъ въ концѣ четвертаго
двѣсти тѣхъ Дури, котораи въ первомъ
двѣсти прогоняетъ Кордеса, отговарива

ей въ приданное ^асправду и которой говоритъ,
что лучше бы ея дочери не родилась, чѣмъ
не угодила ему, хорошему. И вѣруй и тѣмъ

~~перечисле — Апръ отъясненъ въпроще саитиу~~

сестры, а не сопоставьте только эти ее

слова и осмысленность, необходимость пер

вступительной сцене станете для вас

вить всякого солдата пий. Если Дурь не знает, —

а вы итак не знали - что против не законит

по его приказу и что лихорадка не сильна

сн, то какъ все можъ допустить онъ, что

Кордони не дасть ему тѣхъ изъвольныхъ

словъ отъ той листи, но туръ то вѣн, безъ сго

просьба, не затруднялись преподнести

сину въ такомъ несомненно-требовательности

визит, ~~на~~ что употребил его и въ подвластности

стихій. Онъ, въ нѣкоторыхъ, evergreen a king,

- Нашего гл. вершник-король - 24 не поговоривши,

не море пугозривати и негосподине баше

поговорить, что власть его покойится

на грубой силе сомнѣн. Въ всѣхъ существахъ

своих чувствовать свои ^{верховные} суверенные права

своей личности, теловпечной личности.

приговорное и или ему, расцениваем на

погоды и ^{не подозревая того} и разговаривая - встает

правду, но лишь на поговину. Вторую

Уза імі п'ястидь д'ячиро нособуны ор

узнать от дочерей своих, которые прежде
известили ему вместе с придворными
лицами а после почили в войну
против старой, старой голова власти
св. тронной, доведен и втрой - угодниками
бывшей дочерей преступных, и в первой арии
в чужбине видят Корова, в которых
"еже у нас а чин", ту великую духовную
силу, которая сопровождается Лири всегда
и возгн, факт и тогда, когда, сама не вдал
тот, она называет лучших и правых.
Слабый человек, ищущий лишь удобства
нынешнего, не прогнал бы ни Кента, ни Корну
лий и не оскорбился бы тем, что ему
предпочли правду. Но "Корова от головы
до ног" вправляет им своего сердца а
тоже Корнулий, любимый ^{от} ^{его} дочь, предмет
похвал и падению в старости, не ~~то~~
когда она показана ему не той, на чей
дочери брата. Вливно говорит, о близости
его возраста, "о сумасбродстве" и т.п., о чем
разназывают Юперий и Регана. Им
хочется поскорее проявить свои, прихоти
и они, еще прежде чем вступили во владение
Корнулий, сговариваются отомстить, как ^{от}
дочери от отца. Но для Мекстера
Лири в первом действии не напризнают
старик, а потухший король. Ибо напризнают
человек, не имеющий внутренней опоры,
всегда готовый уступить, если иначе нельзя
уладить свои дела. И для напризнают лю
дей трагедия, поэтому не возможна. Они
мощны брата несчастно, - но станут
терпеть лишь обязательное горе, в роде
близости, - ^и ~~приходят~~ ^и на себя, как ^и
сказал Лири, отшельник, безумие и смерть,
они не сумели.

§ xxiv
of 217

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Безиспользованные почтовые услуги, ^{связанного с ними} тепло-

Она способна научить внушить ~~необходимо~~
 слова, въ которыхъ Диръ отражается по-
 чери. Въ немъ еще проливается — хотя онъ
 и на нее обрушивается, въ нахъ на видимость
 причину своего несчастия. Она могла только
 оскорбить его — но кто отнимаетъ у него силу
 отбросить это оскорбленіе? Кто извра-
 тить настоящее его природу, что онъ отброситъ
 Норденъ? Это приводитъ въ его отчаяніи,
 потому что бьетъ себя въ голову и, стуча-
 щийся въ эту дверь, откуда вступаютъ свои
 разумы. „Диръ, Диръ, Диръ!“ — вскрикиваетъ
 онъ и отъ этого восклицанія у зрителя
 волосы естественнымъ образомъ на голове. ~~Ахъ~~
~~мама~~ ~~мама~~ Вотъ когда распадается
 связь времени. Никогда — нѣтъ. Нѣтъ зрѣнья,
 которому ^{или} нужно было бы, можно было бы
 наказано. Ужасъ убавляетъ эту стран-
 ную картину? Какъ отбросить на этотъ
 вѣзвѣсью суровъ? Если бы было что-то другое,
 Диръ сдѣлалъ бы все для него по той таин-
 ственной подбита, на которой онъ и
 отбрасывается бы, ~~онъ~~ но это можетъ сдѣ-
 лать старикъ? Никогда? ~~Ахъ~~ ^{онъ} ~~Резанъ~~
 не отрицаетъ проливается. Пустой дура-
 чить старикъ, не надо ему мѣшать,
 говорить оно. Могаетъ? Диръ — Король
 Диръ ничто — но ему ^{слабость свои} ~~стѣно~~
~~тѣло~~, ему стѣно, что ^{попытка} ~~она~~ еще можетъ
 извлечь тѣло ~~свое~~, которыхъ невольни-
 текутъ изъ его глазъ, когда онъ стоитъ
 передъ дочерью — вонючей. И онъ ето ~~онъ~~
 и Резанъ. Резанъ добра и ласкова, гово-
 ритъ онъ, она издеретъ лицо Золушкинъ,
 усаживаясь про сея дверь и вернетъ Диръ ему
 на казнь дочери приехавши воевать.

Мужик возразил ему, что Петра не помина

хулу и, что убийство. Если ба Кентъ был
 со собакой, то Лансерна Ретанъ (большая собака)
 слезо ванъ ба почитаетъ ей ея икъ офа-
 цанъ ба. „Видно зима не прошла, когда руси
 четитъ ба ту сторону“. Убитъ ба богатаи
 лансера соми, убитъ ба в лохмотьяхъ офа-
 что зима. Ба слезо ванъ ба в голъ какъ кво
 арику, говоритъ мутъ влугъ толпачъ моти
 короли. Ба гднотъ отъцъ, гднотъ короли в лохмотьяхъ
 тольк о мотетъ прохнети что эти сла-

в, какъ тоску отъ сердца. Какъ кружки
 Восходятъ ба все!

и все больше дуготъ тоскуютъ сердца и
 все вше стаютъ восходятъ кружки. Мотъ,
 предълави, мотъ конца условности мотъ.
 Странитъ призванъ все лансера биче похотитъ
 и дугу. Мотъ спасенъ, мотъ да уйтъ. Ба
 дугъ и не уйтъ ба. „Где эта дугъ?“

спрашиваетъ ои. Ба отъотъ, что ои
 в змилъ, ба приказываетъ востъ остатъ
 и мотъ ои - востъ, ба востъ ба востъ.

Но Лансеръ говоритъ ои, что востъ востъ
 ной мотъ съ прихотъ, что ои востъ
 и мотъ востъ дуга отъотъ востъ,
 что „востъ востъ востъ“. Лансеръ,
 мотъ, Ретанъ посадила в лансера мотъ,
 а востъ не мотъ прихотъ дуга и Лансеръ
 говоритъ ои востъ востъ. Мотъ слово
 „востъ востъ востъ востъ востъ востъ“
 дуга.

Востъ востъ? Востъ востъ? Мотъ

Мотъ востъ востъ востъ.

Востъ дуга дуга. Востъ востъ востъ востъ
 мотъ мотъ мотъ мотъ мотъ, мотъ
 все востъ востъ востъ востъ востъ
 мотъ мотъ. Востъ мотъ востъ мотъ мотъ,

чтобы она вернула эту чудесную похоть.
Если бы вторая ночь оказалась именно похотей на дикое и блудо, то нехотелось бы сердечной раны старика Корнели. Выходя похотствовать, это Лирь только "полае, бядне и бучное шивотные" и эти сознательные страсти похоти своей и не найти его и ~~не~~ похотели дочерей хотя теперь силе сеголате своей отца претисили прозреть, порознать и безпаче ~~вращающиеся~~ ^{Лирь} добирающиеся жизни. Предъизна-
ми сь упала зовьваз, которая сробала отъ кем до силе поре учася человекоского существа
ваши. И ему осталось только промчаться.

Не ни Корвацию, ни Рогана о Лире и тс дума-
 ютъ. Когда оне заблудятъ, что, ради оныхъ
 войдутъ къ нему тѣ оны приказаны бить
 подъ окнами или спастись въ барабаны, оны
 убиваются и привертываютъ се холодно-
 въмихосостию Лире. „Государю, а рада, что
 вижу васъ“ говорятъ Рогана. „А Вторю, что тѣ
 рада, а думаю, что рада тѣ. Когда съ тѣми
 бѣла моя рада, оскорблена-ея и въ гробу
 матери каменъ, какъ гробу не потребной
 твари.“ Ины кажутся изливаться вожа-
 юбаны на Лоперилью предъ Роганой. „Се

Сестра Феодозиянка ичкан, она под сержи

Сюда мы потянули дрова стоящие.

Викторина и сна, Верана!

Расскажите мне о своей жизни,

Где вы на работе?

Но Р. Гана показывает, что спорас оу спосаеул
о Бугаути Голорисиво и Дирч талого (и моуеи)

65 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1043 1044 1045 1046 1047 1048 1049 1050 1051 1052 1053 1054 1055 1056 1057 1058 1059 1060 1061 1062 1063 1064 1065 1066 1067 1068 1069 1070 1071 1072 1073 1074 1075 1076 1077 10

Итак-же это? "Они не покидают, но все таки

поэтому, что это значит, что с Кавказом

милутой позва всі Боже и Боже угодити

Кто это? Кто? Ва Боги всемогущи,
 Когда ва старцы любят те люди
 Покорн ости хотити во вь праведности,
 Когда во сани стера, ваети у них
 Ва да мнѣ всей силой слави! (Zoungalou)
 На эту бороду издротъ та похвал
 Теи тѣхъ самъ стѣде? И неучаст
 Мои Риза, та похвалъ сѣ ружу?
 Вѣсто же и не похвалъ, спокойно и развѣсно
 говорити Зондиги. Не все то зны, эти праведны
 Виною для синагогъ.
 Кто не похвалъ сѣ ружу? Убо
 Я и тѣхъ все вѣстѣ? Въ коньдѣ
 Кто мнѣ сѣ ружу синагогъ.
 И на эти похвалы спокойно и сознати
 на исполненнѣ достоинства вѣстои Кернѣ.
 Аи посади Кернѣ, похвалъ синагогъ мнѣ.
 Занѣ сѣ ружу.
 И тѣхъ мнѣ сѣ ружу синагогъ мнѣ
 сина, презъ ко второй бѣ ружу синагогъ
 в среднѣхъ пѣтѣхъ. Диръ почти обѣ-
 мѣ, ои не знаютъ, что говорити и чувствуютъ
 или ои, что пѣтѣхъ синагогъ вѣстои
 синагогъ вѣстои противъ него оуиноного, тѣхъ,
 безпрѣстѣ. Диръ вѣстои тѣхъ синагогъ
 убо синагогъ мнѣ, не вѣстои мнѣ ружу синагогъ
 ружу и синагогъ мнѣ, какъ и похвалъ
 второму и славою, чѣстоу. Но охеру перевоодитъ
 аи синагогъ синагогъ отъ одной синагогъ,
 похвалъ и синагогъ синагогъ. Ии прихити
 похвалъ синагогъ синагогъ вѣстои, похвалъ
 и Кернѣ, пока не прихитъ синагогъ. Ии оуино
 и Кернѣ, синагогъ синагогъ, мнѣ синагогъ, вѣсто

роки онъ теперь нудится болше, чѣмъ въ юности,

милу, чѣмъ въ той снѣгѣ, о которой идетъ

речь. Разстелу нудно чѣмъ нибудь изъ зем-

ныхъ бляхъ? Разстелу стороны въ тѣхъ, по-

ногахъ, и ногъ? Все эти стороны для тѣхъ,

и тѣ не видятъ нудно болше стороны.

Но для того, кто бѣжитъ возведенъ на негодна-

муду востану тѣмъ нудно нудно админ,

неолидическимъ фараонъ бѣжитъ свернутымъ

въ бѣдѣ - все эти нудно нудно, все это нудно.

Лично то, что нудно нудно! бѣжитъ нудно

нудно нудно! нудно нудно нудно нудно!

В бѣдѣ, зѣвѣ нудно нудно нудно нудно,

и т.

В эти дни страшными словами Лиръ уноситъ

в тѣ горы, который отъ нудно нудно

въ стѣнѣ горы отъ нудно нудно нудно

и нудно нудно нудно нудно нудно,

что нудно нудно нудно нудно нудно.

Корнелии нудно нудно нудно нудно нудно

нудно. Кругъ нудно нудно нудно нудно. Но,

что за горы до нудно нудно нудно, нудно

нудно нудно. Нудно нудно нудно нудно нудно

нудно нудно, а въ нудно нудно нудно

нудно нудно. „Какая нудно! нудно нудно

нудно! нудно нудно нудно нудно нудно

и нудно нудно, все нудно нудно нудно

нудно, нудно нудно нудно нудно нудно

нудно, нудно нудно нудно нудно нудно?

нудно нудно нудно нудно нудно нудно?

нудно нудно нудно нудно нудно нудно

нудно нудно нудно нудно нудно нудно?

Нудно нудно нудно, нудно нудно, нудно нудно

ли § XXIV р 226

ли

что он спускался в ад, что и там
 видны те муки, которые описаны в своей
 книге в фактах все эти видны здесь
 на земле. Факт истинный обстановка
 и поэма многократно, на первой странице,
 такую вероятность. Но прочтите третью
 главу "Лири" и все ваши сомнения исчез-
 нут. Действие происходит не в ад, а на
 земле, в правдивой и душевной трагедии короля
 в нем не возникает ни одну минуту сомнения,
 даже в правдивости всего того, что рассказано.
 Выходит - а муки Лири превосходят ^{любой}
 все то, что рассказано в фактах о своих
 преступлениях. Когда Лири ^{убивает} от
 дочерей своих с стропами восклицает
 "и жить жить, а с ума сойду", которое отгадывается
 в вышней душе, может быть вопиющего и протеста.
 Да, в ⁴ второй раз уже кажется, что
 трагедия достигла крайнего своего предела -
 искупления. Что еще можно придумать, что бы
 истерзало одинокую человеческую душу? До
 чего еще может идти отчаяние? Как на-
 честнее, что здесь должно прийти искупление
 или смерти и развязать эту страшную завязь,
 превратив страдания души в муки в пустоту
 небытия, или в бессознательное существование
 сна и сновидения. Но ад еще не исчерпан всеми
 средствами, изобретенными или для чужих людских
 муз. Лири предельно еще проведет путь
 под откровенным небом, ^{хот} такую путь,
 когда тоска будет и цель с необходимостью
 войдут под путь и рвется голова седи-
 ной, и идти против зрелища смерти -
 и тогда пришло в глаза востановлению
 предельно пригнать исключительные условия

Дебелъ 8 XXV p 226.

Видишь, Буря, как летит идуя противостан
дожде и ветру. Все это не страшишь ему,
всего этого вы почти не замечаете, вы, который
никогда еще не знали, что значить прокончить,
несколько писателю никогда не дерогалии
в мире небес. Бранден поворотит, что
когда Мессинге писал Лира, на дворе бу-
шевала непогода. Котте, Лира может на-
вредить лишь тот же вечер души была такова
непогода, что подсмотрит не страдания всего
человечества и уиконн найти в своем сердце
и ответственности сего для людской скорби.
В Лире родится все миром и вынести со всех
духонных старинном, все те, которые не
удалось проведанной секретом закончить
стойкой цю смелости, что востановить не только
приветом и благополучия в будущем, а море
Бранден не только трагично и человечности пере-
непреодолимой благодарности, как говорит
не Бранден, и не фотерей своим, как го-
ласит сам Лир, произносит великий ста-
рин. Что благодарности? Она чужда и чужда
всему и со всей миром люди. Что благодар-
ности дочери? На свете есть кордони! И ду-
кордони примиритесь как с сестрами Гене-
рикей и Юлиане. Но, кто примиритесь как
с сестрами, что обивший стили уиконн патки
для безпомощного старика? Сестрами, которые
сперва Галилея и Галилея за полдн 8 часов
своего человеческого кордони, приехали по душам и
ответов, что все миром создаст для них
и живыми или одними, в уиконн сию и Галилея,
что не только люди, но и от них обивают
и от них сию, Галилея сию кордони от той Галилея-
тиности и скалочной зрительности, которая не могла

Въскрѣсѣніи иже въ субботу погребъ въ субботу

перехватили — и все затопило меня, что потопило

и по зорелости, величати, и ни чти, и сени, и хресту и

Наша и личностная работа в быт работы окуп-

федерализм, ватимати порзотизматис и

органі на повсякденні функції означає природу, протекати життя сво.

и против и доведе

вотамъ и въспрѣтъ н~~а~~мъ не можеть съ нами противъ

пер. 11 Рели вса ни чин в о н о н а, ф у н, л е и, у р е н и и

и мы "восхищаемся" вы. Родились не похристов-

на и не разобавя с нѣмъ и отгадвали имъ

Мне неясно из ареста. Мое ~~задание~~ о нем известно

попутъ тѣхъ и тѣхъ надъ стоуцки въ иль Гастей

презрете и отнѣ, а и отъ ⁴бога и отъ стѣхъ и отъ оубо.

Імѣ побужденію гостѣвѣннѣ снѣу розсѣахъ унѣ бѣснѣи.

Будь готов к тому, что тебе придется бороться с теми, кто не хочет, чтобы ты был.

В то время не было еще никаких, в то же время не было никаких

отъ него благодарный. И можетъ быть, тамъ

розуміє, що рабодукиноу екаа природоу зумієтї

пач, можетъ прихити въ душу псалмого поющ,

Наша ^{сознаний} ~~убежденіе~~, что губение по собственному

випн. Мз по обави и подъ дримствъ ^{иванастинъ}
печеньки-

Усело при основаніи ищѣе талоу

природной отприщи, и то орудю есества не знавши

жизни возводили и в принцип в систему.

Но интерпретация сердца еще ниже и ниже.

Знаємо що. Друге тісто на мизовині пром-

носят эти слова, под которыми тактист

или потому, что божи и бурно-грозно востро скорбятими во всемъ, святѣи днѣи,

Андрей Иванович, - и мы все, покуда не посто-

Искитъ иль восхити аснѣ:

Mantimenee de la course nequise past,

Угрозины губы горели престыжком,

Когда не стогало вани и гни вонь

Противу новых слезов и стазов,
К...

Характеристики 16,0 нвоопр.

Слушай эти слова, во всем они и повторят
всегда за Лиром со грозной обвинительной
да, отом, вступит, грозит и угрожает ^{не переставая - а} (подле раба)
угодники преступника уочеря, если они
могут идти войной против той старости
и старой плоти, ~~вот~~ они поди раба, они сучають преступники
~~угодники~~ если не обратились к своей могучей
силе против "этих джигрей", спокойности-
нужа бы встала компания, в то время,
когда о дитя в пале, пасть грозой вразумит
не безумный, не мучивший из сознания, в похи-
маниях всех у нас было похищение от востан-
гавителю степеней. Вот Феофан похитил,
когда Лир проклинаят нечестно, во всей си-
лой своей присоединяется к нему - и затопил,
чтобы повторить, его слова, а затопил, чтобы
сказать себе, что если преступники джигрей и
преступники степеней не найдут себя оправ-
даний - то не было чести, то а это можно,
когда во им устали и похили - в сахи,
погодю Лир, похитил на вступил в него и ввело,
будет нечестно востан ^{учасов} ~~востан~~ джигрей, кто
ранее существовал, на свету пере Лира, то
и быт в востан ^и по страданиям, востан
в нем хоти на означен - знаменит перестане
быт востанком, ~~кто~~ радоваться, пона Лир
не возмещали за эту свою знаменит потерю
образ и погодис боясь, иллит ухи и снотаны,
иллит глаза и не видят. Вдумайтесь
похитил в востанком степеней нечестно вост.
Вспомните, что хоти на а нечестно нечестно,
хоти востанком на на мучились сущи, вост
все приособилось к тому, чтобы они стали да-

путе вы, что чини придумана техника, где
маленький и вострый артист в хитровые все
силу души своей, что от исполнит вам помет -
ваше знание иже - выполните, что, и смотря
на все эти приемы ваши, как бы она не
была мила, не в силе представить себе
глубину и широту, если были самими и
причине и хитрости трагедии Лира. Тогда
иные поймут, что вкраивая, "вопроса эта -
новизна на посыле фидола", "руки опуска -
и т.д." - и не адо, и не иными провада,
что раздала в том, как в одну ночь чуда
стадым - и в духе. И, если в это поймет -
то ины тогда приблизитесь к вам отделим
чистой правды и истины, Короли Лира. И
высказав в том в поймете и другие -
еще прежде, чем дойдете трагедии до конца: душой пат ур. Когда это была та
что не задает вопрос о том же Мексике, правда, которая неостановленно стояла перед
и о том разрешит ее перед вами. Ибо тот, ничто, не давал ни днелю, ни какого нели
кому этот вопрос тоже представит, в виде великому человеку. Когда он рассказывал,
такой умышлено образа - тут то же еще что во время сады Измаиле отаривав
читат, (не обождают только в том случае, справлялись, да когда не, наконец, напуги
или вь сь разрешит с той ясности, как было? - и что и было клямотой
и в предположении, которая требует чужды на что и, и на подой, это были той правдой,
успехи дуна. Не свалились под бранью такой которую прои все воли своей умилен - не в в
поны можно илии тогда, когда сестр мит жалко, а что в дили, среди подруги и чужды
кстати с: то. Когда похитались, что перед несчастной великий поэт. И что точнее и имеет
той. Только в этом случае, можно в такой тойной, как и эти книга и ней, сам, бот
оправдано не греху вышло перед трагедией Кто, пона все унытолкающие знания эти
Короли Лира Мексике. И напал на романи, открытий, не восмилкните влады в Байроне.
которого сердце даило вадала, что знающий или тилюстна всели вбук, и говорю тв
собой, знает такой злод и сестр дуна, которых грубо
превращает сь в законную истинность. и сестр в хитрости и в разорвет с
Видите ли Лира, вь тв в сь дуна

Ты представлено, что отравило жизни вели
тайным и горьким помысл стонет, Байрона, ре
не инос если не этот отравкой отрав
старика короля протавь которая поны
бойкой преступная доверь сохит подчлени
рабами - солдатами и стихотв. О том, что король
или похитывали Лира - чини отале как в
похитов. Мексиканской силе духа и разри
мений мирового вопроса чини не было. Тогда
а в находилось обделенные челоуческой трагедии
не то в прочитут и в зор. И ине казало,
что это конец, что Лира губит чужой, тот
случай, который обязателенности тот же присут
устанавливался, что в больши завоеваний
начала наука. Они боюли не своей болызны,
Кто думает Мид, а болызны всего челоу
чества. Когда Байрон восмилкнут свое
замечание: "сабаки или люди", - это было
не преувеличенной, не похитил взыла
духой пат ур. Когда это была та
правда, которая неостановленно стояла перед
ничто, не давал ни днелю, ни какого нели
великому человеку. Когда он рассказывал,
что во время сады Измаиле отаривав
справлялись, да когда не, наконец, напуги
как было? - и что и было клямотой
на что и, и на подой, это были той правдой,
которую прои все воли своей умилен - не в в
жалко, а что в дили, среди подруги и чужды
несчастной великий поэт. И что точнее и имеет
в такой тойной, как и эти книга и ней, сам, бот
тогда это убожский, что - она предвещала!
Кто, пона все унытолкающие знания эти
открытий, не восмилкните влады в Байроне.
или тилюстна всели вбук, и говорю тв
грубо
и сестр в хитрости и в разорвет с
вот люди. Чужой приходить сь сь в сестр

[illegible]

лих на произведеніях Мексипира обсто-
 виль. Поэтому что въ жизни есть некое
 такое, съ чѣмъ бы не могло примириться
 человеческое сознаніе, ~~потому~~ ^{и потому} что
 влгоду за Мексипиромъ пропущены въ тайну
~~человеческія~~ ^{человеческія} судьбы наши — потому что
 и возникъ этотъ принципъ. Тотъ, кто
 взглянулъ бы хвалитъ добродѣтель и прола-
 ситъ гармонію жизни единственно въ угоду
 эстетическому правилу, тотъ не кажется бы
 въ своей душѣ ни одного путного слова и
 прибавился бы только банальными пере-
 повали на чуждыя мотивы. Истинно
 нѣтъ говорить ни о томъ, что видятъ
 и поспѣшно видятъ. И эта дразна Гете о
 Мексипировскихъ книгахъ судьбы должна быть
 принята въ буквальный смыслъ этого
 слова и служить намъ путеводного нити
 въ при изученіи великаго поэта. Если мы пере-
 читаемъ чуждыя вѣсти въ Мексипире — истинны
 откровенія, откровеніе всѣхъ, возникающихъ
 передъ нами вопросовъ жизни, тѣ эти значенія
 жизни, что мы перестали его понимать,
 что мы погружены настолько въ тѣлу пред-
 разсудковъ нашего ~~материальнаго~~ ^{материальнаго} поколѣнія, что
 не въ силахъ даже поднятъ главою
 взора къ той вершинѣ, ~~иде~~ ^{иде} отъкуда сіяетъ
 наша вѣчная свѣточь. Ахъ мы разучились
 понимать Мексипира, что мы прихвистомъ
 знаній — вотъ этотъ свидѣтельствуютъ все
 трагическія переживанія людей XIX вѣка.
 (Не только чуждыя коверкаютъ великаго поэта)
 Но и этого Мексипира перестали понимать
 уже и мы въ человѣка, ^и ~~мелочавца~~ ^{мелочавца} ~~о~~ ^о возмоз-
 жности бытія, ^и ~~какъ~~ ^{какъ} ~~сказано~~ ^{сказано} о немъ ~~истинно~~

[illegible]

ми преступных докторов до сих пор человек,
 не получивший достаточного естественно научного
 образования. Но и этот ответ признает
 од баль признает естественности возможных
 обществ за толпачи. А то хотя бы (стоять или
 вставать ~~за~~ современную развинутой, тогда должен
 баль не только так думать, говорить, но так
 думать, считается умные и достойные,
 много внимания, тогда должен быть не только
 так говорить, но так думать, иначе он
 считается вступающим в спор с геометрией.
 И люди, видя вокруг себя Лирова, говорили, что
 так должно быть, а то они и ушли,
 вставая за Нормантом, отъ каковы-то
 гроз, что в тесноте и кинутая истина
 научные разговоры о природе грома и истин-
 ный рассуждений о трагической красоте.
 Это поистине было отъ жизни назва-
 ное примечание. И те же, которые
 жаждали отъ времени до времени были в открит-
 тые поле, где боролись с остальными отъчужде-
 ние отъ ужаса в Лиро, получили название
 повто, т.е. людей которые "дорожили воюте"
 и звали их отъ врагов до времени
 к ним же полагали в Новороссийске
 устройством театраль при электрических
 освещении. За доставляемые им "истин-
 ческие наслаждения", дававшие поистине
 нас право видеть соотрапничай в "прозе"
 сказать, страсти и любви, когда кто парит
 востъ и прощали поистине все, и необъятную
 жизнь их, и дерзость, и саможетий. И назо-
 вали их даже дьяволами и богами. Все эти
 были метафоры, украшавшие книги и раз-
 говоры, и рече и придававшие им блеск.

изучую из незнакомости. Но учить себя ленили
и поэтство перестали. Да вы же сами поэт
стали теми же ребяческими иудейскими,
которой навски повторите всем, что
король-гений, а что то парад, кото-
рой украсила его наука, не скрывают
его казнь. Вот это впади в тупость
почае, что поэт только оригинальни-
чает, знай наперед, что облаченные в строг-
ные этики и красивые слова оригинальни-
чают, обезпечивает славу, констатир-
уют у светских дам. Но никому из
людей не приходило, что есть люди, которые
и в самом деле эти прилагать в отча-
янии от этой казни и серьезно изучают,
эти прирабатывают. Эти значило там
бать учить и не бить достояние
своей дочекости. Метафоры заморские
отъясни, тили метафоры, уловность
которых была весьма ценна - кичью и безно-
мие. И тили образы, было обезьяне по-
лучил достояние человечества. Байрон, Лорд,
Шелли, величайшие люди. Их стоишь помери-
ли науки, а вы же Лира не требующие
взвешивания, допустившей, нелепой траты в
наше понятие, возмущающее и недоуми-
тельное. Возмущают эти и, как уже
было было замечено, все это свое
толпачество обрушилось на жизнь, которую
родилось торжества жизни наука.
Правда, власть была пошла по воле Бога, что
сильнейшие державы дамы и в политику
борются и не ищут протеста

[illegible]

Небось, ах, ах, ах, о которых ни один
человек не мог мечтать? Это, может
быть, быть, может, способность пойти
список там, где, по приказанию науки,
все франки и их видели без списков.
Меншира называли муромом поэзии.
Это великий правда. Он был королем,
кто не платил дань никому — даже науке.
И тронета ильте ильте он, пона наука
принесет ему свою дань и признает
надъ собой его суверенные права. Он
мочетъ больше, чемъ человекъ. Онъ
попалъ Лира, описавъ съ трагедію,
и наука должна пойти къ нему
не съ тѣмъ, что онъ подменитъ прихититъ
его на своихъ вассалахъ, а чтобы уничтожить
любопытствіе о принятии въ подданство.
А Брандесъ говоритъ, что Менширъ пере-
сталъ писать трагедіи потому что, вс-
роитъ по, влюбился когда ему было подъ
близитъ и при этомъ обстоятельстве
заболѣлъ Лира, Корольона, Макбетъ, Гам-
летъ и всѣхъ своихъ трагическихъ
героев. Эта же его гипотеза о своей на-
вности, почти невѣжливости и зоби-
часть враждебной и въ тѣхъ, изучав-
шей сущность о жизни дуба по тѣмъ
отъ которыхъ ^{взрѣ} ^{грома} ^{вѣтра} и ^{буря}, которое
доносилось къ нему, когда онъ безмятежно
дремалъ надъ вѣтвями отъ миссера
своей тѣни. Конечно, Менширъ до
не дошелъ до своей „Буря“, или ~~писали~~
Лира, не почитая славы его. Онъ
дошелъ до до тѣхъ же, до тѣхъ

в послеполднѣ прочесть Байрона. Кембридж
 первая спасли отъ Макбетта первая болели
 слабѣе — какъ показываетъ гениальности
 поэты, а глубокое пониманіе осмыслен-
 ности чело вѣческой трагедіи. Для Шекспира
 Лира, Гамлетъ, Макбетъ негибнутъ въ отга-
 аний, какъ ины самитъ Калсеетъ. Для поэта
 они были въ ины судьбы, которая вобрала
 къ в откратое море не съ тѣмъ, что въ погу-
 бить, а что въ научитъ ихъ бороться съ силами.
 И въ то время, какъ сами они прожигаютъ
 свою судьбу, въ вѣдѣть надъ ними поэта,
 который говоритъ вамъ: здѣсь рождается все-
 ній духъ. Чтобъ все понять, что въ стоитъ
 великими духами — эти люди нужны
 все испытать. Они подготовлены къ той
 борьбе и бою удержать ихъ, сдѣлаютъ
 ины достъ ины то, что въ они удержатъ
 въ тѣснѣ ины спокойной жизни.
 Тамъ, где пали представлялись демонами,
 адскими кова, тамъ поэтъ видитъ
 Заботливую руку, гармоніи законы. Для
 него бури чело вѣческой души такъ же
 понятны и осмыслены, какъ для ученого
 бури природы. Ибо для только слышатъ
 раданія и видны слезы Лира, Шекспира
 все слышатъ за тѣмъ, что приносятъ
 эти слезы и раданія великой души старца

Наряду съ проклятіями и (возмущеніи) отгол-
 ными раданіями

Лесте придворных, престо добавилих и
 и или, ~~ка~~ привела его из тюрьмы. Но ему осталось
 еще полить, что и все оружие Люди-Морочи.
 Не только Кордэлий, но и мучить, и дугарь и все
 бедное нечестивцы это так же все
 Лире, перед которыми нечего предосты
 мучить, когда в них спланили неосты
 создат с оружием. Мать Лире, который
 отназвался чужим в Перхилье Роданте, собствен
 ных удобивших работами, чужими и естественными.
 Будет просить прощения у слабой Кордэлий.
 Этот переход происходит в восточной
 самого короткого времени и в нем все описано
 несп. Лире в послеполуденный день, так
 безмятежно прекрасен в своем тротуарном
 беге и легкой простоте, далее по сравнению
 в Лире король безмерно сжималось ^{он} себе
 Корону в угоду, что его Королевский титул
 и суверенная человеческая права достаточно охра-
 няются, — что все безопасно, и не мучи не
 только престолу начал в нем, но и ста-
 новится в нем и глаза не только побуждают
 сила. ^{Восточная} рука Менсера показала как
 родившаяся на Лире великого человека.
 Лире против, Лире против, Лире пред
 Кордэлий не престанет быть Королев. Восточная
 в нем Восточная, Роданте, Бурю, Роданте-но
 стала восточная свои прожития и не даст
 давая ~~престолу~~ чужд. Восточная восточная слава восточ-
 ных на все Бисект своей предосты властью.
 В Кордэлий он не стесняется восточная руины.
 В восточная работа руины, привожу
 его в тюрьму провосточная уже ~~на~~
 наст. провосточная восточная, когда он си-
 рит в Бурю и провосточная восточная.

они еще не ведают великого несправедли-
востъ судьбы, они призываютъ боговъ, дер-
зающихъ надъ людьми грѣшны, къ справед-
ливой расправѣ. Ему кажется только, что
они невольны, терпящій боли въ сна, и что
они не ~~нужны~~ сдѣлались сами. Иного смуща-
етъ своимъ каре онъ не видитъ и приукиваетъ
лишь бездна, въ которой томятся безнадеж-
ности и отчаяніе. Поэтичны, руковоутили-

Меншиковъ, учивъ въ этомъ дѣлѣ и по-
тѣшаетъ обвиненій. Но въ возмашіи Лира по-
временамъ и теперь уже отърохивается отъ
созерцанія собственнаго несправедливаго и направ-
ляется въ ~~сторону~~ къ новымъ мыслямъ. Сначала онъ
онъ размышляетъ о преступленіи вообще.

И образъ зла возстаетъ передъ нимъ во все-
своей откровенности и безобразной горючести.

Преступникъ теперь знаетъ, себя уже отъдалъ отъ Закона.
Вамъ пощадитъ.

Зная онъ и прежде о господствѣ зла. Но это
было для него пустыми словами, Кордесъ по-
тупокъ Кордесъ или Кента отравилъ ему по-
кой, а существованіе преступниковъ изощрено,
блуждающихъ отъ закона, не можно промолвить
ему 80 безмыслимыхъ мыслей. Зная, т.е. слова,
которые онъ боутиль еще съ злостью, каки-
хаютъ для него наполнителемъ содроганіемъ,
впервые придающимъ имъ глубокое и страш-
ное значеніе. У Лира была мысль. Но что
онъ умомъ злостью, онъ умомъ боутиль ~~и~~
~~на~~ и ~~мысль~~ ~~фи~~ ~~кого~~ ~~хрестіанства~~ не существо-
ствовало. Но эти преступники, это зло, которые
терпятъ отъ преступниковъ грубо и зло, были
функцией для него, какъ и торжество смерти. Все и
въ существованіи только для него. Теперь онъ

посчитать их внутренний смысл. Побыжимому,
онъ чье чуж, кроме неблагодарности и гонимъ не
моментъ и думаетъ, побыжимому все пожелал скорей
потому что не тили, как отом орудъ злого чина
потерит. Кемъ зовутъ его въ пшани, но онъ не знаетъ.

„та думаетъ, отбываетъ отъ, прожигаетъ до кост-

Еврей Голышев? Мнѣ прова отъести;

Но тамъ нѣтъ какъ пріестъ нелюди Аликъ,

Мнѣ невольно не пшани. Отъ неволи

Мнѣ побужденъ, но ботъ вѣтъ какъ нѣтъ

Буживущее море, нѣ какъ вѣтъ

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Буживущее море, нѣ какъ вѣтъ

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

Мнѣ невольно. Пшани не пшани, рожу,

бытия этой сути. «Всеравно не поворачивай
 глазу оглоули мя, и стараются найти дилемму
 аргумента способа продолжения времени. Оттого же,
 покуда неслучилось и отголосков, иакобы великая
 мощь, не умела бы видеть никакого содержания
 и прибавки думает, что это по воле и по
 существованию, что не имеет никакого смысла
 и что нужно лишь, по иррациональности, удалять.
 Нечеткий трагизм ^и жизни своей происхождения
 имеет в себе в слабости наших нервов. Но ба-
 лем от страдания, от отчаяния, от
 от умирающих — до тех пор, пока отчаяний,
 страдания или смерти не станут частью нашей жизни.
 Потом все берет в свои руки та сила, которая бы.
 Зовут нас к небесам и к земным добродетелям. Вых-
 оуживать с Диалогом, как добродетель переживает
 на себя из мученичества концы и посылку сию оги-
 му дано постигнуть ее смысл и значение. Не «победо-
 дей» падает — сию же трагедию Диала, как возмущает
 Бранден, который эти же и возмущает в себе чело-
 века, не понимая того, что значит
 «победодей», и того, что значит падение.
 Меланхолия показывает нам, как под видом на-
 ших горей Король происходит невидимый
 наш рост со души.
 Во отчаянии, как и неслучилось и. до конца.
 Вдумайтесь в смысл этой неслучившейся.
 Это — что там, на заре правдивости философии,
 это истинное проповедь, рождается в душе великого
 отчаяния. Выходит от этого душевное претворе-
 ние и только тогда до оправдания себя, а теперь в от-
 нии, когда от гор и мучается сию же, когда от
 знания огу только бы — и от благодарности души,
 когда от отчаяния ^и разрывания и отчаяния

p 234
 Sec § XXV

Над

~~Кухонные Листы омонтированы в альбом на~~

Нѣгонопца тразодіи еще далеко. Изъ монетъ,
введенныхъ въ оборотъ по указу Петра,
введенныя Императоромъ въ обращение
Курбасовымъ съ отъ отцу. Въ печати

debut & XXVI p 235

Ипотраа все дѣломъ роуцисвоимъ
вдотѣи роуи

Heads? Bee mon

тьме онъ нашелъ путь. Тамъ, гдѣ глѣбась —
 драва, случай, нѣкогдашняя работа борьбы мертвой
 равнодушной, но Голмогано получивъ спича съ живого,
 губевуицъ, или, немоуицъ, или, немоуицъ (т.т.)
 тамъ гдѣ глѣбась о бѣдѣ немоуицъ ^{муча} ~~уважаю~~ —
 тамъ глѣбась ослепленный процессъ душевнаго роста.
 Погъ видныи всякъ мучимъ мучали онъ открыва-
 ваетъ невидимую нѣкому загадѣ ^{жизни} ~~судьбы~~. И это
 причина, почему его творения названы были
 Гете „великими книгами чело въскрѣсшихъ судебъ“
 Боуменъ Боуменъ нечеловѣка тѣрагитона, чело въ
 мѣтѣ, который изображалъ въ король Лиръ —
 не воображаетъ сама покая чело въскрѣсшихъ
 драматизмъ. Боуменъ муча, чело въ тѣ, кото-
 рый вѣдѣтъ Мекенгровскій царитѣвнѣй старецъ
 нѣтъ на землѣ. И нѣтъ, ~~то~~ сверя того, муча,
 который бѣ съ нами тѣмъ вѣрнѣй называли
 бѣ Боуменъ нечеловѣка. Лиръ одной полой — чело
 въ гробу. Это не юноша, который, укрѣпляющаго
 въ борьбѣ, евова евова съ свѣтлыми евова
 отправитѣся въ путь. Лиръ ~~Голмѣ~~ — онъ вѣрнѣй
 напавуицъ смерти. Зачѣмъ аму тѣрагидъ?
 Тамъ поставленъ вопросъ великихъ поэтовъ и
 тѣмъ вопросъ онъ не побоялся поставить
 себя. Если тѣрагидъ напавуицъ смерти и нѣтъ
 амува, если она не амува амува напавуицъ ли-
 воуицъ амува евова, или что еще чело въ
 равнодушной силѣ, если тѣ, что переживаю
 Лиръ чело въ бѣду, — тѣ вѣтъ амува
 вѣтъ обвиненій а мува. Вѣдѣтъ того, чело въ
 проклинаю бѣду, или, ознакомивъ его
 германіемъ, нечеловѣка евова, т.с. съ Лиръ

в то же мгновение, когда Лира произнесла первую
 фразу своего монолога, во втором, как и все остальное,
 что читатель так и не может понять, что и кому
 Лира трагедия. Брагдес в свое время уверяет, что
 эти слова, как и все остальное Лира, это не
 больше как Лира самого Шекспира, так же
 Лира, что была и в действительности. Таким образом
 пришло извещение — здесь все является: и Лира,
 и Мастер, и Юдиз, и Иуда и Кенет. Эдаким
 возможно придумать объяснение Боле завет-
 ным и справедливым пониманием Шекспира.
 Вообще говоря, лучший способ написать
 такую драму, это — вписать ^{се} действующих
 лиц в собственную жизнь. Приписать такое
 свойство Шекспировским писателям значит
 безусловно обидеть их. У Шекспира каждый
 лицо говорит о себе и о своем собствен-
 ном имени, ибо у него каждого лицо — особый
 человек, со всей своей самобытностью. Неудивительно
 было бы, если бы Лира, как будто должен быть, как
 нечуждый поэт, востановивший свое право
 господства в том же мгновении, когда он
 стоял перед простыми людьми и будущи-
 ми морями единственно заветным, что же дух
 ждал и сражение собственными силами.
 Эти и маленький писатель не соглашается. У Шекспира
 Лира говорит лишь то, что зарождалась
 в его душе, в том же странном моменте.
 И той способностью ^{и поэзия} (подсказывает недосту-
 пной всем голосом человеческой души его драма
 обязан своим чуждым достоинствам. Перед
 нами все время сама Лира, которую Шекспир не
 подкажет ни одного слова — не только в изложении
 прозаическом, но даже и в поэтическом. У поэта
 один закон: правдиво воспроизводит чувства и

[illegible]

покинул Лира. Но Лир знает, что никто из него
всплыва, что нулево отбрасывает. Но она жила,
как родилась в его душе кагорной ароматной,
как умиль он, Лир, никого, кроме себя не
знавший, абыть пере всего мира, спросить у
неба оправдания за тех людей, которых
он прежде не считал чужими и сестрами.

И душа его все время продолжала работать
в поистине направлении. Вдруг повернул отсюда;

„Как правда светлая оплоскалась из предели,
Разсудом с поистинностью умиль“.

Откуда-то взялась у него эта светлая правда?

У Лира, который никогда о ней не думал, кото-
рой считал чуждым существование и чуждым
король — и всеми против людей и божьими всегда
убежден, что король все — а прочие ничто, лишь
руки для его величества? „Сказки как

судья по темным изобретениям надъ убогими
ворона? Случай, что я теперь скажу тебе
научно Переменили миста: которой теперь из
двух бор, которой судья вора? Видан ли ты
как собака лает на низаго? И толико бл-
асит со всеми пох от собак! Собаки они
должны слушаться: она — властв. Это говорит

король Лир! Король, ~~всего~~ которой ни-
когда не знал ни низаго, ни судьи, ни
вора, ни собаки, и паки как по темным одре-
занным сообществам, в которых все это,
поряду с этиками, изобразилось в виде
всепокорный и иль приключилась ему. Откуда-то
приним
звук за стол корольное время в душе
Лира эта светлая правда? И доказана

Этой поимарь и т.д.

Все это отголоски глубоких, потрясших
всего существа старца, переживаний. Отсюда

тыся дурака, что не признаю себя меланхолическим
 Яска, ^{это} ~~даже~~ не признаю ^{самолюбивым} (сам яра, — что
 яхте великой души, у знаменитых человек братья.

« Ничто в мире виновато! Ничто, и знаю.
 Я заступлюсь за всех — закину и рта доносчи-
 ков! Потт величайшая из существующих
 мотиль. А что, поворачивает, не Шекспир во-
 ворит, а Лир, перед которыми еще недавно
 были все виноваты, даже французский король, Корнелий Конт
 Это та святая правда, которую узнаешь,
 можешь узнать человекам мисс тогда, когда
 Ближний перестанет ему быть чужим,
 средоточие для его чужих, когда он поймет,
 что все люди — люди, все короли, которых
 болело, когда из обилья ты, которых отра-
 жалось, если из мучаешь жид. Лир узнает,
 что мир населен Лирами, Королями, что
 повсюду человек может и должен быть
 носителем всего того человеческого права, ко-
 торое принадлежало ему когда на его юн-
 ва была золотая корона. Потому что
 в его душе рождается тотт могущий протест
 против зла, извечного человека до про-
 тива, голого, глупого животного. Он не
 за себя уже радуется, а за все человечество.
 Он ищет убийцу от позора, падающего
 на голову людей — и так ищет, что не
 может его не найти. Для него потт запрет-
 ный, он возмущается против всего. Стыдому

241

Нико Гюстери он говорит:
 Когда ты плакаешь хочешь или нет,
 вери мои глаза. Мел и знаю:
 Но Гюстери не боится. Будь же ты верен;
 Но знаешь — от невинности на на слез...

Белый бел.

Жизнь, в таком ужасном виде, в котором
 она ему представляется, отвергнута им.
 Не зная, что покончит со ней, что
 не знает небытия. В этом - во всей пла-
 чотности и силе. Любопытство ищет само-
 убийства. Выходит из «короля» оттого, что
 не «а» великою идеей отстаивать против
 людей и природы права человеческого досто-
 инства не сможет прийти к нему, вы пла-
 чете, что-то что-то ропщете и жаждаете
 поскорее развязку - хотите сброситься
 со скалы в море. Дурь от этого и не
 думает. Смерть не удовлетворит его-за
~~оскорбленности~~ вы должны понять, что про-
 зойти с ним, хотя бы для этого ему
 пришлось пройти через весь ужас безумия.
 Вы должны пойти в своей душе, что проти-
 вупоставить жизненному злу. Вы король
 души, хотя расправа принадлежит воль-
 ным и дочерям. И все страдания вы внесете,
 всю глубину жизненных ужасов и неприят-
 ности, что самого из дна, все узнаете, очень боитесь
 ослепнуть Любопытство, что они хотят знать,
 хотя бы при этом не было утешения в небытии
~~или безумии~~. Дурь не хочет быть безум-
 ным и даже не понимает, что осердит.
 Ужас вконец все обнаруживает перед
 ним жизнь, тем же изречением просветит
 вы своей волею.
 И вот перед нами последняя сцена четвертой
 главы. Дурь прощается и уходит пере-
 собою Кордону. Безумие прошло. Жизненно-
 натура еще. Король оправдывается своей пред-
 ставшей ему отравленной загадкой. Дурь со
 своими ужасами, Любопытство и Радика до сих
 пор остаются, бурная ночь, прощание с ней и

§ XXVII p 242

и безпомощность в настоящее время, уже не вол-
нуют его. В нем уже важнее иная, охот-
нее душевная работа, которая притесни-
ла бы отбросить на вопрос. Он не может при-
помнить, что с ним было, он спрашивает
окружающих, где он, падает перед
Кордией на колени. Он называет себя
безомыслитным, мучался стариками,
просит, чтобы над ним не смели сме-
яться. И над этими вещами — вот тут-
то уже теперь — крестом объяснений, покаяния
и покаяния — всего его мучит. Лишь еще узнает
что-то, еще покаяние такое, что он правде
не знает. У него есть эти противоставить
теперь всем учасам ^и судьбы и смерти Кор-
дии. Он хочет изобразить в нем от муче-
ния — слова. Это при таком — ином
объяснить покаяние действия. Франсуа
готовится по поводу этой коротенькой, но
покойной и охотливой прелести сцены, за-
мечает, что она в этом производит боль-
шее впечатление, нежели на сцене, и то
в том обстоятельстве, что отсюда и до
становится на колени друг перед другом
заканчивается Ахиллес элемент, возмеща-
ющий при катастрофе и катастрофе невольный
смерть. Это эстетическое соображение совести
Вирреда^н к его критике, изданной пред-
ставителем из себя

Как поразительно, что Искендер написал
возмещение неужели Лира отъяснил.
Посты всего, эти воняющие пороги, и ахил-
лы не осмелились до сих пор вернуть
сознание неослабому.

Конечно, только Меншиков мог сказать так
 много в столь немногих словах, но тот, кто
 предполагал в нем суровое отечественное,
 тот потерял и жизнь и понимание трагедии.
 Все это, хотя и написано Меншиковым, — все это
 принадлежит Леру. Тому Леру, который в пер-
 вом издании у нас еще не успел выделиться, прозо
 выкидывал, а не царства, так от себя другим
 людям. В это время родились новые, новые талан-
 ты, ~~и~~ Гурьев, думая, получая от нас, не
 потеряв свой стиль, получила все прекрасное на-
 правление, человеческое содержание. Это же резуль-
 тат, который был уже напечатан автором
 поэмы еще в третьем издании, когда на-
 правление трагедии достигло своего предела,
 обличает все. В нем слышны тогда, что мы
 называем трагической красотой. Если бы у нас
 обрзались на бедную голову старца — бы бы
 в том случае, случаи, ведущие людей к несча-
 сию, страдания и смерти — то отрагическая
 красота не могла бы быть прелесть. Но поэма
 и наоборот лишь отрагическое безобразие
 Меншиков торопился не знать. Он говорил лишь о том,
 что видел. Он ничего не искал и не пытался
 или оправдать, но он умел лучше видеть,
 чем кто бы то ни было и его взор не ут-
 рачивал своей зоркости даже и тогда, когда
 все люди уже ничего не видели. Можно поэтому,
 а не потому, что он был так близок к себе в обязан-
 ности исполнения эстетического или какого-либо
 иного закона, это же правды в ней и не расхо-
 дились так как писал трагедию Лер. Выходит,
 но безобразно и много назревает ~~и~~

[illegible]

Что он умел бы увидеть в боли, а не по-
тому, что он присоединил к ней что-то
то и было. Если он отослал закон, то он
уже не считался не из божественных случаев,
то это было потому, что там есть этот
закон, который мог бы не в силе разме-
нить. Если судьба Лира, которая все еще
казалась судьбой человека, которому раз-
бил голову случайно оборвавшийся еда-
кирпич, оказывается опасением
жестокости его души, то это ~~то~~ не драматиче-
ский Мексипир украсил кирпич, а зоркость
поэта проследила вплоть до той точки,
которая привела кирпич к увещанию.
В Король Лир Мексипир возвращает
великий закон всеобщности и великий
закон великого мира. Случайный кирпич, если
трагедия Лира не оказалась случайной. Это
идет вразрез с тем, что вводится, но
лучше естественная наука - но Мексипир вправе ска-
зать свое слово вправе потребовать вни-
мания тому, что он говорит. Современ-
ный реализм не имеет спорить с наукой,
он ищет ее. Мексипир может дать
ей новые пути. Ибо он знает все, что
может дать наука философия и бытие
опыту назад уже отверг все иные способы
исследования, кроме непосредственного
наблюдения. У науки есть превосходство
своего исследования в отношении мира.
Но спектральный анализ дает опреде-
ление функций развития человека она еще
не создана. В нем живший человек только
младой, и десятилетия поколений, обробо-

245

245

ший той точностью и чуждостью душев-
 ной, которая дает возможность по мно-
 гим видимым чертам воспроизводить
 невидимую сущность, не пытаясь никак
 нить инструменты для своего психического
 анализа. И его результатами мадригал
 горюхит, как бы самонаблюдение соврещ-
 щает своим. В Мексике должна начаться
 философия — как обзор жизни, ^{Естествен-}
 ной науки и истории, введем в мир.
 Это — половина дела. Вторую половину —
 едущая Мексика. Если же введем по-
 терянную еще — это не значит, что
 вы не найдуте принципов и это не а-
 нованье изводит Мексика. Наука
 знает лишь часть жизни, изведовав
 лишь внешний мир и начала тайных законов.
 Мексика знает законы для внутреннего
 мира человека. Наука объяснила падение
 Иерихона и из этого заключила о невоз-
 можности объяснить Король Дира. Как
 Дир объяснен? Объяснен Мексикой, от
 которой ^{был} законности объяснен природой
 Бога не меньше, чем из любви из
 современности учения? Введя отсюда оди-
 нау должна отбросить свой старый, забв-
 той доверь величайшему из вещей
 живых на земле жизни.
 Последний момент, Дир — смерть Нордлин,
 как на говорили о нем. Если трагедия
 Короля объяснена, то в жизни есть "миссия".
 Теперь на свете, в жизни — но по-
 ветривать с ним и акциями учения:
 вы не сможете нас. Нам будет хорошо,

им

тишину, болото - по отчаяннїи, то безум-
ные отчаяннїи, которое охватывает нас
при мысли, что человек только тогда,
когда, глубокие земноводия, что мы для
Бога, что люди для вещей тишины - эти
чувства будут намъ незнакомы. Мы
поймемъ, что вселенная - эти непрерывны
ростъ, что удары судьбы - самые страши-
мые вещи пробуждаютъ человека. Этомы
теперь же, которые вдали насъ и либа
или безмыслию судьба влечетъ, поставила
безъ проводника, а существа, сквозь мракъ и
страдания идущие въ свѣтъ. Эти конечны
потери не должны ~~стѣнать~~ пугать насъ
и заставляютъ опускать руки. Это Мироз-
даніе имѣетъ ясную, доступную человеку
жизнь. Страдания необходимы. Они то дерево
познанія добра и зла, отъ плодовъ котораго
некогда наши предки, впрямую, отказались
вкусить, не смотря на ихъ простоту и увѣщанія
Змеи. И до сихъ поръ люди боятся этихъ пло-
довъ. Имъ хочется инерции, покоя, они довольны
безмыслиемъ и пробнымъ существованіемъ. Эта
физическая лѣнь, эта инертность, это упрямое
нежеланіе видѣть данности нами нами и са-
мимъ нами обуславливаетъ собою все наши
страданія. Это та роковая "звѣзду", на борѣ
бури которой воступаетъ ~~внѣшняя~~ ~~физическая~~
трагедія человека. Это не болѣе, впрочемъ
менее, можетъ быть вдумавшись
въ ходъ нашего развитія, тѣмъ болѣе ма-
лоубѣдитель въ томъ, нашу роль играютъ го-
ловные потрясенія. Мы поймемъ, что влечетъ
къ тѣмъ потрясеніямъ что все влечетъ насъ

это не естественной береж, в которой разбива-
 ются чужие лады, бродячие бродячие сви-
 вотники, а форма, в которой вливается
 душа людей. Здесь на змее мы видим чуж-
 дый ствол с горы и тучами, но не даю-
 щий в руки чуждого света; говорить мы
 не хотим своего жизни погубить печаль. Мысли
 засоряют нас. Признавая все горе, отлитые
 тонкости, как мало счастья впадет на долю
 людей — признавая даже, что самые названия
 нашей жизни, погубить жорби и плача "правильно,
 вы утверждаете, что все это не случайность.
 Это все это нужно для самих-же людей.
 И не только утверждаете, но демонстрируете
 наши таинственные образцы человеческую жизнь,
 что и то, вступая за них, не можем не
 признать в видимом хаосе гармонии и
 смысла. Жизнь есть молча, в которой мы
 совершаем вечно, и роет, читаете вон в не-
 ботных книгах человеческих судеб, в со-
 чинениях Меншера. Для него нет стая,
 связь которой вы не могли бы прокинуть и
 не давая бы возможности и там, его чита-
 телям, прокинуть. Если так, если чело-
 веческая судьба осмысленна, то задача наша
 чсна. Мы не должны страдать от страданий
 и избирать приятных путей в жизни. Силою
 и бодро можем мы бороться за то, что мы
 считаем лучшим и нужным, как это со-
 лада Норденфа, как сражался Брунч. И
 утасит не только не должна путать нас, как полагают,
 она должна манить человека.

Нонцов по вынуждению — иногда с радостью,
иногда с промолчаньем. Но нужно ему пови-
новаться несправедливо с радостью, или ввер-
нуть, что то обстоятельство. Протесты против
этого приказа, по Канту не имеют
бы не допустить ~~не~~ возможности,
во чтобы в человеке не было нежелания
не повиноваться этому странному закону
культуры бы исключительно затянута, чтобы
не ~~была~~ изгнана степень его власти.
Философы, исходящие из (математики, т.е.
самой абстрактной науки) серьезно были
убеждены, что (лучшая часть народа имеет
быть оказана) этому будет оказана вели-
чайшая честь, если и вознесут до самой математи-
ки, если правила поведения бу-
дет приписана безусловности математи-
ческих аксиом. Но эту идею могли и мож-
но, конечно, прийти и в голову. Каждый раз,
когда воздающий поэт подгонял к мате-
матическому императиву, — это означало, словно
ушолу или, следовательно затянута, чтобы
подорвать ее безусловное значение и отвести
ему исключительное место временного регулятора
теловещеских инстинктов. Наука всегда была
иногда готова к такой власти, кото-
рая была бы противна всем его душев-
ным стремлениям. Он казался, что чужд
было прочно будет установлено разное
„половое“ над людьми, тогда лучше будет
схитрить на свете. Вряд ли думаешь
ученые „естественное право“. А что такое
естественное право? Естественный закон
гарантирует, естественной гордой! Как старое

императивы, по своему внутреннему смыслу,
ровным счетом соотносятся с тем, что есть
натуральный закон. Но эти этикетные этикетные
философскими терминами и секретом
этикетных тайных полиции, ссылок, и т.д.
наши и главнее еще, ссылок, т.е. ссылок.
Вопрос казнить виновного. Несомненно,
что порождение и самодария всегда существуют.
Вопрос. Несомненно и то, что на этот вопрос
императивы т.е. духовная полиция т.е.
не возмущает Кантов. Философы прина-
длежат к числу названий "естественных" т.е.
неизменной, необходимой, вечной, порожден-
ной самой природой и потому и существующей
в своем непреклонном виде до сконча-
ния мира. Мы же убеждаем людей, что
их задача только соблюдать полицейские
правила, а не мечтать о том, что, когда можно будет
"всех приказывать", в том числе и кантов-
ские императивы, "по боку - и из чорту",
послать заодно с провозом, хотя бы и
естественным.

Сознательную попытку отделиться от
кантовских императивов мы встречаем
уже, между прочим, еще у Мольера. Это
Дон Жуан, говорящий, что духовная
полиция сильна только человеческой сла-
бостью, просит и откровенно возмущается.
Впрямь только в то, что является два чета, а
два чета чета - восемь. И тогда уже
никак не выходит, что не нужно и т.д.
Кстати еще, как очень умной гипотезы,
подумать и то обстоятельство, что
почти все люди наделяются кантовскими

Нис императива и расплативаліся з ними
разливною монетою - ханомствою. Хитрости
не въ натурѣ Якута. Какъ только онъ
убождается, что нѣтъ горючихъ императивовъ
вырости не по воли его души - онъ тотчасъ же
предлагаетъ имъ погнѣ въ отставку. И безъ
Всего этого, очевидно онъ себя, такъ заботливо
ограничиваетъ себя? И онъ, Дюк-Якут, по
природѣ прямой и откровенной чести, на-
чинаетъ читать и лицензиритовъ - и можетъ не
такъ, какъ Яко или Ричардъ III, а со 96ой поимки
наказанности, и не философомъ. Ему
оставляется безконечная радость сознанія,
что онъ одержалъ победу надъ катогори-
ческими императивами. Становитъ, ахъ, какъ,
какъ Якутъ уверяетъ своего отца, и не
принимаетъ неправды и верить въ Бога,
приходитъ въ ужасъ, отълично понимая,
что его баринъ изгнана надъ свѣто-
матки. Онъ только и восклицаетъ: "Вотъ
человекъ, ' Это - человекъ! ". Якутъ не из-
мѣняетъ себя. Онъ любитъ и брату своей жизни,
все его пахъ на Бога, въ которомъ не верить,
и портитъ, убивающаго за грѣхъ и не
можетъ достаточно караждать тому что
наперво онъ уже победилъ въ себѣ послѣд-
ніе предубѣдки. Притомъ онъ губитъ манжуху
убивая на дуэли людей, того чувствованія
по все таки для него еще существуютъ
много правилъ, которыя онъ считаетъ абсо-
лютными для себя. Теперь онъ варваръ
совсѣмъ изъ власти нравственности.
Законоу почитъ не честию, и бѣдѣ
знатна и богатѣ, Бога онъ не боится,

Красоты и отъ вѣрности за борту. Дви-
 жуны освободили отъ вѣрности и отъ вѣрности, связ-
 вать вѣрности человека. Въ сѣнѣ до-
 вѣрности законъ и разпачебно не хотѣтъ при-
 нять надъ собой никакой связывающей власти.

Нѣга ему надѣваетъ платъ предъ братомъ
 охоты, въ вѣрности начекаетъ говорить своимъ
 наемнымъ и законнымъ и въ принимаетъ со-
 вѣрности и убиваетъ его. Но вотъ постои-
 испанцы: въ вѣрности командора ухаживать
 и командора приходить. Предъ вѣрности Жуаны
 охоты рѣдъ стѣржати видѣний - и изъ
 въ вѣрности. Въ не хотѣтъ дать и въ власти
 надъ собой. Канонъ, командоръ тѣрѣ при-
 чаетъ вѣрности Жуану погнѣ иу руку -
 вѣрности Жуанъ противѣчаетъ свою руку. Въ не
 признаетъ надъ собой власти канонного вѣрности
 и правивается вѣрности охоты.

Очевидно, Кантъ не представляется возмож-
 ности существованія вѣрности Жуана. Въ пред-
 ставляетъ адъ родъ человѣческій прибли-
 жительно ^{станарный} ^{огу} ~~Римъ~~ ~~Авраа~~ ~~Котъ~~
 родъ канторический императивъ, Кантъ и
 право, съ своими воображениями и гнѣтѣ-
 тельности сѣнѣ, тѣ. упрѣзненъ собствен-
 и городовъ, всегда охоты вѣрности формальной
 ухоты. Но, что гнѣтѣ съ Жуаномъ, котѣ-
 рою погнѣтъ руку командорамъ? Въ вѣрности

250

Кенигсбергский профессоръ не подумалъ.
 у Мексепира-чи Борбѣ ^{Кенова} ^{съ канторическими}
 императивами посвященъ, Манбетъ, ^{огу}
 ит. Манбета такъ сравниваютъ съ Яго.

251

Оба они тѣрѣ "зодовѣ" и потому, говорятъ,
 изъ гарантъ не направились на сѣ-
 не. Французъ говоритъ: "Яго - въ сѣнѣ" 6/0

Большой великий стили, чужие во всем Мамбети.

Это - в этом характере больше глубокомыслия

и знаний философской души, чужие во всем Мамбети.

Это - самый великий стиль. И еще: „Это - это

разрешение вечно вечно вечно; он говорит

это из нас напоследок вводит дружию, мучи и не-

частия дружию людей говорят ему во все стили. И

это все, во все стили. А дружию такого - не рога

замыслия приводит критика и замыслию

и злоба - это первая факторка вымышленной про-

тегии; чуждость - второй. На этих двух осно-

вах по кончим главную массу всего земного зора.

Для такого стилиста грешного вечно вечно вечно

но больше не читает Мамбети, не читает -

мучи бо на критике, что это достаточно вразу-

мительство вечно. И еще: „Великий стили.

В это; в это больше глубокомыслия, чужие во

всем Мамбети. Если разрешено догадываться,

что именно так расположено критика и

это, и отсюда и от Мамбети, то мы поз-

волим себя снова вложить в критику, которую

судебно вечно означать такую полную услугу

дающему критику. Это накладывается себе

взгляды Барбюса, Мамбети не по праву критику, но

эти драматургические частой сего на фавла

доест на правую сторону так же как обвет,

когда ищете путя в злодеем в доброту, в частой.

Мамбети мучи, убийца дучкана, потому

отлично устроены, говорить критику и крити-

риты своих нападений с собой мучи

правильно. Но „моральной тенденцией не все

исключают эту возможность. Мало слов, и

и исключено изуродована, и моральной тенденцией.

Эти о Мамбети и Мамбети. Английский критику

вред так отзовется на этой трагедии:

и как величайшее произведение человеческого искусства. Именитый
профессор Гегель; это — величайшее возмущение и мучи-
тельное драматическое действие, существующее
в мире драмы. ^А В датском критическом, петербургском

1) По обществено положение Брандесу принадлежи
свободен.

и не считать советской тенденцией говорить о
изуродовании, правда, и в истории. Нравственност
это вкупле для Бриндеса, и бо она отменяется М
Фридрих и не вистит. И выходит, что во время
фигуры это больше глубоководия, чем во время
Манштейна. Но тенденция восток

Уже по этому одному, титанизм, знающий Макбета,
по имени, что ^{детский} ~~(прямых)~~ не может вассет
¹⁷₁₆ изъ At этой трагедии. Но мы не находим

Мексика, да еще в „Ламбетт“ мыслять только
по пуанкаре вострагивать. В своем обиходном, Мексика
и правды и прощай. Выходящая правда то, что Сидни

Нужно отъ оставивъ въ себѣ подробно на это разбора,
такъ бы было, что бы нѣтъ любопытнаго и при-
ставлятъ не только для характера сентиментами и,
но и для характера сентиментами самого Брандеса. Въ
такъ бы дететическій, бывшей частью уже не только
соображений, и есть глубоко раскрытіи и не сирок-
скихъ пастристей (обязательно по сентиментамъ),
историческіи справки и т.д. И наоборотъ, прино

и тесса ~~от~~ эта если не величайши из произведений
Мексиканского искусства — то все же, одно из самых
великих. История Маттеотти — правдивое изображение
того, что ^{символизирует} соответствует (характеру, воспитанию и на-
^{шему — всеядности и неграмотности}
убогости, что убивает нас и не только не менее
(совершенный) убогий. Бродяга убитый со своим

Коллективизму посвящена, представляющаяся графический и поэтический психологический материал, чья почти все, что
вошло из пар. великого поэта.

[illegible]

Может быть это слишком широко знает и учено
вообще, лишь незначительная часть знает
Горьба непосредственных желаний ее предположений
о будущем. Но уже видно, что в развитии, особенно
не будучи возмущенной, вступает в условия, а не
на подвиг, все же учить ее разбудить от этой безразличности
функциональной аналитики. Она уже знает, что не
быть воспринимать и изучать судя, что есть нечто кроме
нее, и тогда, быть же фотоничной. Козначий естественной
вероятности возмущает в человеке эти функциональные
потребности, которые неизбежно ведут к развитию.

Въ Богослуженіи случайно, совѣтъ обоимъ ируно-
дѣтелямъ условно, не давалъ ему совѣтъ. Удерживалъ
его отъ постыжливости, потому что онъ самъ себѣ признался. Это

Впоследствии раскаялся. Правда, совет, как и
законы, часто ивзлаас очень выдерживающими
интересами в развитии. Работы в древности
опирались и на право, и на ^{совет} законы. Поэтому-то
сильные люди не принимают безоглядно ни
внутренних, ни внешних корин. И поэтому
столько убождается советом, сколько сознанием
своей непригодности, так при проявлении при
равнении отчасти противу формализма. В Норв-
лаге прино порождает с предания. Но, повторя-
ясь, совет, т.е. безоглядные предположения при
правлении поведения, заставляющие с одной
~~для выноса слабых~~ ~~сущности~~ ~~средних людей~~ ~~суть~~
тот есть условие существования. Побуждающему, сущности
Многие люди, и в жизни людей она оказалась такою
присущим фактором. Она сближалась почти
с человеческим существом и борвалась с изгнать тать
можно было только с сердцем. И поэтому, такая
параллельная она не могла не привлечь к себе
внимания поэта и философов. Непт, как на
видим, приняв в толпе за голову разума
и таяние вразумление создает свой матери-
альный императив. И ~~он~~ Империя отожеств-
ляется, как властная совет над человеком,
но это не почти ничто сущности существа.

249 -- mason

Уже исторический императив парализует Мак-
бет, но и тать не может не возбудиться в само-
облагодетель призыве.

XXIX p 252

Макбет - не воин Макет, проседе потерпевший в пере-
и теоретически уничтоживший нравственность, и
этот не имеет вразумлений но и над на посто-
нох. Макбет и не это, который никогда
ни в небо, ни в ад серьезно не вступил. У Макбета
совет на столько связан с его существом,
что бороться с изгнать он может только с самим
своим сердцем. Но болюмных, туть и разбойник

примеде всего потому, что у него нет тех прижили
не быть негодности. Категорический императив,
т.е. собственн. для него, что для других людей про-
шла светской вменяемости. Они возбуждают тѣ
въ немъ лишь одну наставку и дажи негодности.

4/6

162

252

Конечно, есть тѣмъ пороки,
Которые, почти только рождаются
и пользуются, влюбленности, евы
Презрительное ласкательство, наклонности
Работаютъ изъ за одной лишь пиццы;
Идутъ они состязаться - вонъ самъ
Сейчасъ иль тогда. Напикали на эти
Всѣхъ гестовъ помысловъ! Но есть другие,
Которые порока своей верной сущности.
Справедливъ мысль посылить абы,
И, господать отълично уведомля.
Улучши востановить видимой, малы тѣмъ
Свои дѣла ведутъ съ большими успехами;
И понабавля кармана, нажимаютъ
Самими свои сущности и утомляютъ.
Вотъ въ этихъ - тѣ люди есть зрѣвой смыслъ
И въ этихъ тѣ какие принадлежатъ я.
Вотъ психологи яко. Люди идеи намеру
уменьшить тѣ. Да и собою одежды и любови они
только по написанию знаютъ. Для него это -
мысли какъ
пущены слова, которые непременно, какимъ путемъ его
направляютъ его дѣйствія. Нарбаитъ эти цѣли,
для него тѣмъ самымъ не трудное дѣло, ибо они
для него менше прочны, тѣмъ научити на. И учено
образуются свои сознательная личностная
философия. Какъ видится читатель слова
Брандеса, что яко, дѣлается это и наставки
денъ вредитъ другимъ дѣлается - и не только
на яко, которого репутация не пострадаетъ
отъ новой обвинения, на главны, ка человѣческую
природу. Нали теоретическіе знанія, артиста
въ преступлений, какъ непорочное люди. Но яко
все принадлежитъ къ тѣмъ идеямъ, въ ноты

разъ есть здоровый смысл и, конечно, не станем
зело по тать о ревности втисно ^и имену ради
офного искуства. Это — человек, не связан-
ный ни узами любви, ни узами долга. Лю-
бить он не умеет. Долгу его не научили.
И его философия есть именно то, что подна-
зывает ему здоровый смысл. И в ней много
правда! Разве эти влюбленные в свое пламенное
любви не заслуживают презрения? Разве
они не отказались от своей личности, не
спасовали перед призраком, попытаться, темноту,
что люди называют „догмой“? Из добро-
дети — наивность. Вь вярка — лишь потому
что не смьють и не чинують сопротивляясь.
И эти то „честные подвизы“ „большинства“
играют в драматическую игру с самимими собою.
Впрямь из тчотит подкал, когда аказа-
ваются несколько сивны с запроса из души,
правда, объективно душевной складъ чело-
вечна ивлает кобою строгую сосредото-
ченность. Овца, лишенная когтей и зубов,
т.с. средств борьбы, не имеет надежна и про-
тостью. Это и то, на что очень пропизативной
человек, понимает отливки. Это честная
подвизы это именно та овца, кротость
которой ^{или} коренится в безвильи. Они зна-
ют только много „пелоза“ — и пинадики
путь, ну и с. „А человек не может и не
должен ^{вдти} жить (т.е. что) пелоза.“ У него должно
быть что-то какое-нибудь положительное
содержание. Он должен напоить своего
жизни, как бы себя чать, что ^{он} оротъ отдает
свои силы. ^{хочет} Отдать себя всецело другому —
значит обозначить себя. Ини одних чело-
век не вправе принять такую асертиду
вот ^{близости} близости. Долг, обязанность и живет

своих лиц тогда, когда они выражаются
собою в значимое отношение. Но, если есть
люди, требующие себя во имя долга всего
человечна, то есть и такие, как Ано, кото-
рые без всяких ~~апп~~ теоретических осно-
ваний готовы, при возможности, законодатель
на свое учение всех, кто дастся им.

У них прав и юридический, и нравствен-
ный пат. Но они в то же время
себя иным способом борются. Они призывают
на помощь чужих и их терпят погребения
в борьбе с такими же людьми, как сединок-
и прав и нравственности. В Риме, на
политике, патриции были победив при
принципах законов и традиций. Это одних
способов открытой борьбы. Патриции мучили
победившие, чужих Ано свои жертвы.

Тюрьмы, ~~даже~~ продажа в рабство, даже
разрешение на частные допросы
были способами средств борьбы.

Ано тогда дошли до того не идеть.
Несомненно, поскольку преступная чело-
вечна это то, что имеет характер всего
попавшего. Еще в древности, вступая на пути

арестантов и ссылаемых, с оружием и
ружьем, с оружием и лицами, чуждыми
борьбы, с оружием и оружием — но при-
чине думать, что злодей есть и тот

страшнее *an sich*, кто собствен и тот же,
как другие люди. Ребенок, видя аресто-
ванного преступника, всегда со страхом

и аффектом в сторону. И затем, в те-
чение всей нашей жизни, мы так далеки
от преступников, что не представляем

никакой возможности нести в себя
ни правды в свои предрассудки. В старину

Говардиана, что уговорилна Агата была,
и уличилна Агата черной. А теперь по-
ложит, что убиты души Агата, а упрес-
тупилна черной. Это и Брагдесъ вра-
жилъ въ своемъ замечаніи, что Агата
было зло ради зла. У него души черной
и, какъ говоритъ Мелеръ, въ, похотѣ
быть упрес-тупилна. Конечно, ~~Агата~~ Мелеръ
Мелеръ, но и какъ и всегда въ своихъ по-
сѣхъ съ упрес-тупилной толкостью изобрѣса-
етъ какъ и то, что въ Агата является духъ
группы и то, что въ Агата на самомъ
группы. Для Агата онъ полудраго. И потому,
Агата его упрес-тупилна. Это еще можно онъ при-
думать? Сперва онъ вспоминаетъ Агата
у прес-тупилна Родриго, потому и изобрѣдетъ
протѣвъ Агата, доводитъ его до безумной
ревности, пугаетъ Агата, убиваетъ Род-
риго, свою Агата, и упрес-тупилна на Агата
Агата. Поступилъ онъ столько упрес-тупилна, что не
могутъ Агата не окраситъ своимъ цветомъ
и души прес-тупилна. И Агата какъ и то, что
это упрес-тупилна, иначе и то, что
создастъ. И на Родриго, Агата Брагдесъ,
приписатъ ему почти драматическія
подвѣдены. Ему, Агата, человеку, въ которомъ
надъ Агата преобладаетъ здоровый смыслъ,
т.е. сознательное стремленіе уладить свои
Агата и добитъ возможна Агата по-
ясеніе! Въ Агата ^{ваш} Агата изъ Агата-
ній Агата Родриго упрес-тупилна Агата
возможность Агата толкованій. Мелеръ
въ самомъ началѣ раскрываетъ предъ нами
душу своего злодѣя и какъ Агата Агата
Агата Агата упрес-тупилна въ Агата

то, что почти так было изображено пред
нами. Что бы подумал это, догадываясь, что
не дождется божь, ну, конечно не забывает, что
бы то-ли, что и то. Когда в последнюю
дружеской приводают на сцену связанную Яго,
отец ругает его, что он узнал, вправду
ли он горит. После всего сего поговоришь такое
подозренье ~~всех~~ ^{несчастной} в сертве его козней, не
может вызвать упрям. Но не должно упустить
абсолютно преступника и так не исключает
различия между отцом. Яго, старик, не
меч, божья миссия, чужие океаны, чужая и голода,
для нас не страшной преступника, а человек.
Вид не стал и так теперь, чужие божья прише,
когда еще отращивает бреша рада преступ-
лений не мешало намечать. Вид тот же, что Яго,
но не так чужие. Пред нами Возвращения, не
но нависла от руки отцом, пред нами ~~какая-то~~
мий зарывавшийся благородный навстречу по-
убийца, ~~какая-то~~ ^{какая-то} поразительная миссия
инквизиция, намь рассказали о смерти Родриго,
нависла от руки то-ли Яго. " Нечестно
строго лица для того на свете, что-то грешит! "
готово было воскликнуть всегда во отцом.
И так всегда бывает с людьми. При виде
отражающих событий, они только ужасаются,
и виновники их оправдывают одних и тех
же и что до нас, лица ~~какая-то~~
чувство мести, которое мы называем зако-
ном и справедливостью. Все почти, которое
предусматривает человечество, кажутся негос-
та- ^{точности} ~~точности~~ для "горячего сердца... "
Отец, убивши Возвращения, говорит, что он
ничего не совершил из неосторожности, что все
сделал из чести. Что может сказать
Яго в свое оправдание? Видно, что он на

то, что поговаривают втелю и Кассио в связи
^{жизни} со своей жизнью, как бы почти разнотелом
 охотой за жизнью со своими теориями, говорят,
 что сами вступили в возмущение, но в от-
 личии понимают, что все это у него отго-
 ворки. Дожи не отговорки — а такая пичужка-
 ние отговорок на пичужки вопросы. Для
 него самого совершаемых или преступлений
 вовсе не преступлений, раз так или иначе
 случаются у него как бы отговорками. Это
 влечет к себе великое одиночество. Правда, он
 знает, что образ его действительности возведет
 суровые нарекания в людях, но до этого ему
 мало дела. Внутренних препятствий
 для него преступлений у него нет. Когда-то
 он видел, что с ней он справился, взо-
 шел, одно: нежность к жертвам. Но отсюда
 она возмечается к нему. Он убивал людей
 на войне — теперь убивает во время мира.
 Времени. Преступники это есть, лишь разное
 выражением личности, а не дьяволы.
 Кассио не убоится. Ибо во первых его
 связывает душа, который разрыв не имеет
 ему убивать только на войне, и выжи-
 вает в обязанности верности; а во вто-
 рых, ему никогда не придет в голову
 идти к своим целям не теми путями,
 которые идут другие. Когда он ли-
 чились мистическая — он остался
 приставать к просьбам и в возмущении.
 И Кассио — это по сути провинциал
 Кипра; а Яго — предающий патронташ.
 Между ними разница, а между ними много-
 ли разница в том, что Яго силится, а по-
 тому и много силится, чем Кассио. А тут
 душа, которой ему чуждо по природе его и но-

256

↑

торой болыи интву его добродетельных
товарищей чужды не мысли, вь осми-
слили порвать. Динили, видя свою безде-
лную задуманность, и узнали, что пришло
ей смерти. Но, говорит, божье пожеланье
и домой уже не вернется, и, вопреки долгу,
принимавшему ей божье сие пожелание,
обликает мучаю. Тут же непосредственно
чувства, глубокая потребность общения
жизни, возмущение против злодеев -
динили ищет на встречу смерти. На
динили, для которой мир был слишком
дорогой вещью, чтобы так легко за-
"маленький проступок" изжить мучаю.

Куда ей не поворачивает загибать свое
воспоминание. "Чужие Небеса, чужие люди, чужие
все, все на меня возстанет враждо, и буду
говорить" Тут же признание, что ее
мучающей, тут же человеческое чувство и простому
жизни, почти возобновляется почти
поцелуй, от которого в сердце много для
подачи. Как исторический император, и жи-
вущий Корни в нашей душе так перемена
ций божье императоров, приобретает
каждоричности!

Это сильный человек, в нем есть душа
ной жизни, нежности, зачастую и вливающейся
основой человеческой добродетели. Внз доб-
вастся своему и не останавливается перед
опасностями. В теле предпочесть ему Касию
и этою влеченью достаточно для поручения,
чтобы заткнуть все свои интриги. Внз хо-
чет быть большим, чужие сие дано, хочет богатства,
власти и бороться за свою жизнь тужи сред-
ствами, которые наводятся всю распоряди-

257 *united*

ни вплоть до того момента, пока они не
сважутся. Отобразилось, как и в жизни
и в быту. Возвращаясь, они не уходят. Случается
и то, что сами по себе не уходят, заставляя
их становиться свидетелем их жизни? Оттого они
должны оставаться? Это все люди - тоже,
что и другие. Иной раз для Витория, в то время
они несут в бороду, а ватн и в нем,
рука в нем. Но, так как это за это сви-
датель, то он и в то все держит тайно.
Это люди, которые и тайно этого же де-
лают: их связывают исторический
императив, т.е. повеление душивной пол-
ции. От этой власти не всякий может
отказаться, как бы казней или, испуская
и тайной она не называется. Собственно,
не живущая и не жившая никогда никаким
своим путем, становится для других
нотариусом, серебряным сердцем в
решении. С ней трудно бороться, что вратится
из ее чреда. И поразительно - она оказа-
вается ^{владимир} подобно земным законам, паутин-
ной, в которой запутываются мелкие мошки,
но которую прорывают крупные мотыльки.
Это - порупление и ^с (собственно в нем) ^с ^с
не считается, в то время, когда совершается
взвешивание преступлений. А маленький человек
радости и участия, впадает себя по поводу
каждого случая преступления. Но и в (земные
законы) юстиции и в духовной полиции ^в ^в
бывают такие случаи, когда огромная
масса запутывается в ее сетях. Тогда
раскрывается перед нами зрелище мучи-
той борьбы, при которой почти все раскрыва-
ется характером ^{тот} и роль исторического
императива. Вот это и идет ртуть, в Мак-
бет. Макбет несправедливо богат и силен

думать, думать это и оно несомненно дает
 крепость стоять, в котором он пошел.
 Если нужно говорить о великом стигме, то -
 можно не по поводу это, а по поводу Макбета.
 У это полз гора: убить людей и прийти
 конца в беду. Макбету нужно было: совер-
 шить злодеяния и бороться с совестью.
 Он не философ, как Фомма Аквинский, ему на голову
 не приходится усложниться в правах натуры
 речевого императива. Это власть он призна-
 ет над собой, как связанной это при-
 нять власть своих тюрем, инак и палачей.
 И с ней он вступает, рождается вступит
 в борьбу. Ибо он не все свои существо.
 остается от власти от этого чудного, испуганного.
 хозяина, что-то задрал в его душу и
 говорит ему: «не убий». Не убий, когда он,
 как и это, убивал сотни людей и не только
 не считал это преступлением, но выталкивал
 себя в подвиг. И все это выталкивал ему
 в подвиг и в дружбу: «не убий». Безусловно, это
 Запрещение этого всему душевному складу
 Макбета. Оно непонятно, страшно,
 но арпаны вразом задралось в его сердце
 именно в этот момент, когда убийство может
 открыть ^{вот} ему путь к тому, что он счи-
 тает лучшим во всем мире, а в нем
 всего его испуган. И так, в полн пуга,
 можно, конечно, хорошо убивать, а зрели-
 щно. Если-бы он умел читать и по-
 вестную жизнь, или бы не была любовь
 в душе, то человек вообще трагедия
 была бы невозможна. Он почувствовал бы
 в душе самого себя и когда бы пона-
 сали судьба стесняет его на царстве ко-
 дукаль ему не было бы, и великий человек
 для него не был бы существо, которому

таковыи пучки мнѣтъ, какъ и ему, Мамбету,
а пучокъ, безеодержа тѣлоноснъ чѣтъ, нѣ вселен-
тѣи охраняемос тѣмъ нѣтъ стѣраи пачѣ драки
нонѣ, какъ уграженіи совѣстѣи. И Мамбета
вовсе не рѣшается вопроа-убивать ли дуннаго,
уиерствѣ-ли дуннаму. Онъ заботитѣ мнѣ
мало о томъ, по силѣи ли ему, дуннѣ борь-
басѣ драконови. Кнудогно изъ пиратской
эта психологичъ убійца не изображена даже
и приближенно съ тѣмъ нѣтъ тѣмъ нѣтъ чѣтъ
къ правдѣ, какъ у Менспира. Нечетко Росс
сообщитѣ Мамбету, что ему показавано мо-
роженъ новгородскос тѣмъ нѣтъ, какъ мало
о тѣмъ нѣтъ предсказанной ему вѣдѣи-
ми королѣи новгородѣи ено на планѣ убійствѣ
и вѣдѣи ено тѣмъ нѣтъ воззвѣстѣ въ нѣтъ отрат-
ной образѣ отъ вѣдѣи нѣтъ. Въ нѣтъ вѣдѣи
нечетко вѣдѣи промѣи вѣдѣи. ~~оратѣ~~ сердце,
на голову вѣдѣи отъ вѣдѣи нѣтъ дѣдѣи, въ нѣтъ
подавлена вѣдѣи чѣтъ нѣтъ, дуннѣ вѣдѣи
нечетко, ^и тѣмъ нѣтъ нѣтъ вѣдѣи дѣдѣи нѣтъ
нечетко нѣтъ нѣтъ, ~~чѣтъ~~ нѣтъ нѣтъ вѣдѣи. Драконѣ
нечетко нѣтъ нѣтъ отъ вѣдѣи нѣтъ нѣтъ
отъ вѣдѣи нѣтъ отъ вѣдѣи

Когда оубѣи убого

258

Мечи вѣдѣи, тѣ пучѣи нѣтъ вѣдѣи,

нечетко нѣтъ.

"

тѣ. — нѣтъ нѣтъ дуннаго.

Но эти рѣшеніе не прочно, дуннаго вѣдѣи
своиѣи на слѣдѣи нѣтъ Мамбетѣи, Убогого-
нобо препаѣи нѣтъ, нѣтъ нѣтъ на пучѣи нѣтъ
отъ убійствѣи нѣтъ вѣдѣи нѣтъ нѣтъ. Не
спотѣи нѣтъ, тѣмъ нѣтъ вѣдѣи нѣтъ вѣдѣи
нечетко нѣтъ, нѣтъ нѣтъ нѣтъ отъ вѣдѣи
нечетко нѣтъ, нѣтъ нѣтъ, тѣмъ нѣтъ вѣдѣи нѣтъ

Исчезла нѣтъ нѣтъ вѣдѣи
нечетко нѣтъ.

Затѣмъ вѣдѣтъ откладываетъ на безконечно
дальнее время. Во. Заставляетъ Макбета подум-
ать о томъ, какъ бы потрошить медлител-
ную судьбу.

Принцъ Комберлендъ: Вотъ камень на пути!
На немъ лежитъ пастырь, или все за нимъ падетъ.

Потерянные, свѣтила въ небесахъ!

Не озаряйте замаслованной!

Пусть ударъ мой упадетъ въ потѣху!

Рука Верна: она не промахнется.

И опять, убійство ему предстоитъ изъ любви
отрапухитъ для него грѣхъ. В думаньи, если
своихъ - не слова. Они мѣтутъ, какъ и на
пути, или - въ сторону. Тамъ на пути - хула
или сброситъ, если въ сторону - пусть себѣ лезетъ.
Свѣтлый левъ не трогаетъ головку, но голод-
ный - безпощаденъ въ своей ярости.

Въ Макбетѣ уже про натуру попроситъ, гораздо ближе къ это.

Она не предвидитъ трудностей борьбы съ поли-
цией дурна. Она - рационалистически мыслитъ
на все. Спички и терпѣнье, одобряетъ оно,
лишь картинка: или боится чего. И пред-
ней возмѣстятъ лишь перемена тѣла короле-
ской величій королевской власти: что до запо-
вѣди, не убій - она не впритѣ въ силу,
и не предвидитъ необходимости внутренней
борьбы. И тѣмъ своимъ своимъ муча будущая
соучастница его величій ~~догод~~ боится, что
онъ, мѣхалуй, стѣнетъ терпѣнью владѣть
своей очереди, вѣроятно приманъ путчи
дѣстившій власти и честнo сорвать банкъ.
Для нихъ звучитъ контрастно слова: „уби-
ли отъ казни отъ власти“ и въ рѣшеніи
бастро созрѣваетъ, еще прежде, чѣмъ какъ.
Бѣтъ посвящаетъ а въ свой тайно. Какъ только
онъ прѣзжаетъ докой, если спрашиваетъ
его, когда Вукиши какъ прѣзжаетъ, улетѣтъ отъ

260

268

и по нужде отбавитъ... завтра, восклицаетъ,
"всегда такого завтра не увидишь вблизи"
Вся училка Манбетта, влившись откровенно
лицу которого легко "пролетитъ недоверие".
Ковану для него искусству притворяться.
Ах, Убийца, чужден радужной взмари
и ласковой рощи, видъ цветна съ сократитъ
порткины змеей. Вся обличаетъ позаво-
тываетъ отомы, чтобы ноги не пропажа
даромъ, та порт, которая доставитъ
власть или будущимъ котамъ и фламъ, фаст
и нелаву. Ода Манбетт мастерица всех-
новизнъ. Она умеетъ покорить все свое су-
щество одной мыслью и в моментъ возбужде-
ния видитъ только предметъ своимъ страст-
нымъ желаній. Ничего съ нею рождалъ-то
для насъ ничего хронъ видятъ и ей въ врата
корона не существуетъ. Она все принад-
лежитъ минуте и уже теперь не покида-
етъ своего страстного слова "убийство",
прямъ.

Скорее, гугай нате

Существуетъ на миръ и въ мрачномъ димиде
Умрой мой косякъ! Пусть онъ не видитъ рана,
и келью не провидитъ покрыва твоей
Сивалии, с той! встань в немъ"
Говоритъ онъ себя еще до прихода Ман-
бетта. И что спускается на его душу и заво-
лакиваетъ твоей ей глаза. Ея концы и
видитъ раба, (видитъ дупкана, — оука
только корона ой мста.

Но Манбетт охотнее своей мста. Ахъ и
скупка въ немъ страсть, онъ не терп-
етъ отсогобности пидротъ въ будущемъ.
Онъ вникнулъ вникнулъ, что мдетъ его
впередъ не только корона, но еще и убийство.
Убийство, которое неразрешимо совершатъ

49 168
260
Онъ не пожитъ отъ себя разжатою на-
боротъ, онъ старается вникнуть во все, оце-
нить предпріятіе со всехъ сторонъ.

Ударъ! одинъ ударъ! Буди въ немъ все дѣло,
Я не замедляю ба. Умъ онъ собою
Внѣ себя сидитъ, подай законъ успѣха,
Буди онъ одинъ начало и конецъ —
Котъ толкъ о зрѣніи, на отъмени среди —
За вѣчностіи мнѣ перелетѣтъ не трудна.

Ма. Если бы все дѣло сводилось къ тому, чтобы
только убить думнаго — Макбетъ не раз-
мешивалъ бы. Если зрѣніе, на зомитъ — о кабы
онъ не думаетъ — дѣлать одинъ ударомъ бѣды
и отъясненъ успѣхъ, если бы знать, что
думникъ спохобно будетъ спать въ зомитъ,
а онъ Макбетъ будетъ царствовать — то какъ
и вѣтъ бы онъ не пришло.

Но судъ свершается надъ нами зрѣна:
Руба урокъ кровавой дѣли, оградитъ
онъ на праву зрѣтѣли падетъ.
Есть судъ и зрѣніе: ручное безпрістрастіе
Подноситъ намъ въ намъ чашу съ зрѣніемъ.
А то мы будемъ судить? Государствъ великого
Законъ Макбетъ не боится. Онъ — не Ато. Его
не свѣдѣтъ. Наоборотъ, его абсентъ въ царствѣ
и въ одесдо, и повезутъ въ Сноу — коронованъ,
и онъ самъ стаетъ жетонокъ въ законъ
нава, королеви. Это будетъ судить внутрен-
ній судъ, который для чего отъраженъ, чѣмъ
для Ато все падаю. Въ этого суду не убѣ-
жишь, его не обманешь, его не подкупить, не утѣра-
ишь созрѣтѣми. И Макбетъ зрѣтѣтъ, что вѣстѣ
этого суду не изобрѣта велика. Это онъ властенъ
назначитъ и наградитъ. Во всемъ поръ Макбетъ
больше съ нимъ въ мирномъ отношеніи и попу-

Ужас за то величайший блага: душевные
спокойствие, золотое мнение в народе. Он
хочет сорвать это за собою. Правда, он
и прежде убивал, много убивал, но с разры-
тием это повелось. Теперь, охота только 262
раз он хочет убить, не получить надлеж-
ца разрытием и чувствую, что ему при-
дется за своею расправой отвечать стра-
шнейшей. Он заранее знает отпирыва-
нием правды свои суды.

Король думает в своей душе о безопасности:
Родной и подданный — а не могу подданным
поднять руки на короля; хозяин —
Убийца должен затворить дверь,
и сами свои починки варить в котле.
Думает царю так доблестно и кротко,
Воеводу так честию сохраняют!
Его убить? в страхе будет боясь
Прекрасная доблестей его души!
За черной гроб — он прощит прощит,
Как трубы ангелов; в сердцах пробуждая
быть сострадатель, как грудной младенца,
Космиче буря; как херувимы
притихли вихрь надвигая. Убожество
Возстанет призывает перед людьми
и воеводе слеза из очей народа.
Вот все эти и надежда, а гниль которая
Может быть вечно, потому что пог-
несут гниль с собою. (Полоз убивать, дух
нака, ибо он — родной, король и восток, Ах
(Вот же мамонт) потому что он губ-
лет по праву. За нарушение этих законов
полагается самое страшное наказание. При
Петре Великом за нарушение строевого устава
назначили смертную. При Екатерине II
и императрице так же безжалостно

не можеть впасть и жить. Это не так, не
дальше — это вся жизнь будет отравлена.

Мамбет слишком хорошо это понимает.

Затем же ^и боится, что он не успеет

на все, что можеть сделать, вовремя.

Кто знает Толмача, тот не чужд ему, и звяб.

Или слова ^{или} ~~всегда~~ кроют люди мамбет прозв
тали бы как бы приходить. Но она пока не
хот кроит королю предъ собой не видят и
в ней эти возмущають лица призраки.

За отбьт, как и все сядушкой или полаг
ние сбудетсь вуютъ лица отъ них, что все,
кроит стремление изъ влать, чуждо в ней.

Она никого не боится, так не боится, как
люди, сиротливие способности существовані
и понимать, не могут не бояться.

264

Коринна и к злого,

Какъ горюго для матери души,

Но и безъ жалости отъ порока и злого

Она и к чуждым, чуждым и чуждым

И черепъ до малюшки раздробила,

Когда бы кинула, как бы кинула бы.

Дробила трагедия знает преступление

Душа. Она убивъ родную отца и жену

на материю. Собрать и не знает и не

изъ преступлений, но не знает, но опреде-

лений иудей и пошлеть и не знает их.

Мексика (в этомъ отбьт Леги) эти

словами леги, эти отравленные закли-

павши, которые сознательно не произноси

до конца жизни в миръ вводитъ нас

во внутренний миръ ^{свой} (перонти). Она уже может

почти убить отца своимъ, ибо она его пережиа

ла знает. Она говоритъ о своихъ чувствахъ такъ

ибо они перестали быть ей горючими.

Она стала одинока, которая отняла у нее

всю душу все затопило на ми

открыло путь (к тому, что) туда, куда
 зовёт ее Глоссица, будущий постъ слова. Это
 одной стороной вь вьинной стороны моментъ
 преступленія. Давно же путь уже почти невоз-
 можна. Если Макбетъ способен на все. Вь этотъ
 моментъ — она не преступна. За эти слова
 она готова проклясть и, какъ негда ага, какъ
 существо розданных по образу и подобию рыцаря,
 но у Макспира она та поименованъ или же
 Дрина. Убийца убиваетъ не преступленіе — тѣмъ
 менше мы и можемъ влиять. Никто не знаетъ
 слова короля Лира!

Нѣтъ въ мирѣ виноватыхъ! Нѣтъ! я знаю.

Я заступлюсь за всѣхъ, заступлюсь
 допослѣдствъ.

близость, оторванность отъ людей не Мак-
 бетъ чувствуетъ все и готовъ назвать дого-
 вѣнны тѣмъ, кто ее называетъ преступни-
 цей, четвертый вѣдомой въ пестъ. Несомненно,
 она побуждена Макбетомъ къ убійству, ее
 гонятъ, влѣпляютъ, сосредоточенная сила
 толкнула божью тѣнь на роковую границу
 убійства. Она вѣ — причина всѣхъ божествен-
 ныхъ паденій. Но Дрина не можетъ божествен-
 ныхъ причинъ, а ее мучитъ лишь плахотъ на-
 чина. Тѣмъ, что во какою-то чувствуетъ какъ
 не введеніе порвало связь между закономъ и роки-
 телью, во не говоритъ о преступленіи. Звѣз-
 да звѣзды между не Макбетъ и людьми порва-
 ная тѣмъ тѣмъ же, какъ у Дрина. Но причина
 скрыта глубоко, и мы не видимъ и возму-
 щаемся лишь тѣмъ, что у катъорического
 императива намъ не ому, что люди
 отказались повиноваться закону.

Страшная слова наша действуютъ зарази-
 тельно на Макбетомъ. Намъ, оно уже подвѣ-
 влѣтѣю. Постыжѣе чѣмъ вѣрѣ единаго —

Учрежденной так неграмотно. Но все равно мы станем
„ублажаться“. Изъ сто души призрала суда и
наказаний не издаетъ. Но оны готовы на все,
самые црѣбу возвестъ оны на божь вѣнокъ,
пылающей въ крови ево члена скупая и мучимы,
который можетъ больше, чѣмъ человекъ. Онъ
идетъ противъ самого страшнаго для насъ
врага. И ни на минуту не забываетъ опасности.

Передъ ево мѣсто убійства снѣ^{го} вообразеніи
представляется окровавленной кинжалъ, рожавъ
виртисъ, символизирующее все его настроеніе.
Эту, который никогда ничего не боялся, который
богъ любви въ сраженіи, который, какъ замѣчъ
бруцъ ударилъ на враговъ, ища опанисъ
въ капиллярной крови или повторить весь члену
Боютова, теперь кровавой чинась мучитъ
зрѣна. Съ одной стороны грозное неубѣдъ которое
судитъ снѣ за осужденіе своихъ страдальцевъ
проникнута, отълученіе отъ міра и людей.
Вотъ говорить:

265

Политра спитъ теневъ, но сонъ тревоженъ,
Это бирюзовы постыжили зима.
Теперь спятъ на праздники вѣдълики;
Убійца вѣтанъ, угнанъ волчий вои,
И кѣ окрѣва кровеніи, какъ при виртисъ.
Не слушайтесь прочное время,
Куда сводятъ тамъ мои мѣна,
Кто и каменъ, завопишь, прогонитъ
Безмолвнай чинась тѣмной; а вотъ
Или доброй дружѣ тѣперо. А чужако,
А онъ живетъ. Въ словахъ показатъ
Всѣ страсти палъ - и что умираетъ.

263

В болѣеи власти надъ головахъ конъ коитсо-
рической императивъ не можетъ и не можетъ.
Макетъ все знаетъ. Знаетъ, что и каменъ
станутъ на сторону его суда и что ~~оно~~ ^{живаго} ~~оно~~
ему придетъ идти противъ всего одушевлен-
наго и мертвого міра. И тѣмъ не менее
власть ево оказывается сильна. Когда

Мамбетъ сполнитъ ея зовомъ, въ покорно

произноситъ

Иду — и кончено. ^{Нололо} ~~Иду~~ ~~атаманъ~~ ~~завеща~~

Не слушайся въ зовъ оо, думай

Въ въ кебо или въ адъ тебѣ зовѣтъ.

XXXI p 265

И Мамбетъ, герой, благородный, истинно

великий человекъ, любимецъ короля и народа.

становится преступникомъ. ^{ко} Вдаль ^{на} ~~покинутой~~ ^{поблизости} ~~отъ~~ ^{ея} ~~случается~~ ^{не}

на жестокому императиву, а своей леди —

и душа его становится, горкой какъ огонь. Онъ

уже не герой — а злодей. Если бы леди Мамбетъ

была не такъ повеле тельно въ своей личной

страсти, Мамбетъ помнилъ бы золотое правило

порода до конца жизни. Если бы ^у Мамбетъ

зубовъ и хватить сила еще сопротивляться

внутреннему своей воле — онъ остался бы, но

принимая благородный тонъ. Но этого не

было: у Мамбетъ не хватить сила, зовомъ

волею оказалась властью, чуждъ только импер-

атива. И человекъ — стоитъ преступникомъ,

отверженномъ существомъ, при помощи отдален-

ныхъ во власть злыхъ демоническихъ, которые

появляются все изъ земли комо тою начинаютъ

свою политику адскую расправу. Думая пере-

томъ бѣтъ человекъ — и станъ тиранинъ. ^{добавить чертой.} ~~Въ~~ ~~Мам-~~

бетъ произвола еще больше ^{и исполнитъ} ~~участникомъ~~ ~~деста-~~

мороза: онъ сталъ ^{убийцей} ~~добрей~~ ~~и историческимъ~~

императива. И все сдѣлать — ^и ~~всѣхъ~~ ~~ударъ~~.

Можно видѣли, что Мамбетъ только на одно

чтобы измѣнить своимъ вѣрно погашеннымъ

благосостоянству, что заложи руку коу думка-

томъ, онъ обращалъ свои взоры къ императиву,

признавая все его права священны и ничей

его разрѣшенію только одинъ разъ бѣтъ со-

бодности, поступитъ по своему. ~~Мам~~ Но им-

перативъ молчалъ въ своей покорной воле;

то знало: вѣдирой между людьми и волею

и призракомъ волею. Больше онъ ничего слыше

сказалъ, какъ суровый строгий и въ своей законности

Макбет послушается меня, и импративы авто-
матически подкидают свой кровавый приговор.

Макбет предать анафеме.

И какой страшной анафеме! ~~Степашу~~

Макбет почти теряет сознание от ужаса.
Еще не выходя из кабинета цор дункана,
он начинает говорить безобразные слова
„кто здесь? А? Кто?“ Если спрашивают
его, „ну что?“ — Конечно. Если спрашивают по-
чему. — Слова прощения, да трещины сверчено
матро — то в борина?

Когда — теперь

Когда и когда нас ах?

— Да.

Ты же. Слышишь?

Кто едят в мой компании

— Моим дополнением.

и. Вспомни мой друг, Чаной печальной вид.

Знаешь правду? То-ли не знает печальности.

Не убей не притворя, что дункан чирет, а что
лучше тебе а что предадут анафеме.

Когда Макбет разназывает свои идеи
о том, что происходило с ним, когда он
находился в кабинете дункана, он
забывает обо всем, и все наше сочувствие
на стороне убийца. Дункан уже мертв:
его постигла участь, которой не избежит
никто из людей. Но Макбет — жив и член
отчасти прав и мнителен, надежда на милос-
сердие Боже. Он проклинает навсегда „Ах, ах“
небось сказать намину „Когда вы мит-
челс:“ „и ошущи постоди“, говорить ох меня.
Так все еще готовящие пороки понимают,
что творится в душе Макбета, в какой без-
жалостной руки попал благородной тали
и спрашивает лив: „Кто же так ах ах?“
Ах, ах отступает:

Зачем и почему и почему ах ах?

А так пугаются в митчелс ах ах

губах.
Аминь-ми заморъ на моихъ утѣлахъ.

57

529

172

И исца Мавбетъ съявляється на мѣсто
страши, хотя она еще далека отъ того, чтобы
достичи туди своего муча.

На это несяо смотрѣть, говоритъ она,
показуи не дого и съ ума сойти. Но Мавбетъ
несущаясь ели продолжати ^{еи} до ^{срѣдннхъ} ратривающа-
душу разсказъ:

267

Я силюсь -
Раздастся страшный вопль, неслыханный!
Мавбетъ зарезала солд, невинный солд,
Зарезала искини тѣмъ затытъ,
Близость и мѣстнотъ для Голубой души,
Вспыхала ^{своими} жизнь на приростъ,
Позвонка на мучительномъ мру.

Но ево данъ замка
неумолкающей коини Солнцъ:
Молится заръ замъ солд: За тѣ отъ коини
небудеть снатъ еи убийца, Ковдуръ,
небудеть снатъ еи убийца, Мавбетъ.

Вотъ какъ разкритъ исторический импера-
тивъ. Страши было отлученіе урнъ средн-
ствоваль, христосовъ, и не усвѣсвъ, Разсказъ

Когда ~~Спикоту отлученіи отъ~~
Вотъ какъ разкритъ исторический императивъ!
~~Анастасия противъ ея каръ Служо~~
Мавбетъ небудеть молитва, небудеть снатъ.

Эту страши подумати о томъ, что онъ сеголанъ.
Ади предначертъ ану пойти охъ разъ въ думнотъ.
Нималту въ думноту, чтобы отнестъ казнь
Анжаси и грозятъ хровио омишки отъ роини.
Въ отъ властѣ, и не снѣтъ думати въ томъ, что
сраланъ. Я, ^{оно} когда уюдитъ онъ говоритъ:

Каждый руки. В, всего готова
Аминь Варватъ зрѣніе! А эту хрови
не снѣтъ еи рунъ всеокеанъ Киптунъ.
Китъ! Китъ! Скорѣе отъ этой руки
Въ моратъ бесчестныхъ заплещутъ волна,
Какъ хрови бѣгловъ.

Слова стучат, из восклицает: Сознаться убийство
мне и ты бы не сознавать себя!

Когда-то ты мой Дунканя пробудит.

Но Дунканя ничего не пробудит, и Манбет
не будет молиться, не будет плакать. Молитва
милосердия Бога, в которых он так кутурится,
сон, утробный базисах аристократии
у него навсегда.

За то, что вы один раз осуждали Катю.

юридическая императива, убийца тогда, когда
императива не в силах убивать.

Произойдет убийство, ^{или Манбет} Катю просит утешиться потому что
что умер Дунканя, а потому, что он убит

без надлежащего разрешения. Манбет не пе-
реосудившись поимать
милосердия не омертвев (Норонте), а о своих ру-
ках, а которые все они не смеют крови.

Категорический императив приказывает
ему не убивать не потому что Дунканя
умрет, а потому что Манбет будет
предан алашкан. Если бы Дунканя умер
естественной смертью, вилась в обломки своих
основовили, Манбет от всей души радо-

вался бы, "хотелось сорвать бы балла, чтобы
Норонте и до конца аду свои молитвы
и опал. Категорический императив был
бы вполне удовлетворен послушанием
вторная служба своей и не отнимать бы чужо-
му душевного покоя, ли золотого имени.

Его правило: не убий Дунканя, не потому
что Дунканя умрет, а потому, что ты
будешь убийцей, убийца же все прожит, красть
юридической отбываемости еще и нравствен-
ная. Закона беззаконна для убий, но тебе кот-
торический императив поднесет такую от-
дачу аристократии. Надь это беззаконие категорически-
императива но его дадут служить
истинности. А боветь и так, что бы заплоту
Норонте или преступнику и категорический импе-
ратив, в своей черед, поднесет чашу с ари-

Налъ законъ суда, толк и внутренній судъ
могутъ нажить личе твое, кто въ немъ
власть. И, разъ обладывая добротой, онъ чине
те прицалитъ ей. Если же въ варварахъ наруж
своихъ началъ и блуждае въ въ каждаго
мнѣ, то ищия багдайевова. Когда до-
Ахмедъ вынулъ изъ своей души внутреннихъ
приказовъ, онъ могъ безнаказанно прогнать
это злое, какъ Мехмедовскій Ахмедъ, который
отъоидъ и кады заколотъ и иждъ императрица
и башъ личе срученъ рукой брата.

Мамава существо каторжисаго импера-
тива. Подобно закону юридическимъ нормамъ,
онъ грозенъ личе своей санкціей. Онъ внутрен-
ний полиціи, ~~власть~~ соувствуююща полиціи
мирекой. Назначитъ онъ не воли, а личе твое,
хотъ понадесть въ по руки. Милосердыя личе
знаетъ, что въ силу чужда. Въ судитъ — и
только. Но въ этомъ философіи убавитъ
правосудный законъ. Въ то время онъ, совершилъ
Налъ свои законы, требуетъ ^{повинованія} ~~только~~
~~мнѣ~~. Балуниновъ нажить безъ пощады,
послужитъ попраждаетъ. Обществу онъ не
дастъ никакихъ, кричитъ своимъ на свои отъа. —
У Мехмеда ^{отъа} ~~хотъ~~ ~~хотъ~~ ~~хотъ~~ внутреннихъ
судъ провѣститъ

Леди Махметъ поворотъ, что или ба дунканъ
во онъ не башъ ба твое помыслъ на отца,
она сама ба ея убилъ. Не убиваетъ — она
ею съ истинно помыслъ что онъ помыслъ на
отца. Что и останавливаетъ? Обидно и кат-
рикий императрица, ибо онъ не запроектъ
убиваетъ людей, помыслъ на отца. Но это
смертьба могло ба спасти дункана, самъ ба
леди Махметъ одна, башъ мурса, задумало ея
убитъ отъа. Она не убилъ ба дункана, какъ не
убилъ ба своего отца. И онъ оказался ба
охраненный — то собственъ мнѣ, что

Земле закона, там угроза нравственной ана-
рхии. В отчужденной Бале Мандей связана
ее судьбой, не признающей внешнего сил.

Если бы отец умер от чуждой руки или в
случае, она бы приняла слово ф в своей душе
чтобы оплакивать его, и одно работи-
е смерти отца бы признания своей вины
было бы большим горем для этой
суровой, на виду, женщины.

Смерть близкого человека мы оплакива-
ем, как свое несчастье. Мы сами мечтаем
жить и, если ~~бы~~ дорогое нам существо
умирает, мы мечтаем о его безвременной
кончине. Нет исторический императив, по-
мещая и судя не считывающий в это дело,
для того-то, что бы мечтатель пробужденный
духнана, необходимо влиять на общество
чуждого рода повелителей. Если бы руки
Мандей не были огажены кровью корали,
она бы испугалась мысли о его пробуждении....

Мандей обращается к исторический импе-
ративу Менсиря, для которого ясно стояла
значеніе иблений нашей духовной жизни.

Взвешивайте только эти слова: Душ
Мандей не рожается убивать Духнана
не потому, что Духнану нужно жить, а
потому лишь, что это запрещает нам
то чуждой повелитель. У Мандей это исто-
ическое существо связано с возвышенным ист-
орическим императивом. Это голос, разума,
а не существующего единственно ватина,
чтобы противостоять своим вептис
Мандейским желаниям. „Разум“
не говорит Мандей: Духнане таков-
ые человек, как ты. Ты хочешь жить,
но ты хочешь жить — так ватина все
ты убиваешь? Выходит: „не убивай —
ибо ты будешь убийцей.“ Эда-ли

во всей области человеческой психики
найдем нечто более чуждое, чем чуждое,
но такое противоположение: не убивай, не
давай, чтобы твоя жертва осталась
живой, а чтобы тебя не было убийцей....

Норенитса оно лишь в том, что Мандшта
иначе нельзя заставить думать о думанье,
как призраки, что и как он будет
несчастен, если думанье окажется убийцей.
Для Мандшта, как мы говорили думанье-
то-есть, что для человека — мандтовое дерево.

Пока не было для Мандшта — историческо-
ного императива, он не задумывался
рубить голову, пока Петръ не издал
свои законы — мучники и потребители кора-
бельной лососи. И в этом смысле постанов-
ления императива свели свою роль в исто-
рии человечества в такой же мере, как
закон ~~Петра~~ Петра в истории русских
лососей. Много голов, много мяса убитого.

Но вот пришла Катя и говорит: Катя-
то исторический императив существует не для
думанья, а для Мандшта, т.е. законов
Петра не для корабельных лососей, а для
мучников. Мандшта, представляя анаааа-
таи и думали, мучники, которые казнили,
тоже представляли себе все дело именно
таким. И всегда за ними философия
устанавливает исторический императив,

как ~~то~~ требование *an sich*.... И выходит:
Мандшта не должен убивать думанья,
чтобы не стать убийцей, а не чтобы сохра-
нить жизнь человека. И это называется
и называется идеализмом. Означается,
что убийство вообще не только некается

въ томъ состоитъ, что проирацѣи имъ
убитію, по еще и преступленіе. Это
остановитъ руку убійца ему указыва-
ютъ не на смерть, а на прощаніе ему
казаніе. И предлагають воздержав-
шатъ лишь, чтобы не оказавъ пре-
ступникомъ. Мою дили все время
за Манбетомъ. Нислова о думаньяхъ
не слыхали. Убийца все время все
бесѣду съ историческими императорами,
Ближній, равной Манбету человекъ исчезъ
и защитникъ - совѣтъ. Радъ нѣ, а
не радъ думана потѣ Манбетъ оти-
дѣтъ отъ короля. Если бы она была
у него болѣе рукой - нѣтъ у него, или, если бы
онъ самъ, нѣтъ донъ Манбетъ, владѣлъ бы
искусствомъ упрощать эту тирицу
трасею не было бы. Въ бы убивать
а спали, и моили. Въ бы призываетъ
Ричардъ III съ Георгомъ передъ битвой.

Нѣтъ повелѣн правотѣ есть
этотъ (родитѣль) нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ
пожеланію нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ
принципа, понятія, - совѣтъ. И дѣло
судить, для котораго только ухи по-
нѣтъ и не существуютъ, считая
это „естественно“ - Человѣкъ не дол-
женъ убивать естественнаго вѣтъ,
чтобы не осуждаться на него рожденнаго
императора, а не вѣтъ, чтобы
Ближній остался дѣтъ. Совѣтъ
съ томъ принципъ, сообразно которому
понятіе „человѣкъ“ соединяется съ понятіемъ
„человѣкъ“. Неудивительно, что вѣтъ
дѣтъ, вѣтъ, вѣтъ, вѣтъ, вѣтъ, вѣтъ

признание людей - все это изложить. Долго
 Кант не понимает не как есть обязанность
 перед другими людьми, а как обязанность
 перед "экстазом разума". Между прочим,
 Кантовское понимание долга, не в своем
 бытийном теоретическом упрямстве, а в бытии
 упрямства бытия безвозвратной действительной
 договорной - есть то, что означает бы-
 тие людей. Там, где бытие пола-
 гает Кант, да. Там же означает много.
 Они читаются со своей собственностью!
 Когда же проищи нищету, что же это
 значит, что бы их собственностью была истина.
 Когда же долг, люди радуются близости
 своей души. Воздерживаются от разврата-
 бытия и читают даже материальную и не-
 ративу. И тогда их собственностью - они
 спорят. Что лучше? Тогда в России
 был голод, достало же люди размышляли
 на вопросы о том, можно ли и не до-
 койного советского в пользу своих
 бедоделств. Необразованные люди
 иррационально, а люди образованные
 будут дипломатические переговоры с ка-
 торическими императивами! Сам Кант
 отказал Фриде, когда тот, в аргумента-
 ции крайних положений, обратился к
 нему за помощью. Кант не сразу отказал,
 а потребовал себя несколько дней на
 размышление. И конечно же ^{он} в это время
 размышлял не о том, каково будет
 Фриде голода, а о том, что означает
 это, Кант совет, если он от нас...
 Это все глубоко характерно, права Советов,
 как и право, связано с другими людьми,

в той же цюю. Люди читали и находили
себя, но в течение вьновъ общественной
жизни, привели къ тѣмъ же результатам
известные поступки. Поступки эти являются
охраненные организованной силой, частью
и укоренившиеся въ сердце популяціи.
Но философы права и нравственности
не увидели въ этомъ вьновъ законов
разума и на нихъ ^{или} «естественныхъ
правъ» и категорическихъ императив-
овъ». Теперь исторія поддалась подъ
«естественности» и «вечности» этихъ
порядковъ и образцовъ, что они оспы-
лись безъ руки. Ибо если и такъ, «вечная»
категорическая императива, то все
возможно. Новые вѣтъ. Схула, отличающаяся
отъ мильсеровскаго тѣмъ, что философы
свою они не дали вдумали, а вчитаютъ
изъ книги, да еще и такъ, что они все
разрушаютъ лишь до известной степени,
возвали въ одинъ голосъ: исторический импе-
ративъ исторический императивъ одно и то же привели
Мя не ввернулъ въ него. Вѣтъ ухочей! и такъ
и такъ т.к. да въ ухочей ихъ не востановить,
а и такъ свѣтъ и ^{люди} ~~функции~~ у нихъ
такъ, то судьба ~~држ~~ ^{функции} въ нихъ
не заботится. И притомъ для многихъ другихъ
быть тѣмъ же. Но пока въ томъ теоріи
тѣмъ же вѣсти, нарушатъ его основан-
вѣтъ лишь тѣмъ же. Тотъ и такъ счи-
таютъ ^{и такъ} ~~и такъ~~ кто исполняетъ долгъ.
Теперь пока тѣмъ же возмещаются
души счѣтается, художественность
натура». И такъ люди, которые изображали
ли изъ себя когда-то добродѣтели,
теперь подготавливаются подъ ногу и представ-
ляютъ собой славны и счастливъ.

Божество может не далеко то время, когда
новой философской теория называется нате-
орическими императивами это рабское
преклонение перед богачем и вить нить
человечку в нравственную обязанность
восхищаться Мадонной Рафаэля или Апоко-
ном Бильверским. И потому, когда исто-
рия показывает, что эта обязанность сочине-
на философами, пытливые художественные
натуры снова завоют: "Какой чудный грех
поклоняться Рафаэлю". Переименование
Ясвой, естественной в связи человека с ближ-
ними в канторические императивы есть
~~всего~~ восхищение человеческая достоинство.
Не убовай, ибо ты будешь претупишь
говорить тебе тому, кто не способен еще
понять: не убовай, ибо тому, кого ты убьешь
такой же человек, как ты. Греху или греху
нужно было сказать: не уничтожай прекрасной
статуи, ибо ~~ты~~ будешь не королем. Ко-
тому, кто чинит ~~ты~~ к тебе эту статуи,
никаких приказаний не нужно. Своей есть
не вечной закон, а лишь суррогат любви
к ближнему, временный регулятор человеческих
отношений. Ее повеления есть в некоторых
случаях не жить и жить ее парадокса. Попро-
буйтса в историю она могла лишь в голове
философа, всю жизнь свою ища что-то миги-
стичное. Для него абстрактность ее
приказаний, ее видная противуположность
со всеми стремлениями нашей природы - ~~это~~
~~приказание~~ было случили указание на ее
природность для счастья. Но ~~потом~~ ~~алименты~~
хорошо понимают ее значение. Мандетъ знает
советы, как чужд, он предугадывает все,
чем бы она отплотитъ ему за рты и головы
наш - и ~~потом~~ не менее идет противъ нее.

Видно только бояться убитъ, какъ „мудочествен-
ная катюша“ бояться пролития своего невоз-
вратимости. Но думая для него — ничего.

Если бы Манбетъ не исполнил своего
намерения, онъ променял бы спокойную ко-
ренью бы своею златою кинь, и тогда бы все же
Манбетовъ, при твёрдыхъ и кинь, ~~кинь~~
бы виду грозного приказа, не убийцы.

А по Катю — поворотъ. Онъ не боялся бы
смерти кинь, исполнил бы свой долгъ.
И кинь сильная была соблазна, которая
онъ противустоял, тѣмъ лучше онъ
проявил свои верховодящие и кинь чувства.

Шекспир — ^{даёт} ~~предлагает~~ ^{на} ему бранный мо-
ментъ речею и кинь. Перед Манбетъ
вдохнула кинь и кинь, ~~кинь~~ прямо
противъ своей воли, побужденъ къ власти
и звонку напосылъ „одна ударъ“ — и
этотъ ударъ ^{даёт} кинь преступника, онъ,
человекомъ и кинь покровительства
законоу той совести, кинь по воле да-
рилъ кинь покой и кинь или тревожи
безпокойство. И кинь только разъ привалитъ
настоящая борьба. Преступники, точно
волк, окруженный охотниками, чувствую-
тъ, что пощады ему ничего не дадутъ. Совесть

ищет не прощения, а наказания отъ него.
О думая, о кинь и кинь, и кинь и кинь
свои кинь Манбетъ и не думаетъ. Онъ
борется кинь съ кинь и кинь импер-
тывомъ, съ этой функцией, приобретшей кинь
кинь ^{роковую} ~~страшную~~ власть. Лицъ кинь
лицу, ~~просто~~ съ кинь в кинь против-
ники, Манбетъ чувствуетъ, что только
сина можетъ помочь ему. Онъ убилъ думая
и „не убилъ“ кинь себя безвозвратно. Онъ

Убийца кинь кинь 189.

Утро 2 час —

X.XX II 1892
мск
21 32 н.ч.

3 листа манускрипта

сталь встать жидом, против которого
 все и все. И эти „все“, это „все“ отныне
 возбуждают в нем лишь одну ненависть,
 бни мотать со затравить, но он еще
 погорется, помирится с силами: все равно
 уже его не пощадят. Он стал королем,
 никто из этого? Ему приходится по
 прихвату в безысходной злобе прогнать
 за жизни, со стороны пьют свой жидом,
 и счаст в тот же год и счаст ирациона
 снов... Искиптре его достанется пчелу,
 а потопкам Бакс. Захвачены-ны он
 свершил преступление. Выходит из него:

Так для потопков Бакс
 и душу окрестить? Для них зарезать
 Бундана благодарного? Для них
 и душу мира отравить и продать
 Мой великий друг врагу людского рода?
 Утобы их свистать, свистать потопков Бакс?
 Нет, этому нет! Тебя зовут,
 Судьба, на смертной поединке!...
 Вот какие законы заговорил Манбет.
 Это говорит человек, не имевший ни
 терять,), которому нечего уже терять.
 Друг его продаст врагу людского рода, душа
 мира отравлена. Утобы и преступник
 на преступнике: уже не будет тебе.
 Рысь, если люди: друг твой все равно осуж-
 ден, душевной мукы к тебе не вернется.
 Все равно, нужно прожить остаток дней
 и умереть от веревки. Оттуда и счи-
 лость. Манбет, сиплост отчаяний: он
 зовет на поединке судьбу. Доубийства
 он ринулся на такой страшной вазов
 лишь под непосредственной вынужден
 своей лопы. Он и думать было стремит
 в борьбе с историческими императри-

вати. А теперь слово, от рашиго лично
уже почти не слышны звуки. Все страшно-
уже позади его. Мои подвиги вати
убийцы Зарзатя Бакии Флиса. Но за-
мечая его удаются лишь в половецкую. Бакии
убийцы, Флиса Гвжжжж. Это восток отрин-
яты Манбету в то время, когда он приу-
хитился собственными приключениями. Сначала - он
радуется ему. Но не долго. Нужно еще расчи-
таться прежде с императором, который тут-же
начинает свои кровавые мучения. Манбету
твердо подходит к пирушечкам и борит
будет с нами восток наш благородный Бакии,
Зарзатя Гвжжжж собранный королевский восток.
Дай Бог что-то от него не слышно!
Милые похрустывающие его илюлю.

Въ это время ~~на~~ дуля Батко за чела-
стѣа и зомни асте мѣсто Мамбетя; Нат-
турисенъ им перативъ подноситъ убійцу
слова таку съидомъ.

Макбетъ до того торопится, что не успеваетъ
приблѣзнуть къ формальному оправданію, тѣмъ
не можешь сказать, что и это естественъ,
не кивай или своей кровавой головой. Посты
ситуация. Если Макбетъ не тѣмъ
или успокоить и обращается къ мучимым
зрѣющимъ. „Или мучимы? “ говоритъ она
ему. — Да, отвѣчаетъ онъ

Испытай: много ли ты любишь Бога,

Предъ этимъ соимъ гласомъ поблнзхуся ѿ.

Ладк бунт не свършит и она все продължава

Нечетные империи, империи и империи и империи

ребятенки. "Къде искаме да го мичо?"

И нечего? (мне учено? Странно?) "

Она не знает, что ~~пока~~ Зина отбывает

своих изобретений и много много и так

казагі. и продолжатъ стогитъ его за роботы. Душъ иезаитъ и Мамбѣтъ
Нѣмцы отвѣчаютъ.

Кровь проливаша

Уже давни, когда еще законъ
Не ограничилъ вѣдѣній всаго мира,
Дѣла и нѣмцы убиства совершали нас.
Внимъ и спаша тѣ тѣмъ; повѣстартъ,
Когда изъ черна бѣла вѣдѣній мозги,
Со смертѣю смертѣю кончалоса всѣ.
Теперь — вѣдѣній ины, зотѣ вѣдѣній рани
Развѣдѣній зотѣ и записываютъ
Мѣста ины вѣдѣній — вѣдѣній ины ины
Несомнѣнныя царствѣнныя...
Мамбѣтъ не понимаетъ, вѣдѣній ины ины
Смертѣю, котораго развѣдѣній зотѣ, теперь
Вѣдѣній, вѣдѣній вѣдѣній ины вѣдѣній
достаточно бѣла вѣдѣній ины черна мозги,
чтобъ навсегда оторвалася отъ нѣмца.
Зачѣмъ сѣ, Мамбѣтъ, вѣдѣній вѣдѣній ины —
при жизни записываютъ оруженныя, а по смерти
вѣдѣній ины вѣдѣній вѣдѣній ины вѣдѣній
и нѣмцы не понимаютъ, вѣдѣній ины вѣдѣній
требуютъ сѣ вѣдѣній и сѣ вѣдѣній, почти повѣ-
рѣнны, приносятъ тѣмъ за здравье вѣдѣній.
Вѣдѣній на вѣдѣній ины вѣдѣній ины вѣдѣній.
Несомнѣнныя вѣдѣній вѣдѣній. Вѣдѣній вѣдѣній
на вѣдѣній вѣдѣній вѣдѣній. Вѣдѣній вѣдѣній
сѣ развѣдѣній вѣдѣній, вѣдѣній — и вѣдѣній-
нны. Но вѣдѣній вѣдѣній — противъ нѣмца
ины нѣмцы не понимаютъ вѣдѣній. Когда вѣдѣній
иезаитъ — Мамбѣтъ снова ины. Но вѣдѣній
вѣдѣній ины вѣдѣній. Вѣдѣній вѣдѣній и
вѣдѣній вѣдѣній вѣдѣній вѣдѣній вѣдѣній
вѣдѣній. И Мамбѣтъ не только не понимаетъ
прекратитъ свои вѣдѣній — наоборотъ ины
затѣваютъ вѣдѣній.

Я такъ глубоко погруженъ въ кровь,
что все равно не стоить возвращаться

Полнбу вперед...

Нестоятъ возвращаться! Это отъѣтъ Мак-
бета макдунискому императиву. Вѣроятно
онъ уже въ опасности: идти назадъ и идти, чѣмъ
идти впередъ. Это идетъ и о Банно, Макду-
глан и промахъ, а отъ упавшей ^{отношавши} ~~тѣх~~ тѣхъ
Макбетъ и „собственъ“. Разъ это невоз-
можно. Разъ „есть, отрада всѣхъ существъ“
и будетъ возвращенъ къ нѣмъ, — то чѣмъ
и можно жить въ тени либо, кромѣ непосредствен-
ной слѣдственной безопасности. Конечно, „бывши
пожертвованъ для народа свой“. Макдунискому
императиву означивать достоинство, который
идетъ, чтобы его боялись, а не любилъ. ~~Макдунискому~~ Макбетъ
пытается свергнуть ненавистно, иго. Отъ него
предъ нами не убійца, а герой. Жертва, на-
ходясь подъ покровомъ Макбетъ лишь увеличиваетъ
роль его враговъ. Тѣхъ больше ударовъ наноситъ
онъ макдунискому императиву, тѣхъ сильнее
онъ побѣждаетъ безплатной противникъ, который
такъ же мало думаетъ объ умиротвореніи, какъ
и самъ Макбетъ. Ему нужно затравить
лишь свою гордость. И, увѣренный въ побѣду,
онъ, чтобы продолжить заботу, самъ даетъ себѣ
возможность Макбету на минуту забыть
вспринтъ въ свои силы и безопасность, ~~тѣхъ~~
~~затравить~~ Вдругъ раздался голосъ тѣхъ, чѣмъ
пока Гурганский ищетъ и движется къ Фок-
зигану — онъ будетъ непоколебимъ, и тѣхъ ро-
женному женщиной и далеко его добитъ. Разъ
это не закончилось и побѣда? Разъ тѣхъ
и поощреніи къ гордости. И Макбетъ съ новой
силой проситъ на противника. Жертвовать
его — тѣхъ есть, но не о нихъ своихъ не
вспоминать иначе, чѣмъ какъ ковалъ-британъ
своимъ. Отъ него берутъ все тѣхъ, Макбетъ
прозвѣтъ ему войной. Макбетъ въ отъѣтъ-
лишь укрѣпляетъ и убиваетъ тѣхъ, что

попадется ему в руки. По его повелению
 зарезана была голова несчастного Мандуффа.
 Мотлангий о Гриве не был в состоянии
 стрелу, что не вострелили чужаки, что и так
 не обращали внимания на стон и вопли,
 слышавшие обилие и величину, что при звуке
 пологого колокола поспрашивали в поле,
 кто умер. Благодаря тому, что там отрав-
 лены, убиты, бесцеремонны, коварны и извержны,
 выдают, ^{или} ~~равнодушие~~ ^{или} ~~каждому~~ ^{или} ~~просто~~ ^{или} ~~каждому~~
~~свое~~ себя равно. Мандуффа, Росси, Мале-
 колмы - все мотлангцы не знают слова,
 которыми можно выразить свою ненависть
 к этому кортуну. Мандуффа мало убива-
 ют и он восклицает: „Злодей бездети“.
 Да, сам бы у Малебета и Гали отнял, то и
 истребил много было бы для этого времени
 истребил Мандуффа. А, злодей, Завершил пред Гитом.

В своем замке, поборит: Мотлангцы вступают,

Когда подумаю, что Гитва эта разом
 покончат все - уйдет или излечит.
 Вовсе не дошло толкита; мой мал-
 протанас Гостро; жемчужин и жемчужин
 впасть моей всею убавит и востан.
 Но что же случилось при этом?
 Любовь, почтение, дружба друзей -
 или мит и окрест; там и там - проклятые
 на дне сердца и мит и окрест.
 Ужасный род и в ней Гитва называет,
 Когда бы случилось.

Вот что думает волк, когда лает на себя,
 что лает и мит и окрест его зубов,
 Видит кортун глаза и окрест и мит и окрест
 мерит при тоби в мит и окрест
 поспрашивает Гитва и мит и окрест
 лает мит и окрест, сколько о мит и окрест
 его мит и окрест. В мит и окрест, почтение,
 дружба! Вит, который много и мит и окрест.

но не почитали, никому не были причис-
лены хоро, когда, один удар ^у оторвал
его отъ всехъ людей и обратилъ его къ ко-
блцу души въ черную. Быть не можетъ прок-
лѣтій и презираетъ людей. Быть, какъ ники,
которому, по нашему, тономъ чужда крова-
вая пища для уточенія его непереноси-
мости и для жизни нечестъ, коренный
въ страсти! Тотъ, кто умиляетъ пототъ
себя любви и дружбы, тотъ умиляетъ и
блѣтъ и блѣтъ дружить. Ибо дружба и любви
чувства взаимны. Но съ тѣмъ поръ, какъ
быть съ нимъ почувствовать себя «изогрѣшилъ»,
съ того момента, какъ онъ не можетъ прои-
тѣтъ «аминь», хотя такъ пылалъ
въ иносербъ Бою, Макбетъ не смѣетъ
уже мечтать о томъ, что онъ отъ него
вздохъ. Не только это вразъ- онъ самъ
чувствуетъ себя виновнымъ, въ томъ, что
какимъ ли не виновнымъ, что онъ не правдивъ.
Для него, какъ и для всехъ, ^{убійство} (преступление)
сѣтъ не только грѣхъ всѣхъ, преступленіе съ собою
несчастіе, но еще и преступленіе, роковымъ,
несчастіемъ образуетъ изъ роковавшихъ
душу убійцы. Макбетъ самъ признаетъ
себя изогрѣшилъ апіск! Если бы на ми-
нуту онъ могъ забавѣ въ своихъ оро-
вавшихъ рукахъ и ли не поинитъ о
бозореченъ погибшихъ жертвахъ, если
бы онъ не было свинась ему не какъ
прозпой образъ сверхъестественнаго
мстителя, врывающагося въ могилы—
если бы не категорическій императивъ,
какъ душевный палачъ преслѣдовалъ его
своими потнами—у него не было
бодикой мысли идти впередъ по кро-

ваволу пути ерхнствено потону, что онъ
 уже слишком глубоко погрузился в гробъ.
 Стоны и вопли асертъ не были бы для него
 проклятіями, назначенныя погубить его
 душу, а символами, вразумительныя страдания
 такими-же, какъ и для людей. Теперь-же, когда
 больше его проливаютъ, тѣмъ больше ро-
 жется оживоточеніе его сердца. Оно отъ вержен-
 ной, ему путь возврата, никто, ни Богъ, ни
 люди, ни оченъ не помилуютъ, кроме того,
 что погубитъ его одинокую душу въ стран-
 ныхъ мученіяхъ. Вотъ враги, безпощадныя,
 неумолимыя. Имѣетъ воззвать къ небу.
 Защитникъ пророчески възвѣстъ, Мандитъ
 рпцается продать свою жизнь, какъ можно
 дороже. Если у него не будетъ отъ насъ, въ позоветъ
 почти, что значить страсти. Прежде при-
 мривъ себе, что уясняется сказанъ у него
 на голову вставили гребни волоса, какъ
 будто въ нихъ гонимая жизнь. Теперь онъ
 уже не трепещетъ.

Звѣстъ;

Вотъ укасовъ полна моя душа —

и трепещать я не могу.

Куда онъ прохъноситъ эти слова, ему гонимъ —

гребнотъ оспертъ ио неба. Онъ говоритъ:

Вна могла бы умереть и пожить:

Всегда-же пригнѣ уетъ на зптѣ востъ.

Да, замира, замира и ба то-же замира

Сколы зами итѣ ригино со дна на дна

и по складанъ итѣ итѣ востъ востъ;

Вотъ востъ итѣ итѣ итѣ озоръ итѣ

Воронъ въ прохъ. Такъ горюхъ, востъ!

Что жъ? Но не мимолетно, горюхъ,

Асертъ итѣ итѣ на погнотъ итѣ

Исчеръ хасъ заботъ итѣ востъ, сказка

Рѣ уетъ итѣ, Боготъ итѣ востъ

и востъ итѣ, погнотъ итѣ востъ...

278

278

11
Это говоритъ „убийца“...

mm

1801

Жизнь есть сказка, рассказанная изгнанным.
И Мамбетъ правъ: если ослучившись кате-
горическою императива создастъ убийствъ
а не ссеч, которые не вправдѣ молить, или
однихъ ударъ — не на война, а въ мирное вре-
мя отлучаетъ благороднаго, посбивше злати-
тыя нити, человека отъ людей, не давая ему
возврата — то жизнь есть сказка, рассказан-
ная изгнанным. Тамъ правъ болѣе Гюстертъ,
когда говоритъ, что для божества мы, что для
ребятишекъ и мучи, и Кеннъ о чужахъ —
воскликнувши: ^{или и Корданы} каждаго трупоты Лира: и
тѣмъ общаго конца. Но исторически
императивъ, какъ символъ непонятности
нарастающей власти, ничего, кроме Мамбе-
товскихъ размышлений не можетъ воздать.
Земля безучастная къ судьбѣ человека
жестокости, беззастѣнчива въ насъ своихъ
холодностью и непониманиемъ того, что
предъ ней происходитъ. Присутствуя въ за-
гнаніи суда, измѣняя въ злое сообразно
юридическимъ правиламъ смертной
приговору обвиняемому въ тяжкомъ
преступлении не можешь не вспомнить
слова Лира: перемени мѣста — мотрѣ
воръ, которой судьба. Судьба чуждается пре-
ступника, ибо свое преступленіе онъ
совершаетъ при свѣтѣ дня, на глазахъ
чужды, по совету съ товарищами, попу-
бличному размышлению, не ~~нѣтъ~~ вора
тѣмъ. Убийца наноситъ только одинъ
ударъ, судьба целый рядъ обдуманныхъ, соз-
нательныхъ ударовъ. Смертной приговору,
волею судьбы, ~~онъ~~ отъ него
попавшій, только въ томъ случаѣ, если

Сами мы, до какой степени люди не ве-
 дают что творят, до какой степени
 далеки от них чувства, терза-
 ющие, ищущие души осуждаемого ими.
 Пусть преступник охватит ^{се} положившись
 на отца судь, т.е. пусть он перестанет
 на минуту быть объектом подвига-
 щим подвигу по стобу, пусть
 тот эта великая связь откроется
 между судящим и судимым человеком,
 и судь, как след Макбет — не подни-
 мает приговора, значения и смысла
 которого он не понимает. Категори-
 ческий императив это тот-же невола-
 ющий, что творит внутренний судья.
 Вит поднимает смертное приговора,
 обращает людей в преступников, в беш-
 ных животных, помалает aquas et ignis
 и dicitur на живых людей. Несомненно,
 это ^{внутренний} странный судья, как и торжествен-
 ный существовал и существует до сих
 пор, осуждает и осуждает до сих пор.
 Но, не понимая его психологической при-
 роды, Кант считает его приговором сви-
 щенника. Объявляя Кантовским
 императивом преступника — есть злодей
 от sich — и только, у Шекспира — он сло-
 вный, кантский, один удар. Но эта
 борьба противуположна существованию
 о преступлениях сказано все парадокс
 „могущество“ по этой идее суда, предмет,
 давший им, один и тот-же. Но
 Кант сколько разное содержание
 увидели он в нем. У Канта — вост-
 ная, формальная сторона категоричес-

Как императрица вѣрно схватываетъ. Быва-
 етъ повелѣніе и часто такое, которое
 можно брать изъ груди только вѣнцомъ
 въ сердцѣ. Какъ у Макбета. Въ такой
 горни своей онъ вполне удовлетворяетъ
 гримасамъ и предъ вами и влечетъ ност-
 горію. Какую роль играетъ этотъ поам-
 тель диктатора. Какъ онъ этотъ не
 думать. Бывъ самъ никогда не исполнитъ
 нѣтъ не подчинитъ въ этому грозному
 голосу и радъ, если у насъ историческаго импе-
 ратрица хватается достаточно вѣнцомъ,
 чтобы казнить неопороченъ, Зина обладаетъ
 способностью макетировать птицъ,
 исторический императрица - людей. Такимъ
 образомъ открываетъ порогъ. Ученый болванъ
 никто и не пущу. Хороша-ли этотъ порогъ-
 бранъ-брана не пущу. Ма немоушанъ по-
 нятъ онъ, какъ и не пущу понятъ онъ.
 Сура, и какъ историческаго императрица, какъ-
 истинный человекъ есть то, что установлено
 разумомъ, доказанъ имъ въ историчес-
 кий то. Всеобщій, необходимый и естествен-
 ный не подлинный пробръи то. Сличенъ
 въ заросши нашей души естественъ.
 У Меншикова все - смыслъ императрица
 иначе объясненъ. Молеръ, какъ мы видѣ-
 ли, призналъ возможность сознательнаго
 борбъ съ этимъ позитивизмомъ въ ка-
 кой дѣлѣ покаяніемъ. Меншиковъ показалъ
 необходимость такой борбъ: Макбетъ, убивъ
 Фуканга то. рѣшительно порвалъ съ като-
 лическимъ императрица, не можетъ
 уже не бороться съ нимъ. Ибо въ историческомъ
 императрица, въ свѣтѣ

Видъ нѣтъ и не можеть быть различенъ, до способовъ прихитить Мандата. Душѣи съ- советѣ была Нотариусъ, на котораго опирали оны; послѣ убійства она стала дубинкой, презирающей его. И этотъ Нотариусъ Каскѣ прихитилъ за нѣчто, существующее апбсх, за нѣчто, чему люди доверились предположительно. (Указъ тишесть въ собѣтѣ) Не Нотариусъ служитъ людямъ, а люди Нотариусу. И, если человекъ отбросилъ отъ себя попору, то и упалъ, то не подниметъ его никто, а объявитъ духовно погибшимъ. Это происшествіе у Каскѣ произошло легко. Былъ ивиль что не съ преступнымъ человекомъ, а съ преступникомъ, съ покаяннымъ. Въ покаяніи преступникъ оны кажетъ предикатъ "нарушеніе установленнаго порядка". Но законъ — предполагаетъ приказаніе, законъ. И исключаетъ пункты этихъ этотъ законъ. Кто его нарушитъ, то преступникъ. Преступникъ относится изъ группы катэгоріи, чѣмъ люди вообще. Если бы въ тотъ моментъ, когда Каскѣ назначали катэгорію для преступниковъ, оны видѣлъ передъ собою не покаянъ ея признавали, а живого человека, котораго, какъ Мандатъ, свѣтъ угасали, который бы имѣлъ оруженъ, проникать въ жизнь и т.д. — то могла она те-горію не прихитила бы ея въ злобу. Былъ поучительный бѣдъ, что Мандатъ тѣмъ оступившійся человекъ, что не казнить, не травитъ его мадо, городовыми, солдатами и катэгорическими катэративами, а подалъ ему утѣркой Нотариусъ. Въ этомъ проявляется разнѣца между

182)

могли бы и поэты и философы. Вообще-
всегда думают, что поэты превнеде всего
и, молчаливы. Наоборот философы, именно в эти откопаны,
являются, сближаются славян
погрязают поэты. Поэты, чтобы
могли бы не только втрываться от
грозительности, от некротичности
явления и перестают ^{чтобы избежать} в помысли, ^{задачу}
которые ~~являются~~ представляются
сближаются грозительности, но и
меньше содержатся. Поэты видят живую, существующую
преступника — всего и с преступни-
ками, и с опасными, и с радости-
ми, сомиками, надоедами. Философы
видят только преступника, который
является в его кабинете в своем, чистом
виде, препарируя для него содержание
изящности. Все, что видят на пре-
парат философы — видят в основном
человека и поэта, который не только
для того, чтобы молчаливо упрямство
интересующие с объектом. Менепри
превосходно видят в Мамбет и
преступника, и человека, и короля, и
самых, словом все, что в нем есть.
Сложности явления и в то же время
не пугает Менепри: ибо он все знает
поэты. Философы же так молчаливо
невозможно. Чтобы поэты преступ-
ности — он должен и записать его,
оторвать от преступника, превратить
в чистое понятие. Молчаливо посред-

стбонъ покаятѣ, и о перко, и сравнопо
 лоче, чѣмъ представлятъ себѣ живое
 образъ. И этотъ объясненной путевиз-
 бираютъ философовъ. Чѣмъ общѣ пона-
 тѣ, тѣмъ бесспорно сатисфакція ономъ
 тѣмъ меньшаго копретивенія ~~всѣхъ~~
 душевныхъ силъ оно требуетъ. Философы
 ищутъ въ ономъ „умомъ“ — говорятъ.
 И это правда въ томъ смыслѣ, что ому
 не требуется отдавать всего своего су-
 щества для творческой работы со
 мисли. Недаромъ Спиноза поворачиваетъ: non
 videtur, non videtur, neque detestari — sed intelli-
 gere. Но эти же какъ борются полагаютъ,
 что понимаютъ, не объясняя смыслъ, и такъ
 и прокламативъ — нечего. Что ^{планъ} ~~этотъ~~ ^{смыслъ}, ~~фра-~~
 гментъ и ~~фрагментъ~~ отъ чужихъ нашихъ путей
 принде всего покаятѣ. И, философы, такъ
 упростили задачу, переиссудили о тѣ
 изученія жизни и изученію ономъ тѣ,
 не представляющихъ — сѣтъ ботаники, не
 видящихъ въ жизни никакого збѣтѣна.
 Философы въворачиваютъ, что какъ планъ
 жизни — сѣтъ сама жизнь. Но жизнь,
 какъ она не соответствуетъ плану,
 заключаетъ въ себѣ нечто, что не
 можетъ быть передано линіями и
 точками. Но — ~~да~~ ^{только} знаетъ планъ
 жизни и отъ чужихъ видитъ возможность
 проведенія разграничительныхъ чертъ:
 этого его никакъ въ лабиринтѣ жизни.
 Но сверхъ того, онъ еще чувствуетъ, что
 жизнь сама это нечто естественное.

13, Мои Батя - все исторический императив
 тива Нанта, который иль подроб-
 ности, но не только исторический
 императив, а еще много того, что об-
 новлено и не спит с самой глубокой уче-
 ности. И потому оценок знаний и
 роли императива ^{косте} Яменетира собствен-
 ная, чужая философия. Указо Яменетри
 он один из могущих встать, исти-
 рически барометр иль обитатель чело-
 веческой души. Смысл его: регулировать
 человеческие поступки. И только: в
 вставке, присвоение или себя права и
 отлучение человека, на акавалу - сест-
 рин присвоение. Нанта же это именно
 присвоение признает характерной чертой
 императива, то отличить от пред-
 ната его, которые соответствуют
 всей человеческой, платящей, радующейся,
 ищущей и проклинаящей природе от-
 ната признаю, которые ей не соот-
 ветствуют, он не может: невидео,
 non videtur, неже detectari, sed -
 intelligere. Нанта, как и философ
 философия начала с того, что все радости
 и страдания, эти приращения к понятию,
 могущий истинной философией.
 Они и не подозревают, что можно
 мысли иль - передвижения и понятия,
 а также, копиретные образы, с которыми
 или признаками, и что философ этого
 куча Батя - истинно. Выводная
 глупость по отношению отлучается
 не качественно от душевной глупости

и тоскою гнилословия, на нѣ поа-
 дають. Каоборотѣ—но тѣ есть прежде
 всего гнилосодръ, который ^{мощно} чинитъ (перехва-
 вать не поае какъ ни—похитѣ, а массовая
~~участь~~ ^{скала}—оживое сурово. И отъ того,
 у тоскою чинитъ чинитъ, измодулюю-
 вивший міръ, мертвой, по существу.
 своему более близкий нѣ похитѣтѣ,
 была столь успѣха, въ то время какъ
 нѣ гнилосодръ похитѣтѣ объяснитъ
 всю жизнь огушвлению и обдунвлению
 приборили нѣ естественнѣ, которыхъ трещина были
 вапеленнѣ нѣ почтѣтѣ компъ наши и миадроманы,
 какъ говорить Ленин. Это нѣ похитѣтѣ жизни—
 нѣ чинитъ чинитъ мощно не отвлекаетъ отъ жизни т.е.
быть похитѣтѣ. И поэтому, у гнилосодръ на нѣ со-
 своимъ нѣ исторический императивовъ повто-
 рить въ концѣ концовъ на гнилосодръ матери
быть разнѣ распространенной предразудом:
^{заключенной} нравственность есть то что люди должны дѣлать
и чего они нѣ) нравственность есть голосъ, прика-
зывающій людямъ поступать не такъ какъ имѣ
хочется, а иначе. Это всѣмъ нѣ зоблужденій,
ведущее къ осязательной теоріи мактовской постигнѣ.
Нравственность—вовсе не противуположна
человѣческой природѣ, и никакого вынужденія
повелѣннѣ не заключаетъ въ себѣ. Каоборотѣ,
въ ней ^{нѣтъ} силы принужденнѣ. То, что терзаетъ
Максета, это голосъ совѣсти—вовсе не
относится къ области нравственности. Но
это на исторический императивъ, для него и Максета
собственнѣ несущее сущее, есть нѣ предразудки.
И нѣ различаютъ и для общественной
безопасности они очень полезны. Въ дѣ, если бы
не были шатались и и Максета, и видѣтѣ,

не убилъ бы душамъ. И обществъ всегда очень
уныли такіа приважи и^{бу}чьныя поутѣхъ востан
овки въ чело вѣстескую душу, тѣмъ же въ чело вѣ
башъ кадо вѣстесго. Право со свѣиши олу жистѣмъ
не всегда могло настѣжъ преступниа нечестъ
редко и нѣтъ возможность предупредитѣ
преступлений. И исторический императивъ, для
своихъ подданныхъ, всегда башъ отличавшъ
судбой. Иногда ему не удавалось угрозами ора
новитѣ руку убійцы, но за тѣ всегда онъ мѣтилъ
исполорхитѣ. Но, повторимъ, исторический им
перативъ въ находитѣ въ области правосуде
ности и въ нѣмъ являетѣ дополнителъ права,
Нравственностъ нажимае тѣмъ, гдѣ монѣ
етѣ припущеней. Понятіе о долѣ, предписаніи,
обязанности — чѣмъ юридическимъ, ибѣсь и нѣтъ
обязательно связывае тѣ представлени о нахождѣ
либо, физическомъ или душе вѣномъ нѣмъ, въ тѣмъ
что у юристовъ называе тѣсь бѣсаторождѣмъ и нѣ
кѣмъ, «вѣнчѣи». Тѣмъ не долѣмъ и тѣмъ, ибѣ тѣ
буде тѣ некоррѣктны, тѣ не долѣмъ убивать, ибѣ
тѣ буде тѣ убѣ преступниа. Или тѣ долѣмъ
помогать бѣнѣстѣмъ, ибѣ тѣ буде тѣ коррѣктны
всѣ тѣ извѣстѣ, приказаніи. "Нравственный человекъ,
какъ мы говорили, гдѣмъ тѣмъ добро не съ тѣмъ,
чтобъ самому бѣмъ коррѣктны. Онъ помогаетъ
полорѣмъ, и тѣмъ тѣмъ, чтобъ онъ
бѣмъ свѣтѣ, а не затѣмъ, чтобъ любя тѣмъ
на свою душе вѣную прасотѣ, какъ художникъ
илюстѣмъ картиной или природой не съ тѣмъ,
чтобъ называ тѣсь себя зѣтѣмъ и нѣской натурой,
а потѣмъ, что ему картина или природа
нравитѣсь. Но тѣмъ тѣмъ, которѣе называ
ютъ долѣ, у нѣмъ, свѣдѣ тѣмъ вѣмъ
и нѣмъ о тѣмъ, что онъ и нѣмъ обязатѣмъ
какъ нравственности, при тѣмъ бѣмъ бѣмъ,
чтомъ онъ бѣмъ. Онъ и нѣмъ и нѣмъ
и нѣмъ. Не съ тѣмъ, чтобъ на нѣмъ и нѣмъ

а что бы приобрести право называться
 „моральными людьми. Такой тип людей
 существуют в человеке и в известном
 смысле полезны. Но анализировав жизнь его,
 как его знает Кант, значить останется
 разнотия, где лишь начинается прав-
 отвенность и где — колоссальная область не-
 ответственности философа. У Менепира „Мандат“
 не политический трактат, подробный анализ
 органов из моральных и политических
 действий человеческой души. В рендант к нему
 можно отнести Гамлет, как мораль.
 Мандату свойственны не грехи, Гамлету —
 грехи. Оба нарушают его. Природа одна:
 и в грехе — грехи. Мандат не горюх оттого,
 что бы чувствовать в душе человека,
 Гамлет — не хочет жить, а принужден бороться
 сию секунду. Брут, наоборот, поступает
 смело в жизнь, не справляясь с неприятными
 предписаниями чего борьба внутренних и внеш-
 них сил иной характер. Он не бранит
 себя, как Гамлет и не грешит предъ призра-
 ком, как Мандат. Он остается человеком,
 которому приходится бороться с теми силами
 бытия и условиями, по которым все время
 поступает так, как полагает нужным.
 Он любит людей — и падает Антоний, спасает
 Юлий, прощает Кассий. Он любит свободу и
 убивает Цезаря, духом которого ему невоз-
 можно обладать. Брут патристический
 императивов не знает: он не поддается
 под нравственность, ибо „он человек“
 в полном значении этого слова — он
 знает свои существующие силы, понимает
 и чувствует себя и всех близких.
 Ино видно, что у него вопроса о грехе нет.

человечества, исторический императив
лишь временно ему нужен и для того
благоустройства и безопасности. (Сам по
себе ~~он не имеет~~ ~~повелевает~~, который ~~есть~~)
(~~не только не в~~) и в свое время так-же
незамыслимо уйдёт, как и пришло. Вместе
с прочими в тех или иных условиях и он
предназначен лишь для того, чтобы
выполнить свою. Поэтому же кантовская
теория так вредна, что ее охотно каза-
вают „благородного защитой догмы“ в ка-
же благородна — а приподнимают, и не защи-
та а объяснение догмы. И ~~то~~ Кант что,
испытывая неспособность, должна ~~кант~~
уступить Кантемировской догматике, кото-
рая говорит: нравственность не знает
приказаний, догма потому — еще не область
нравственности. Преступник, не исполнивший
догму подвергается неким отбывающим
не в виду нравственных требований, а для
удовлетворения ^{для упрочения порядка} ~~нашего~~ ~~мнения~~, ~~нрав-~~
ственности никогда не требуется наказания
слабого, а преступник ^в — не „хочет быть ви-
новатым“, а не умеет быть ученым, или
быть созвонным.

Может быть в отчаянной борьбе
со своими противниками. Лидер может
принимать яды. Такова кровавая
развязка кровавой трагедии. Но не затянута
маневренная война, чтобы показать, как
полагает Брандес, что, так бы хотелось,
когда люди поступают и так — а затем
чтобы свести к нулю истинную природу

преступница и преступный. И въ „Малбети“
 Мексикеръ раскрываетъ предъ нами исторію
 убійца въ частности одну изъ самыхъ ин-
 тересныхъ и юныхъ истинъ: преступ-
 ныхъ ² дурныхъ, ¹ черныхъ нѣтъ, никто не
 считаетъ бѣго дурнымъ. Каждый ищетъ
 мисли того, что ему нужно, ему дорого.
 Не наказывать людей, не дисциплинировать.

решаютъ идеями чуждыми, а правосуд-
 но развиваютъ. Связь между ^{любимыми} (словесными
 и библѣическими) должна бѣть не въ чужихъ,
 основанная на правѣ или догмѣ, а внут-
 ренняя, основанная на способности
 чувствовать въ каждомъ человѣкѣ-
 б. человека, себя самого. Малбетъ
 сталъ убійцей только потому что
 вунданы бѣго для него мисли как-
 ниско на пути, а не такъ инъ-же Мал-
 бетъ.

действительности, Свобода мысли, гонимы
 критик и уверяет читателя, что над
 судьбами людей господствуют, сила
 судьба т.е. случай, который губит и доброт
 и злое - и что автору остается возможно
 лишь бороться с ним. Кто не боится
 кто (приметъ уличенное) осмелится
 бороться, предлагать до своего гурла
 в хорошие - тому да послужит Брут
 предостережением. "Часть Брута не
 приближала Мекенира" - вот смысл орун-
 кой книги Брандеса. Нужно идти высоко
 в горы, гонимые люди, гонимые судьба,
 и там далеко отъ всего чуждъ прародителю,
 сознанием своей возмужной силы и мощи
 дружини непременно господствуя гундвану,
 (Брандес, в полове 3а) которые оулавываются
 замечательными болями уважения, ибо
 они больше похожи на ^{научный} "Холод-
 ный и обледенелый" (научный синонимичный
 критику, подобно тому, какъ тепловой,
 субъективной, ненаучной в свою очередь
 обличают рядомъ одно научныхъ словъ.
 Все это, какъ мы видели, водичка
 чистой воды. Мекениръ не въ "Буря при-
 мирится с жизнью" (а въ Коринт Диртъ.
 "Буря лишь прощальная, лебединая песня
 поэта.) т.е. началъ и, а въ своихъ трагедияхъ
 и еще раньше въ своихъ комедияхъ и драмахъ
 Немецкая критика, ^ккоторой Брандесъ
 относится с такими презрениемъ.
 единственно потому, что она не знающая

съ нити, въ лица двух лунных и
 представлений, Умрица и Дербинуса,
 у нас ^{богач} ~~нечто~~ больше потому назад выяснили
 величье значение Шекспира. Брандесъ,
 занимаясь у нас содержанием для своей
 книги, составляя из набранных университетских
 соображений глава своей книги, не умевъ
 увидеть въ глубоком смысле принципальный
 положений из и оценки греческого
 учения великаго поэта. Это испугала
 „правительственной тенденцией“
 критиковъ! „Какой немецкий критикъ
 не морализируетъ“ восклицаетъ датский
 критикъ съ чувствомъ собственнаго пре-
 восходства. Вѣтъ, Брандесъ, не морализируетъ
 и вникаетъ въ это объективное
 въ великую задачу. Вѣтъ онъ предполагаетъ
 взять у тла „^{его творить}“ и на разное
~~тла~~ главы доказывать, что и Шекспиръ
 вникать въ деполитическое положение,
 то есть, что „случай“ ведетъ людей, съвозлеженъ
 определенная и самая сложная объективность
 къ рою, преступлению, безумию и смерти
 (фактически) магии, какъ систе-
 матическимъ у Брандеса вхождении въ „случай“
 ведетъ и самого Шекспира къ Гамлету,
 Лире, Корiolану, Просперо. Обидитъ поэта
 актеръ — а вѣтъ Лиръ, предпочтетъ ему
 Кембронъ — Испана, или покажется ему
 театральная публика слишкомъ плохой
 и вникать въ искусство — нѣтъ Корі-
 оланъ. Вѣтъ рѣшительная оборотистая
 ченция — вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ,
 и насущно вступаютъ романтические

≈ Шиб. 204 ≠

драма. Случай - всегда и всегда, и в трагиче-
 ских поэта и в его личной судьбе.
 Отсюда философия пессимизма и безраз-
 ательность, ибо раз случил воспоследу-
 етъ, то на похвалу или не пританцуй
 и изъять ударов. и Угадывае все Брута
 такъ непримкательна. Il faut s'en tenir
 notre jardin, повторяетъ виллы и
 Мэлон Брандеса и это его резюме
 Шекспира! И для этого нужно не мора-
 лизировать, говорить о гиллетантэ,
 откидывающих у поэта права на со произ-
 ведения, ваявать китчевская, "наде-
 ловка", создавать фразы о чужих
 Шекспира, называть Шекспира, благода-
 ренствую года человеческая! Для этой
 поэты нужно было написать столько
 страниц, для этого о Шекспире нужно
 было разнать писателям написать
 столько сочинений, для этого Брандесу
 нужно было самому издать книгу
 в 1000 страниц. И сейчас же, только
 у одного Брандеса, и у Мэла, которому
 в силу поэты до Шекспира ничто ра-
 зительно никакого дела, можетъ
 получиться, такъ и заключить. Мэлу
 казалось, что все Шекспира написано
 рукой человека, "большая лихорадка
 в ночь припадков". Иные слова Брандеса
 не повторяетъ. Он слишком научная,
 и у датского критика, голомяющего
 и неправящего "специально" Мэла,
 они замъ некое много, больше поднаде-
 лившая "художественной" поэты

Нити хороше хоня твоя, что оно
 възвнеть на разнаменіе. Книга
 Брандеса ^{на паеть} — настоящая колыбельная
 песнь доброты ^{от} ^{посредственных} ^{филантропов}. Заблуди
 она? Вни и безъ того хороше она твѣ.
 Какъ будишь, а поздравлять ^и пудитъ.

Но литература ~~безсознательно~~ поступила
 на службу къ добротѣ и чуждымъ ибо
 эти доброты люди — стали филантропами.
 И ~~называется~~ она существуетъ (для истинныхъ)
 для того, чтобы и безъ того незнающихъ горь
 и милькихъ въ блага людей дать новое
 разблещеніе. Она можетъ правдѣ говорить
 о познѣ. И въ буржуа хочѣ подѣлаваніи
 вътира въ измѣненіи, думать, советникъ намъ
 Мексикъ, о томъ, что, вѣдѣющіе и враня
 называется смущающіе именитъ социальнаго
 вопроса! И для этой ~~борьбы~~ цѣли у
 чество чество отъкидаться лучшаго отърада,
 великій творецъ Веліама Менендра!
 Счастливы чуждымъ приятно говорить
 въ свѣтѣ представленіи и поселились и въ теплотѣ
 копилатанъ думать ~~и паеть~~ вообразимыхъ
 лиранъ, борющихся съ дочками, фаворитъ,
 бурю. И они говорятъ: миру помощь не вѣра,
 будешь и сокрушеніи твоимъ разнаменіемъ
 в трагедіи, похитишь радость и горюхоту
 погань же отъ Брутуса... Книга Брандеса
 объявляетъ намъ: въ правѣ — самъ Мексикъ
 такъ думать. Воздвигайте свои сады,
 не въ буквальной смыслъ этого слова — а
 многозначительно: случайте, торжуйте, жемитесь,
 путешествуя, будите артистическими и
 такими образомъ сами легко будите и такъ

~~Обязательно — не иначе.~~ говорить прямо против нас.

Въ уаиѣ Брута (не отъ полнѣ кула - а
прѣвѣрѣна.) не конуѣна.

Все это совершенно - в том смысле, что
выражаясь собою, найдешь и распротранен-
ную житейскую философию. Это признание
ежесекундно человека, не знающего, за что
ежедневно нужно сорить слезами.

Брандесъ, на манеръ Метерлинка - убожествителъ

даты. Бюро они никогда не возмущаются,
а просто ищут и ищут книги. Справляются
у него и приписки по Бюро. Но эти два

хочетъ бѣтъ, хвораетъ великой каторгой

и Брандесъ употребитъ читателя, въ

они рождаются только ~~потому~~ потому,
 что иначе невозможно, ~~быть~~ *быть* *дождь*
 и не соблазняться *участью* Брута. Не
 самым *грубым* все происходящее в обрат-
 ном *порядке*. ^{Длительность} ~~Участь~~ Брута вообще, сама
 по себе не представляет критики, ибо она
~~требует~~ не *нечего* *таких*, которые способуют
от *продлить* *свой* *геноцидной* *жизни*, *кажд*
 все вообще *коротки*, ибо обобщивает *возмож-*
ность *массовых* *суд* *у* *каждого* *из* *буржуазных*
класс *и* *другие* *несчастные* *обстоятели*
в *бурю* *белой* *судной* *теплой* *искры*. Так
 посредственность всегда думала *нечувство-*
вства, и потому *обанкротилась* не *прежде-*
вала на *почетный* *путь* *и* *аристократов*
дура! *Развешенные* *хотели* *быть* ^{только} *благотворителями*,
 и не *сжалили* *бать* *величины*, ибо они *видели*,
 что *Готспора* *и* *за* *этой* *призрака* *вели-*
чия *обанкротилась* *очень* *своего* *контали*.

Но новая, современная критика *наших*
возможностей такую *горизонт* *величия*, кото-
 рая ^{не} *сопоставлена* *с* *опасностями* *и* *отсут-*
ствием *Фантомас* *и* *целой* *славы* *и* *художествен-*
ных *паттерн*? Для этого *подвиги* *не* *нужно*,
правильности *и* *строгой* *жизни* *тоже*,
нужно *точно* *говорить* *каждый* *случай* *о*
гарантирующей *видные* *искусства*, *невозмож-*
ности *добра*, *не* *нечего* *и* *нужно*, *и* *т.д.*
так *и* *каждый* *может* *да* *пожизненно*,
 пока не придет *урочный* *час*. Книга *Бриггса* -
благотворитель *для* *новых* *развешенных*. *Откуда*
они - *не* *каждый* *развешенный*, *существовавшие* *и* *т.д.*

устойчива мысль. Такой отброс почитая
для литературы, для науки, которую
будет читать человек, ищущий
новых поэтических путей в отдалении
своего писателя. Мекенпир не гротеск
изображения человека, ибо итак, что
отбрасывает этому Лире, ибо знает, зачем
иссечет поучительную трагедию. Вн, ко-
гда ты не читаешь человеческих судеб,
и читаешь: как в жизни и в искусстве,
так в жизни не только трагизма,
как в жизни не только трагизма, в жизни
человека не только. (Эти давно уже отки-
нуты кисти и критиканы. Фран. Дерви-
нуса говорит:) Вн знает, что в Мекст-
ровских трагедиях как в жизни и в искусстве
и это они называют его идеализмом
Вн понимает, что искусство, поэзия
требует исключительных изображений
и жизни в жизни не только элементов,
которые существуют как в действитель-
ности. Вн (как свидетельствует уже за-
тасовка) существует в прямой принцип
понимания Мекенпирова (миросозерцания)
поэзии. Вн (как свидетельствует уже за-
тасовка) она в идеализме,
т.е. идеализм она в идеализме
идеализм идеализм идеализм. Дерви-
нуса знает, что задача Мекенпирова
состоит в том, чтобы, обаяно родит
природу, подражая ей. Это искусство
возвращается к идеализму и иде-
ности нашей жизни и, что это поэзия

Стоит ли не только в том, что рисован
 то, что он видит — но еще и в том, что
 от себя перестраивает давая и наблюд
 нельм материал. Мексиканский реалист, свои
 впечатления из черпает из действ
 тельности, но описывает их так, что
 читатель вообразившись в них основан
 иду, в которую «входит» поэт. И
 в этом, по мнению Девинуса задача
 искусства — давать так, что и
 не может быть в жизни. Знаменитый
 критик по-прежнему отталкивается
 на вопрос о том, как и в образе
 достигается поэт, почему, потому, что
 противу природы, как и удача
 ему, становится реалистичнее и привносит
 в свои произведения идеальность. А.
 Принцип Полонского Девинуса несоответ
 ственно правды: то, что он называет
 идеализмом Мексикану присуще. И, значит,
 не может не представлять собой
 интереса как эта возможность совм
 ещения идеализма и реализма. Разр
 шение этой задачи есть ответ на
 ный вопрос Мексиканского, вообще
 поэта и его творчества. В чем
 может быть его ориентировать, от
 чего у него есть жизнь, действительность,
 которая не поэзия, просто и
 наличие отчаянной, владыки и
 а осмысленной, в том, как и

торому приходится впервые узнавать
 (такая) вещь, известная всем. Хотелю,
 чтобы эти привидения оперировать над
 отвлеченностями, там же четко складываю-
 щимися в систему, теряется. Живая она-
 зовывает неопытных ко всему, к чему неопыт-
 ные от друга учась, а не от себя (собой)
 люди - плодами и мучающимися. И в замкну-
 тости всего - наем на смерть, наем
 самой неопытной мучи неопытной существе-
 ваний. В жизни все было строго,
 ясно. В жизни - все было ясно, ясно,
 ясно. Жизнь обманчива, принцип, а
 он валил все на жизнь: сводил
 обманчивую жизнь. Кому, говорит нам
 Мендель, жизнь и теперь, порахотам Лам-
 пета, не обманчива. Она только
 доводит его от предварительных управле-
 ний ума, от гимнастики духа к
 делу. Живая мысль, обратившая
 живую думу в действительность в ряд поня-
 тий, говорит нам, наем стадия в ко-
 ловчатом развитии. Жизнь не ма-
 терь в кабинетных рассуждениях -
 но этого мало. Жизнь еще научител-
 также больше важному и трудному
 неусетву - рассуждениям и размышле-
 ниям о жизни. Она отводит от дум и де-
 лательности главную часть ее содержания
 и научит властью полировать, поли-
 ровать, полировать модели и модели
 и влечет - понятиями. Теперь нужно
 и к ней перейти к ~~ма~~ матери, матери,

ложь, но богатство содержательных реальностей

Теперь нужно отдать всю свою душу по-
вой не учебной, а рабочей, а работа не учебно-
но ласкатель не может и не может. Жизнь
не такая, как пасть выпившая училки
всклицает он и просит лишь одной-
забвения. А теперь ты теперь именно
тот момент, когда забвение имеет
всего нужно. Теперь именно нужно на-
чать казнить т.е. бросить в тюрьму
управления тюрьмами и взять на себя
большую трудную, но и больше обязывающую
дуть, работа. Теперь все нужно при-
нять не вечно доступной простоты
и писать т.е. полную изобразительную,
а во всем всякой величии и сложности (жизни)
двойственно существующая. Прежде
было добро и зло, два понятия. Теперь
есть добро и зло, а зло, а зло, а зло, а зло,
мать, дурной. Клавдий - дурной. Кто-то
даже не то нарушает Божеский закон,
а родная мать. Не человек вообще "люб-
ность мертвой преступлений вообще" - а
отец умирает от руки дурной. Когда
в книжке, это торжествует вавило падает
"добро", Ласкатель утешался тем, что
будет не когда день и "добро" востор-
жествует над "злом". Это в конце
концов, человечество придет к ска-
ти, и к добру и ко многим порокам.
Но теперь дурной убил отца, нет вавилон
за мучь задан. Вавилон стоит
весь понятии славится предв принца

Знает он, что смерти не придёт вовсе —
 как воеводу — что смерти есть неизбежное,
 что смерти по жизни пойдёт пулко — и
 все-таки ногающая в своих монологах надх
 тельно, что нас видеть за рубежом — епохой по-и-ла
 сон или сон с видениями. Все это — не
 случайность. Помните отличной фекто-
 вальности, по плохой воле. Виз в фекто-^{или оптимизм}
 вальности залп еправится к любящих про-
 тив и оных, но на полн битья его поразит
 саблонию. При виде крови, которой он
 во время управления никогда не видел, при
 малейшей боли, ^{от} (кроме фекто-вальности и а
 вальности пуловка на концы рапиры
 соперника. Помните терпение. Вой на не
 фектование ^и с горечью и удивлением воски-
 цает он. Конечно, не фектование отви-
 тить ему первой встречной простой сол-
 дат, совсем не знакомый с военными
 книгами. Как далеко искусство воевать
 от чужбых драбес на тулов рапирах,
 так далеко ^{истинное развитие} философия от «милений»
 Римля. Помните трудно справиться
 с вавшей на елодалю задачей и много
 потому, что он ребенок в философии.
 Он знает много приемов борьбы, но не зна-
 ет борьбу. Оба и по-всему ~~все~~ думают, что,
 наоборот, Помните оттого безгра-
 тельно, что знает и понимает жизнь.
 Наоборот он оттого безгра-
 тельно ^{и не знает почему} не знает, не понимает, ~~жизнь~~ ^{что знает}
 (лине грамматику) Он инос-
 тельно, буги-виз грамматику, но не знает

слова. Наму кажется, что все говорят
 одну и ту же посты, ибо они не покидают
 наш язык. Теоретическое изучение жизни
 обязательно приводит к такому
 результату. Каждый кабинетный
 философ не вправе потому разсуж-
 дат о жизни. Он может высказаться
 неспешно, он тих и скром, и тем
 уютно - но он скрывает боль в жизни
 неправду. Тот, кто ищет только
 эстетики, кому нет дела до внут-
 реннего содержания человеческих пе-
 реживаний, тот обязательно при-
 дет к отвлеченностям, к мимолетным
 впечатлениям, к случайностям
 жизни. Мы следили за Кантовскими и Шенкелевскими
 категорическими императивами. На-
 ставьте Канта в положение Гамле-
 та и он, после всех своих рассу-
 ждений одобрит и той боль, в преступни-
 ках и праведниках, не будет знать
 что думать. Хорошо когда мы пре-
 ступники в катехорисе, когда мы
 "люди вообще", но каково предавать
 или анаемю, когда в них чужд оказы-
 вается мать, отец, брат. Кто изри-
 сословия тогда ^{всего} ~~обязан~~ не проклиная,
 не плача осуждать, как балуны и как
 императива?! Кто станет тогда
 говорить о добре, "добра" ради, злом.
 Кто устроится на разномыслиях
 обущихся счастлив, человек есть

Кто, взиравъ съ Гамлетомъ, по прощан-
 нтѣ ищущи сечи на его плаванъ дорогѣ
 и люди окажутся перевесенными и
 Катеринъ и доброты "въ Катеринѣ, дур-
 ный? И въ этомъ различіе филосо-
 фская мисленіе отъ поэтическаго.
 Философъ-принимаетъ къ чуждымъ
 тѣ метода, которые ему пригодились,
 когда онъ ищетъ утѣхи въ мертвотѣ
 міромъ. Онъ ~~наблюдаетъ~~ ~~и~~
 только. Онъ у людей преследуетъ, чѣмъ при-
 нятъ ихъ въ свое вѣдомство, отъ нихъ
 беретъ ихъ право божьихъ, а потомъ
 изучаетъ ихъ, какъ объектъ съ, прина-
 ками. Эти убогость Гамлетъ, эти убо-
 гость Кантъ, Милъ-Наседой философи
 эти убогость. Поэтъ поступаетъ
 иначе. У него прежде всего человѣкъ
 встаетъ въ человѣчності, съ которыми
 онъ плачетъ, радуется, прощаетъ. У поэта
 есть и не можетъ бѣтъ отвращеніе,
 къ преступнымъ злодѣямъ, къ развратни-
 камъ. Онъ тогда лишь поэтъ, когда Ригардъ,
 Яко, ^{для него} Мавбетъ — Стохастъ на его отца, Косо-
 патръ, Маргаритта, Пертурдъ — на мать.
 Когда все люди ему ~~такъ~~ близки и добры,
 когда за каждою отъкровеніемъ человѣка
 онъ горю и вѣстѣ судьбы. Лишь въ такомъ
 случаѣ поэтъ исполнитъ свое назначеніе
 Кто такъ чуждымъ спрашиваетъ, тотъ
 не будетъ ~~гармоничен~~ ~~и~~ ~~въ~~ ~~гармоничен~~

тайна. Гамлетъ, пока преступниками,
 как Керонъ и Клопатра - все, понимая
 что ~~пер~~ Кларонъ ~~матъ~~ ~~автор~~ он был
 полным: полнее всегда понималъ.

Но когда Клавдий и Гертруда оказа-
 лись преступниками - он потерялся -
 и поэма этого не можетъ быть. Он,
 как Байронъ, потеряетъ и прокля-
 тетъ жизнь и за того, что чувств
 ему (старая форма) ~~мод~~ - ~~слова~~,
 и не становится андаль, пока ~~тотъ~~
 отца рассказываетъ ему страшную
 вещь о царящихъ въ миръ злыхъ. Байро-
 новскій пессимизмъ сѣтъ стойкий, черезъ
 которую обязательно проходить ~~каждому~~
~~каждому~~ поэту. ~~Рассказъ~~ Углей спрашиваетъ
 только, почему? - ибо ему больше ничего
 не надо. ~~Потомъ~~ спрашиваетъ - "Зачемъ?".

У Шекспира былъ переломъ ~~в~~ ~~жизни~~, когда
 почему перестало его удовлетворять, когда
 онъ почувствовалъ свое право иначе спраши-
 вать жизнь. Когда на Гамлета обруши-
 лось несчастье - онъ какъ котикъ, ~~и~~ ~~молчи-~~
 тельно утучнилъ жизнь смерти, утучнилъ
 въ ~~жизни~~ ~~миру~~ человека. Воспитанъ
 въ атмосфере покаяній, онъ не всталъ
 задорно ~~но~~ ~~не~~ ~~они~~ ~~права~~ ~~тѣ~~
 жизнью. Когда съ Шекспиромъ случилось
 то, что обнажило передъ нимъ ужасъ ~~жизни~~,
 онъ не только ~~жизни~~ ~~существованія~~, онъ ~~понялъ~~
~~зачемъ~~ ~~это~~ "Зачемъ" не ~~менее~~ ~~за~~ ~~мало~~,
~~зачемъ~~ ~~почему~~. Ниррнъ раздробивши
 голову человеку - ему ~~тѣ~~ ~~Гамлетъ~~ ~~и~~

Кроме бездельных проклятий он ничьим
 не может отозваться на чужую посты
 такую зависимость нашей судьбы от
 бесконечного случая и эмпирико ищет
 "сна" которой, окончит тучей и тысячи
 ударов. Это же урочье бедствия для него
 горюшек и сарказм и осуждений. Не боятся даже
 чужие баты, если только сон не постыдит
 свидетели. Шекспир не то отвечает ~~и~~
~~оружия не так несчастливо, что не баты~~
 лучше, чужие баты. Къ тѣ, наоборотъ —
 баты лучше, чужие не баты, сугубо тѣмъ
 куплено борются до последней капли за
 право своего существования. Куплено все
 вконец — но возмездия, ~~платятъ тѣмъ~~ ~~за~~
 вѣтѣ изъ безмолвной власти надъ чело-
 вѣкомъ и содвигавшей природой. Кто почув-
 ствуетъ какъ ^{послѣ ~~привисши~~ духа} ~~замечаетъ~~, ~~всѣ~~ ~~узнаетъ~~ этой
 власти, и какъ Шекспиръ глубокую пот-
 ребность "бать" — тотъ осмелится, вопреки
 очевидности кирпича, спроситъ вѣнчикъ
 "потому" — заплывъ. Замечаетъ несправедливый,
 ибо онъ живетъ въ силѣ, который такъ
 близокъ къ бедности. Трагедия должна
 бѣла. Да разбудитъ его, но онъ не хочет
 пропустить и потому ищетъ. Если бы онъ
 пропустил — ему стало бы жаль, что "не баты"
 "не (можетъ баты) лучше, чужие " баты, не
 потому что онъ ищетъ въ нихъ сѣнь тѣмъ
 правило, а (потому-ли, потому онъ теперь)
 безъ всякихъ "потому что". Но и тогда бы
 лишь разрывъ вѣнчикъ глубокая потреб-
 ность понять что-то-убійцу, ~~потомъ~~ — ~~измѣн-~~

поэтическия изображения трагедіи не
 удовлетворяет ~~такого~~ большого напряженія
 какъ у Шекспира. Поэтъ неосмысливаетъ
 ничего говорить. Все, въ чемъ когда либо
 кто либо обыкновенно жизнь воспроизводитъ
 у великаго поэта. Вся новѣйшая лите-
 ратура съ ея скептическими спрем-
 истеніемъ, обманъ и скротомъ, не погрѣшу
 притичея чужды, чужды вѣтскія изъ
 Шекспира. Равнодушіе, безразличіе въ душою
 отца, не знаетъ и малой доли того, что
 знаетъ ^{мнѣ} Шекспиръ. Но великаго поэта ~~офиц~~
 приять то же какъ на себя время всеглаголющаго
 горя не раздавало. Наоборотъ, похвѣтвованъ
 у безразличности чуждыхъ страданій, онъ
 понималъ, что они не могутъ быть удовле-
 влены падающими кипицами. Тамъ же гениальна и неслетна.
 Гамлетъ укоряетъ, ибо онъ не можетъ по-
 нять, (тамъ гениальной Шекспиръ по)
 тамъ же гениальна, но не знающая трагедіи
 Гамлетъ укоряетъ, ибо онъ не можетъ по-
 нять, тамъ гениальной Шекспиръ по-
 нимаетъ мнѣ и посылитъ. Понятій для него
 не существуютъ, ~~У него же~~ ибо онъ ему
 не понятъ, ~~чтобы~~ ~~была~~ такъ средства для
 того, чтобы вкратитъ удовлетвореніе
 тазомъ всю жизнь. Предъ Шекспиромъ
 эта жизнь, проходитъ все въ личномъ,
 со всемъ своимъ содержаниемъ, ^{ры} ~~Гамлетъ~~
~~какъ~~ видитъ такъ далеко, какъ не видитъ
 ни одинъ человекъ и для этого не
 въ конгрессахъ, тысячахъ образъ.
 Онъ видитъ только одну, ~~тамъ же~~ ~~мнѣ~~

Не замечая ~~фундаментальности~~ ничего
символами — линиями и точками.

[illegible]

гробахъ погову условны, а будятъ его.

Удара судьба оказывается не безосмы-
сленной, не случайной. Они не уничто-
жаютъ условна, а воплощаютъ его.

Ликорагна, Фаяса, Гротъ, Буря, которые ка-
зались намъ случайными чудотворцами пре-
ступницъ дочерей — рассказываютъ Лире то,
чего ему не могъ отъослать чуждый и впр-
тыйный другъ его, Нептун. Но видны въ горе
Лиры — и чудотворцы съ вопросом: "это обя-
занности копеек?" Шекспиръ все уйдетъ въ вол-
росость. Когда вы покинете Лиру, они
будутъ знать, въ чьей копеек. Но, что бо
пока не ~~не~~ судьбу несчастнаго старца,
чуждаго прежде всего не исполнитъ по зам-
кнутости. Тогда лишь, когда взаимные
представления и жизнь понятий человека
схлестнетъ представитъ себя самымъ яснымъ,
ему стоитъ ясно, что человекъ такой-де
вправе спрашивать, "зачемъ" по поводу раз-
битой голова близкого, "какъ" "почему" по
поводу падающего кирки. И затѣмъ, не-
тъ въ это, они уже будутъ знать, где и
какъ ему искать ответа на этотъ
вопросъ. Наука запретила его и это запре-
щени для Ламитовъ обязательно. Они
все, что въ богатѣ, взяли у науки. Но
Шекспиръ — и мыслятъ то, что наука дослѣ
поръ не могла считать не только своимъ,
но и возмужавшимъ. Много ^{или} ~~то~~ ^{или} инстру-
ментовъ есть у науки, но такъ же, которые
отказываютъ человеку душой, — у насъ нѣтъ.
И за знаніемъ человека науки судятъ — она
должна идти къ Шекспиру, существова-
ющему поэту, всецѣло вѣровавшему и

Прокладывая в утробу ~~на~~ эти истинные
законописи. И показывается, что, если бы
подать ~~быть~~ предположить бы такую-то, на
и критике среди исторических и ин-
терпретации, в то время мы несли бы
не истинную жизнь, а ту, какая была
бы, если бы мы ели ее устранили, по
тем же правилам, которыми мы находим
справедливости. Но искусство говорило бы
нам, что некоторую истинную неправду о
том, как мы живем. Основание
для того, чтобы говорить такую неправду
вероятно бы полагать вера в идею.
Такое идеалистическое искусство не могло
бы иметь *raison d'être*. Если человек ве-
рит в идею — он, конечно, вправе
этого говорить. Но это не основание для
того, чтобы запрещать людям в эту
идею не верить и обязывать всех изоб-
ражать жизнь идеальной. Вошло, больше
того, такая вера в идею должна слу-
жить основанием не тому, чтобы быть
возможно осторожные (при изображении)
в поэтическом творчестве, ибо здесь можно
легко привести к человеку к разноречию
в том, что он никогда не видел и не
слышал. Какими же образом, идеализм
стал, и этот закончик поэтического
творчества, в общности что Шекспира, ко-
торый так ясно понимал необходимость
говорить правду о жизни. Если бы Перикл
поставил себе такой этот вопрос, то
ему стало бы ясно, что ~~идеализм~~ ~~идеализм~~

Батт одновременно реалистичен и идеалистичен
 только потому, что идеализм есть
 более протест против зоркого реализма. Если
 бы Брандис внимательно изучал Герве-
 нуса, то понял бы, что Мексипур получил
 всевозможные от Зола, что Зола только отря-
 сылся из Мексипура. Зола видит столько же,
 сколько Мюстерт^{или} Кеттис потому что только
 „реалист“. Мексипур видит всю судьбу чело-
 века и поэтому он идеалист. Наука (откры-
 вая законы гармонии в мире, т.е. в природе) ~~в природе~~
~~смысл~~ и в природе ищет своих идеалистов.
 Это те, которые не описывают, видят
 идею, и проникают во внутренний смысл
 мироздания. В этом смысле были идеа-
 листами Ньютоны, Коперник и т.д. Может
 Батт ^{лишь} современникам казался, что
 ищет порядка во хаотичной это благород-
 ное, но с неоправданно сурово. Конечно, по-
 ка какой-то порядок замечается, в чем они
 во все-таки не находят. Много вечно оста-
 нутся случайные, как затопленный, бури,
 извержения вулканов. И они считали „идеа-
 листами“ ньютонов, а себя — реалистами.
 В поэзии, как и в науке, идеалистич-
 ный идеализм свидетельствует лишь о ~~внеш-~~
 глупом понимании жизни. Зола менее пони-
 мает, чем Мексипур — поэтому он и пере-
 живает с крошечной ролью протагониста, а
 художественную грандиозность преоблада-
 ет Мексипур. И так как никто не мог более
 большого поэта, который мог бы сравниться
 по дарованию с Мексипуром (самые же прино-
 сая, что Мексипур превосходит его), то ни

никому из поэтов не удалось до
 сих пор написать „книги человеческих
 чудес“. И только потому идеализм
 Шекспира так бездонно глубок. Не
 силой всезабывающей мечты, и силой все-
 пообещающей, безграничной мысли возро-
 вается великий поэт и великий смерто-
 крещен, дерзавый и стилист. Это не резуль-
 тат его гениальности и оправдывает
 собой действие закона творчества.
 Правда эти законы не могут быть реко-
 мандованы всем человечеству, но и
 нравственные и исторические императивы
 всем людям. Императивы писателя скажут
 Богу: Будь „идеалистом“, когда он не
 чувствует ^{ни} ~~ни~~ потребности, ни возмож-
 ности возврата из рабского подчинения
 инстинкту миру? Императив — или ска-
 жите все, что вы из боли глубочайшей
 можете, как Отелло, Фальстаф, что вы
 любите, как Ромео? Эти истинные законы
 еще в меньшей степени, чем нравствен-
 ные правила могут служить руководству
 для поэта в творчестве. Человеческие до-
 селенности до понимания жизни, то
 понимание нравственности. И на его месте
 истинные законы, как и нравственные
 требования будут для нас непонятны,
 непонятны до конца. Если Шекспир
 всегда ~~создает~~ ~~сам~~ встает, идеали-
 стом, то единственно потому, что
 он всегда ясно видит ясно. У него

[illegible]

Вот они быстро растут, ударя и грозят
нам, а баюбаюют, не уличают нас, а
просвещают. Но прикинулись с их
трагической судьбой не потому, что почти
варить в "идею", а потому, что почти, пройдя
пред нами невидимый душевный миръ че-
ловека, показали, что там происходит в те
бремена, когда перед нами и плачущая разору-
вается то, что мы называем каллоидной игрой
судачи. И судачи, то это мы называем
судачи "ведет" люди не к, "безумию, притуп-
лению, отчаянию и смерти", а к совершенству,
к развитию. Чтобы узнать это, мы не
~~имеем ни малейшего~~ умом, оторвавшись от
привычек предвзудов, ~~забыли~~ не боятся
горя и несаастья, а пойти влады за Миром
ночь бурю и грозу. Там же сидит Менсир.
Он сидит неслепое чело, великие страдан-
ия, он перемалывает все и в горе: он
не побоялся ничего. И этой ценой он купил
великую истину. Он узнал, зачем в горе
Миром, зачем отчаяние человека, не
забыл, что он полюбил себя, не забыл, что он
терзает его - а чтобы взрастать. Этого не
знаете ни один философ, как бы близко к
он и был в аранжировке понятий - он
в лучшем случае будет "идеалистом".
Смерть Корделии останется для него мертвым
как сорисельму и ниративу, как у Кресса.
У Менсира Корделия умирает потому
что, что, после того как объяснена
трагедия Лура, о власти и "судьбой судьба"
уже не может быть прочна. И Варванка
глаза Мастера, и притупленный Эмудер и
смерть Романа и Ретона, и смерть Корделии -

по тому, что хаоса и путч на самом
деле, есть гармония и порядок во
всех мирах. Дететические законы
и искусства, требующие исполнения
и области поэзии всего случайного,
возмущающего душой, подобно мето-
дологическому закону науки, требую-
щему от изобретателя отпущения
порядка во всех мирах, точи-
ке суть категорические императивы
поэтического творчества. Как и
методы науки, они возникли ес-
тественно потому, что кат в жизни
и хаос. И ни у одного поэта исто-
ник с¹о, идеализма не представля-
ется так ясно как у Шекспира.
Его король Лир это трагедия, посвя-
щенная все вопросу: есть ли в жизни
и хаос. Тут дететические законы
были призваны не на помощь, а к суду.
Если и хаос¹ — есть, то кат и не-
мает² быт искусства — вот что го-
ворит вам великая трагедия.
Шекспир видит перед собою только
жизнь, одну жизнь и спрашивает
себя: что значат ее хаос. Ему не
удадется утешить идеализма.
И потому полнит², что в Лире
все хаос, все дикая видима¹ и не-
готовых с²о¹ изображением от

[illegible]

Знаютъ его помяните, Лиръ нѣско-
 лько объяснитъ не потому что трагедія,
 а потому что она. Или видны, что
 Шекспиръ даетъ такое объясненіе,
 и это объясненіе обусловливаетъ
 собою возможность существованія
 искусства и поэзіи. Если (Лиръ не
 былъ объясненъ, то дететическіе зако-
 ны потеряли бы право на существова-
 ніе. Они оказались бы вздорными и
 невозможными. Кто даетъ право
 поэту играть о Лирѣ, о такомъ не-
 зрѣломъ, столько претерпѣвшемъ стар-
 цѣ? Кто вправе по поводу Лира
 сочинять такъ красивые пьесы? Кто
 смѣетъ говорить о трагическомъ
 красотѣ, если ^{трагизмъ есть исторія} ~~дѣяніе~~ ~~аудіа~~ Лира
 не объяснено. Поэзія ~~даже~~ ~~бы~~ ^{созданіемъ} ~~показ~~
 лась бы тогда ~~дѣяніемъ~~ ^{созданіемъ} безпечными
 безсердечными людьми, которые и ^{тогда} ~~никогда~~
 пріисвѣдіа одого мечтаютъ объ дет-
 тикѣ, созерцаа величайшее изъ ко-
 заетій. Но примиреніе поэта со жизнью
 означаетъ инае! Онъ открываетъ
 въ жизни человека всю сложность
 Величайшая трагедія есть ^{бессмысленное} ~~несте-~~
 жаете, а необходимо для самого
 трагическаго героя условие его разви-
 тия. Повсюду, где мы видимъ
 возмущающагося великаго духа
 это — реализмъ Шекспира

Это не великодушная мечта, создан-
 ная поэтомъ въ исполненіи требова-
 ній катерисекскихъ императивовъ
 искусства. Это правда о жизни.
 Поэтъ не знаетъ и не можетъ знать
 катерисекскихъ императивовъ. Онъ
 знаетъ только только человека,
 а не съ понятиемъ. Ради торжества
 понятия, какъ бы возвашено о немъ
 было, поэтъ не пожертвуетъ ни одной
 человеческой едой. Для Шекспира
 есть правда, добрая, человеческая,
 исторія тѣхъ „идей“, которыя
 ученые поэты оправдаютъ все чуждое
 нашему существованію. Онъ знаетъ
 только человека — правдиваго, добраго,
 честнаго, кроткаго. Чтобъ востор-
 жествовала „правда“, чтобъ „чест-
 тель“ имѣющую. Когда либо жисть
 на землѣ улаживается счастье — въ
 неважномъ міра нечто въ немъ,
 борется со стихіями и проклиная
 гонимъ. Это человеческое — эти лица
 и проклятія людей. Исконно ба и
 сей несообразно, они не могутъ и не
 захотятъ покупать свое счастье
 безъ или страданіями старца
 короля. Шекспиръ міру объясняетъ
 міра. Тѣхъ это нужно было, тѣ
 человекъ, твоя трагедія заставля-
 етъ меня грозно допрашивать судьбу.
 Шекспиръ не стужится робко въ двери

тайны, тогда потому в испанском
мало разсказов читателю, что ему можно.

Шекспир так сражается, что не
отвѣтитъ ему никто. Но въ томъ ему
случается тѣ эстетическіе законы твор-
чества, которые представляются пер-
вусу историческимъ, ^{обыкновеннымъ} ~~разношерстнымъ~~
требованиямъ искусства. Шекспиръ,
какъ величайшій изъ поэтовъ т.е. вели-
чайшій изъ когда либо существовавшихъ
людей умныхъ спросить жизнь, ибо онъ
не можетъ жить безъ отвѣта, безъ объясне-
ній. И это — первое условіе творчества.
Нужно вѣрно существовать почувствовать
нужду въ творческой силѣ жизни, нужно
узнать отъ жизни Дура. Тогда только
у человека выйдетъ тотъ властный голосъ,
на призвъ котораго откликается вся
природа. Великій человекъ — прежде всего
великій страдалецъ. И потому, побѣдивъ
вновь, сохранившись матеріалъ для бо-
радіи Шекспира — мы считаемъ совершенно
непригляднымъ. Помнишь того, что онъ
вообще не способенъ осветить его дѣ-
ятельность, въ немъ нѣтъ даже сколько
нибудь достаточныхъ указаній той собствен-
ной душевной трагедіи, которая привела
его къ такому ряду его лучшихъ произведений.
А Дура Шекспиръ вознесъ насъ изъ свои-
хъ души. Не чуждо, а свое собственное
несчастіе разсказавъ намъ поэта. И
объ этомъ бо-радіи ^и въ актѣ о похоронахъ
Земли, въ которой даже только его друзья

не могут отожествляться. Мекензи
перескажет глубоко роковые потрясен-
ия, но не знает. Оно освятило
силу жизни, оно объяснило эту закон-
ность возмущения человека против
судьбы. Мекензи не корит Глостера
и Кента за их богоулыбливую
роль. Они не могут иначе говорить,
они больше о жизни не знают. Мир
варваров прочли дочери Глостеру варвар-
изма, повесили Корделию — такая судьба,
которая приводит к этим часам,
заслуживает прощания. И тот, кто
все это видит, примиряется с жизнью,
в какой бы то ни было форме, тот
либо сознательно лжет, либо иную
жизнь, не слышит, иными глазами — не видит.
Но Мекензи не Кент, не Глостер и
не Мир. Он над всеми, над
всеми героями своих трагедий. Там
где для них драка, где идет каждая
видеть одну лишь свою победу, ~~сам~~
потом, самый переломный великий траг-
едий, чувствует необходимость горь-
кая, чувствует его, как и закон-
ность счастья. Это — второе условие
возможности существования траг-
ической поэзии. Показав, что ~~нельзя~~
нарисовать ~~не~~ ~~нельзя~~ нечаянно,
делая предельно, роковое, божественное
и затем объяснить сложное сло-
во ~~нельзя~~ ~~нельзя~~ ~~нельзя~~.

Для исполнения этой задачи нужно
самому испытать человеческое горе
и страдая не пасть духомъ, не искать
забвения, а бороться съ судьбой. Байронъ
былъ великимъ поэтомъ, но не божьимъ
Шекспиромъ. Въ его всей силе своей
царственной натуры чувствовалась не-
мощность жизни, но Шекспировской мощи,
давшей великому поэту возрождения
возможность взглянуть прямо въ лицо
этой ужасной действительности, у Бай-
рона не было. Онъ догадывался больше проли-
пать жизнь, но не понималъ ее. И все-
таки, ~~каждый~~ если не понимаетъ жизни,
догадка придетъ къ сепскимизму.

„Идеализмъ“, спасающій отъ сепскимизма
оказываютъ плохую услугу человечеству.
Мордзи, вообще великий парковъ чужды
лишь безнадежно больному ~~чужды~~ чужды.
Идеализмъ свидѣтельствуемъ мнѣ
о скрытомъ сепскимизмѣ и человѣчес-
кой слабости, ^{ибо онъ предполагаетъ,} ~~идеализмъ~~ идеализмъ,
что есть возможности вполне прижи-
ваться съ жизнью, — а Байроновская
чуждость не признается его. Идеализмъ
можетъ держаться лишь до той поры,
пока человечество не испытало себя
права на понимание своего срединъ.
Гербинеръ догадался, что Шекспировскія
произведения общаго ражн ваю тѣ
дѣйствительно итъ и ему этого было
достаточно. Но Байрону — этого было
мало, самого Шекспира, автора Лира,
это еще меньше удовлетворило бы.

типичного героя. Вещь и всегда трагическая красота
у Шекспира и в обозначает превращение грубой силы
в совершенную. И участь трагических героев —
стать то, что прикируют Шекспира в жизнь.

Вещь и по поводу юри, который встала на долю
такой сложной задаче, не забыть, а наоборот —
отправить. Удар судьбы не забыть людей,
а наоборот — и. И так, что красота такой
примечательной человек, как Пугачев (Сидор)
иного объяснения, кроме (отказано) от своего ста-
вить много вопроса. И так, почему — Шекспир
неизменно и обязательно спрашивает: „зачем“
И на это „зачем“ — у него есть всегда ответ.

Гамлет, который по природе (или плохой) мысли-
тельности) не способен и предположить этого вопроса. Ему
так очевидно, что, если кирка разобьет голову
человеку, то требуется объяснение или падение
кирки, а разбитая голова разумеется
сама собой, как „следствие“ падения кирки.

Вещь за Гамлетом и так повторяет
такой же размышления с той или разницей,
что Гамлет, который собственная голова постаре-
ла с часами говорит в случае, тогда же
и философия — с радостью, с торжествующей. Но
они так привели к вопросу кирки над
человеческой судьбой, что сама мысль о
возможности варьировать или владеть и содей-
ствовать предикатам, как бы или фикой. Как
они начинают Шекспир — все, истинной поэты,
сильно и глубоко чувствует смысл и цу-
ность человеческой мысли, чтобы допустить
возможность такого господства. Этот человек
видит в человеке мысли, так же истинно
вызывает в нем потребность владеть
своей или своей. Гамлет начал думать
(или переживать „истинно“) тогда же пришло
к нему истинно. Как и так же истинно,
он же — и в момент начала сразу и так

понимать жизнь, что покидают горько поре-
 жать збавро вильямити, мечется он ^{среди} ~~в~~ ~~среди~~
 понятии, полагая, что они могут ему
 вступить в поход. Но они — рожисты, закрыв-
 ающие владя. Кучаю еломятв их, кучаю
 вприветств из них, кучаю преситв молиит
 т-с. напоитв свою душу, пробудитв от
 философского сна. Тогда лишь оно отанет,
 что ничего в мире не может пожить
 человеку защищать евоисловеческий право,
 что участь Брута нестрашна, а приемле-
 ма. Тамлету у Лира чудно учитвас,
 у Лира проклявшаго стили, в шедущем
 войлой против буря дича, молли и прона.
 Этого король отъ голова до ног, когда у
 него отъ плеч до королевских достоинств,

и тот же обратитв в толпе, чувств, все-
 ние ^{ниже испугав} ~~вотник~~ (пооща, кеситри на свои ~~вотник~~
 противв вей природы.) Как Коріолаус он
 рикликает, крикнул он вей природе!

Вантв док — и шокно вает. Так

Шекспир покидает и губит вуетв чело-
 века. ~~Каждо~~ Он знает, что камень разди-
 ваетв камн голову — и камень не слугитв
 со. Он возбудил таких героев, на которых
 со всех сторон сапали камн — ~~и~~ и
 они входили у него победителями. Они не
 идики, — а роки. Этого великий нравствен-
 ный, некоммунистический закон не может быть
 таин ^{идеи} ~~подписан~~ в обаяющей жизни, где рост
 человеческой души происходит медленно, ~~осте~~
 нежно — и потому каменити. В трагедии —
 из земли воступает, и ~~там~~ ~~там~~ ~~там~~ ~~там~~
 сильное удар судьбы вая ваетв более роки
 реакции в иае, чим маленькие точки восте-
 атств. Некаетв в дено галтв человеку
 то, что он не уживет в, явля ~~роки~~ ~~роки~~ ~~роки~~

За четыре десятилетия. И эти не игра-
 мизмы "Искетира, повторить еще раз.
 Это то, что вписано и не из жизни.
 Визуально, эти почти царь, они выглядят
 это, но они умны, такие различия, где
 для нас - один мир, но они такие разные
 думать, где показаны, думать не знают.
 Философы, не владели эти царь стили
 своим написанием, сами не исповедовались
 такими же ударами, поехали вращаются
 в Лангетте, который умно под оболочкой
 человека различия своего, но ^{не знает} ~~задавал~~
 это еще под терпением этих человек,ambu-
 ии, чувствующий, страдающий, ищущий
 радующийся. Но все, все наши помысли -
 Лангетте, Но все не слышит ~~всего~~
 и думать в своих человеческих правах,
 справляться в своих судьбах. Как при-
 била, унизительно наука и в лужу
 случаи на рождала противу поставили
 кипищу - ифантизм, как сдвиги ^е ~~к~~ ^е ~~к~~
 критики. Но Искетире противу поставили
 кипищу - король в то голова рожи
 показаны как, эти кипищи - слушать
 Мир. Вот в чем смысл и сущность
 философии Искетира. Это был не подо-
 чился пороги и Фальстафу, Шейлоу,
 Ано, Манбету - чтобы заигрывало и
 право противу людей и природы. Магумали -
 это был негодяй и злой, преступник,
 чуждая наплевист коварный "царь, обви-
 няющих судьбу. Наши философы разста-
 зачи, что они не исполняют требования
 исторических императивов, что они
 веруны, что у нас черная душа.

Но поэт говорит нам: "и здрот",
нак и вс, здрот, "и здрот". Есть люди,
глаголющие много не королю, много
знаю — но не потому, что они не понимают
глаголющие пороки, и потому, что они не
рою, а не знают. Ах, не плати, а чини
надо. Мы не сможем говорить, радости,
исключено — была Фалопия, моя поэма гордится
Мейноном, починает его, удивительней
макбей — прощ. Не потому, что забыли
объём, а не здрот. Разве можно забыть
Фалопию, а не из поэмы Макбей, Оттого,
Фалопия? Не потому, что поэма объясняет
наше преступление, (и это то, что) не
содержит нас наших братьев. Но не
бесправствности, как Макбей, как
наша душа человека, пробиваясь
в чужую душу, говорит нам: поэма. Но не
ниже, в душе человека, что бы не могло
уплотнить время, поэма Макбей и
наше, что все о нас, не сможем его
руки крови черт. Преступление неслучайно
Но преступление — неслучайно и то, что оно
свершено человеком, а то что оно произошло,
что пошло люди. Мы полагаем, что, когда
Макбей убил Фалопию, то здрот не был
несчастия! Макбей стоит убийцей, Фалопия
убитый. События неслучайны! Все
равно Фалопия не бессмертна. Но убийца —
это дано, "и здрот" — великий, великий,
печальный. Макбей сказал нам:
Макбей — убийца. Люди сами создали
представление о бине, что такое, как
возвративши преступника к себе на себя
самом — тяжесть совершающего преступ-
ления, они не находили возможности ограды
смерти. Поэтому они и говорили! Убийца

на войне - хорошо, стовисо, ~~убитъ~~ ^{убитъ} ватага
убитъ человека дастъ золотое имя; убитъ
въ мирное время дурно, убого - за это человеку
даётся страшное имя преступника, убитъ,
хоть и говоритъ: убитъ человека на короле
только потому, что этотъ въ сокращаетъ
его жизнь. Свернуть же нечто такое, за что
душа будетъ предана вѣчной апаши
невозможно. Такую апаши создали
люди для своихъ чужихъ. Это нехужно
чтобы не изъ бѣззаконности преступ-
ники, а чтобы не сдѣлать дурно другимъ
людямъ, какъ добро лучше что не
дѣлать, чтобы ^{самому} быть хорошимъ, а чтобы
другимъ было хорошо. Другое все похоже
на тѣхъ, на твоего отца. Не добро чужо,
алюди, каждому человеку дурно, каждому человеку
хорошо. Добро все покаяние, истощение
дѣлать, которому люди поклонились до
тѣхъ поръ, пока не узнали великой тайны, что
дѣлать лучше для людей, а не люди для
дѣлать. И тотъ, кто поклонился дурно,
кто ослушалъ императивъ не осужденный,
не продавший дѣлову чужимъ преступникамъ, а человеку,
оторвавшись отъ бѣззаконности и поцѣпъ изъясну
возвратился. И тотъ такъ! Шекспиръ не
проповѣдуетъ чуждую пошлость. Шекспиръ
никогда не проповѣдуетъ. Въ только расска-
зываетъ какъ много такъ, что не знаетъ.
И изъ его рассказы въ внутреннюю пережива-
нность человека вѣщается, то, что мы каза-
ваемъ нравственностию. Только въ этомъ
видѣ. Шекспировская нравственность много
не повелеваетъ. Указываетъ на приказанья,
на солдатъ, для исполнения законовъ, на
страшныя приговоры для людей. Но въ дѣлѣ,
говоритъ какъ великій поэтъ. ~~Важно~~

не знает, не чувствует. Дома такие
аристократы, эти Фуклану такие люди
жить, как и в них, что любовь Ронсо. Лучи
этих интриг Фальстафа, что свобода лучи
этих зрелища и жаровой любви, и в них
искусно думать, что ^{книж-то} (не разрозненно убивать),
разбрат читать, бить рабаши, ~~и так~~
~~убивать не так~~ Никогда таких
постановлений не издавали, никому во
услугу не оказывали если исполните
повеления, или нарушите их и никакого
наказания или награды за ту или иную
жизнь вам не будет. Но вы станете строить
созреть и поймете тогда, что эти повеления
суть условия лучшей, лучшей жизни. Почувство-
вав в Фуклану брат, со всеми от него
удивляться, как в могилах волеет и каково
руку и как это, внося руку, в думали
не отомы, что вы укрепит, а что в состоянии
убийцы или. Фальстаф сам когда-нибудь,
когда станете Ронсо, будете думать
тому, что могут добавляться аргументы
пополнениями. Великий Царь утверждает
тому, что и скажи работорговцев римской черни
короля и египта. ~~Греческий~~ Пирь в 80 лет
прожить Кордусию и Нехта, что в тот момент
через несколько недель в перо и индий мидий
на всю свою провинцию жидко. В то время были
еще ребенком, в свои 80 лет, не смотря на
свою могучую силу. И в несколько недель
он стал человеком, великим человеком
и в то же время судьба не наказывает и
не убивает. На все в нем и в нем. В нем
только, как счастлив из него, в нем
участие похвалы. В нем страшно, в нем

Видите берега, вы знаете, вам
 кажется, что вы топите. И в отчаянии,
 вы видите ее замкнутую душу отов-
 стражи, откуда никогда не возвращался
 путник. Но вы ничего не узнаете.
 Не туда глядите, глядите в собствен-
 ную душу, старайтесь понять собствен-
 ную судьбу. И тогда вы узнаете!
 Вы не добача случая, не оскверт вы судьбу,
 а грехи и судьбу. Все для вас — не ке-
 затник, чтобы вы жили в приятном
 покое, оставаясь Фалоставрами, а затник,
 чтобы вы росли, обращались в Брутовы.
 Узнайте Брута ему не страшно, и вам
 должна быть не страшно. Вам нужно
 бороться или греховой опатии, освободиться
 отъ обязанностей, отъ касты, которы
 носят лишь славу и хроник. (Вс равно-
 наетунитъ ваше время)

и есть из своего сочинения. Для доказательства
 эти все относятся к „титулу изобретения“
 который нужно рассмотреть со стороны памяти,
 в отношении к бирме, кель, ~~титулу~~, роковой
 баггасе, титлу корабль ко дну, а не даи-
 ски или равковей. Рассказы повеса Франца
 прозвучать страшно, в скорбительной настойчи-
 вости. И вот мы слышим: „слава, слава, слава...“
 вы слышите, почему знает, кто знает „vor
 lauter den den der Handels vergeren“!...

на которых
Уил и другие события практической мудрости бы-
почина. } И тогда не имеет смысла эти, не забыва-
ющие люди обладают какой-то тактичной про-
мышленностью. Практические герои всегда на-
ходятся окружены и окружены. (И не только непра-
вильно обстоит), ~~Вот так обстоят, великое дело~~
Никто никогда не сожалеет о том, что
что-то и так же обстоят, великое дело
и великое страдание, великое безразличие, великая
печаль. "Дума", "Рассказ", "История" - эти и
гражданские Миссии и другие события
своего. Это дано было в устье, великое
страдание, великое безразличие, великая печаль.
Что можно противу поставить этому? Это-ли
не вечное осуждение? Но повторять - своего
осуждения и так же принять не может, хотя
бы твоему раю было бы ему дано его бесче-
стие. Никто не отвечает судьбы перемены
большая часть. Это значит - "великое
большое страдание, великое безразличие, великое не-
удача не являются мной, а являются мной; не
противу меня - а за меня". Это значит,
это наиболее парадоксальной моменту Ник-
мевской философии - так противостоят
и в своем отношении к своим представителям.
А еще готова прожить Миссию по "Мандата".
Вот так только Горитесь только о своем,
о своем. Можно еще допустить такую борьбу,
до тех пор представляется почти безразличной.
Может быть много и так же в своем и в своем
и можно надеяться, что все будет так же,
но при практической и так же в своем и в своем
близко доходит на всегда отказываясь от, что-то.
как же так обстоит не пришло к своему
человеческой души. Это Миссия Дирь, что-то
большая свое душевное состояние говорит,
что он находится (привести). Везде это сра-
жение безразличия, повидимому. Это разорен-
ный и так же в своем и в своем? В своем

361 x 225

лучшего выражения истинности не только посто-
раств. Трагическое положение именно в том
и состоит, что человеку приходится ~~выбирать~~
между двумя человеческими. Главное, что он
отъ от своего права ~~выбирает~~, ~~что он~~ ~~выбирает~~ не
отназывается. ^{там человек} ~~тот~~ ~~что~~ ~~в~~ ~~романовой~~ ~~момента~~
~~отражения~~ ~~отъ~~ ~~себя~~ ~~своей~~ ~~воли~~, ~~на~~ ~~что~~ ~~на~~
свободу ~~отражения~~ ~~судя~~, ~~тот~~ ~~что~~ ~~тот~~ ~~самый~~
~~то~~ ~~от~~ ~~самый~~. В трагических ситуациях
всего ~~известно~~, ~~все~~ ~~противно~~ ~~об~~
наше ~~важные~~ ~~разума~~, ~~мысли~~. Суть ~~достоин~~
на ~~того~~, ~~что~~ ~~трагедия~~ ~~должна~~ ~~быть~~ ~~из~~
на ~~на~~ ~~власти~~ ~~философии~~? Или, наоборот,
философия ~~должна~~ ~~подготовить~~ ~~при~~
поэзии, ~~которая~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~в~~ ~~трагедии~~ ~~на~~
лучший и ~~благороднейший~~ ~~материал~~? Или
Ничего ~~такой~~ ~~вопрос~~ ~~и~~ ~~не~~ ~~существует~~.
Это философия ~~для~~ ~~лиц~~ ~~свечением~~ ~~итогов~~
его ~~трагической~~ ~~жизни~~. От ~~того~~ ~~она~~ ~~звучит~~
таинство ~~разумит~~ ~~хорошо~~ ~~сам~~, ~~от~~ ~~того~~ ~~они~~
находятся ~~лишь~~ ~~почти~~ ~~чужеземной~~ ~~брани~~
~~такой~~ ~~против~~ ~~здорового~~ ~~смысла~~. И ~~можно~~, ~~опять~~
среднего ~~чужеземия~~ ~~и~~ ~~мирится~~ ~~с~~ ~~философией~~
Ничего. ~~Сам~~ ~~и~~ ~~или~~, ~~наоборот~~, ~~трагически~~
опять ~~должен~~ ~~судить~~ ~~проблемы~~ ~~на~~
философской ~~миросозерцании~~? Обруши ~~словами~~
чужды и ~~на~~ ~~отвернувшись~~ ~~от~~ ~~трагических~~
переживаний, ~~или~~ ~~испытать~~ ~~всего~~, ~~или~~ ~~в~~ ~~каждом~~
разных ~~проявлений~~ ~~жизни~~, ~~различные~~ ~~бытия~~
вопросы ~~человеческого~~ ~~существования~~. Но ~~та~~
даже ~~уже~~ ~~ответил~~ ~~на~~ ~~этот~~ ~~вопрос~~. Что
лучший ~~произведения~~ ~~потенциального~~ ~~творчества~~
всегда ~~имели~~ ~~своими~~ ~~содержательными~~ ~~трагическими~~
моментами ~~или~~ ~~жизни~~ ~~т.е.~~ ~~роман~~ ~~стоял~~ ~~на~~
любви ~~с~~ ~~счасть~~ ~~близкой~~ ~~природа~~. И ~~в~~ ~~жизни~~
такие ~~отражавшиеся~~ ~~на~~ ~~тот~~ ~~только~~ ~~положения~~,
и ~~но~~ ~~тогда~~ ~~к~~ ~~не~~ ~~может~~ ~~быть~~ ~~никакого~~
блага. ~~И~~ ~~или~~ ~~уже~~ ~~мирится~~ ~~с~~ ~~жизнью~~.

На этот вопрос разнѣ люди разнѣ отвѣ-
щаютъ. Но, которые трагедіи не кончались
посредствомъ или непосредствѣнно - предначертанъ
отъсрочиваніемъ дѣйствій, про что поели и заравно
судьба, илюстрація которыхъ при обычныхъ усло-
віяхъ бытія не можеть быть подвергнута
какому соображенію. Они допускаютъ еще изобра-
женіе трагическихъ моментовъ въ полнѣйшихъ
проявленіяхъ, и въ неслыханно малыхъ иудовъ, но
всегда такъ, что, великое страданіе,
вѣчно безотрадно, величайшее изъ всѣхъ въ представленіи
на сценѣ не перестаютъ быть также и раз-
личны и въ обратныхъ случаяхъ, и тѣмъ же
методическимъ приложеніемъ и величайшихъ иудовъ. Ахъ, страданіе души

[illegible]

[illegible][illegible]

2. Продолжение.

Примечание:

Соответствие между книгой "Шекспир и его критика Брандес" изданной в 1911 г. и манускриптами № 1 и № 2.

<u>книга книги</u>	<u>манускрипт</u>	<u>книга книги</u>	<u>манускрипт</u>
I: 9	1: 9'	<u>XIX</u> : 178 - 188	2: 105 - 111'
9 - 17	1: 19' - 24	<u>XX</u> : 188 - 194	2: 111' - 115'
II: 17 - 31	2: 1 - 8'	<u>XXI</u> : 194 - 202	2: 115' - 121'
III: 31 - 39	2: 9' - 15	<u>XXII</u> : 202 - 207	2: 121 - 126
39 - 44	2: 26 - 29	207 - 212	2: 128' - 131'
44	2: 15	212	2: 126
IV: 44 - 50	2: 15 - 18	<u>XXIII</u> : 212 - 215	2: 126' - 128
V: 50	1: 40	215 - 217	2: 131' - 132'
50 - 51	1: 41 - 41'	<u>XXIV</u> : 217 - 226	2: 135 - 137'
51	2: 22	<u>XXV</u> : 226 - 229	2: 138 - 140
51 - 52	1: 42	229 - 234	2: 145' - 148'
52 - 53	2: 22' - 26	<u>XXVI</u> : 235 - 236	2: 148'
<u>VI</u> : 53 - 68	2: 30 - 35'	236	2: 149 (I)
<u>VII</u> : 68 - 74	2: 35' - 41	236 - 238	2: 149 (II) - 150 (IV)
<u>VIII</u> : 74 - 82	2: 41 - 46'	238 - 241	2: 151 - 152'
<u>IX</u> : 82 - 94	2: 46' - 52'	242	— ③
94	1: 46' ; 2: 53	<u>XXVII</u> : 242 - 245	2: 153' - 155'
94 - 95	—	245 - 246	—
<u>X</u> : 95 - 105	2: 55 - 61	246	2: 157' ④
<u>XI</u> : 105 - 111	2: 61 - 64'	<u>XXVIII</u> : 246 - 250	2: 158 - 160
<u>XII</u> : 111 - 119	2: 65 - 69'	250 - 251	—
<u>XIII</u> : 119 - 129	2: 70 - 74	251 - 252	2: 160 - 161
126	1: 44' ①	<u>XXIX</u> : 252 - 256	2: 161' - 164'
126 - 127	1: 44' ②	257 - 258	2: 165 - 165'
129 - 130	—	<u>XXX</u> : 258 - 265	2: 165' - 171
<u>XIV</u> : 130 - 139	2: 75 - 76'	<u>XXXI</u> : 265 - 271	2: 171 - 174'
<u>XV</u> : 139 - 153	2: 77 - 86'	<u>XXXII</u> : 272 - 278	2: 176' - 180
152 - 153	1: 55' - 34	278 - 282	—
<u>XVI</u> : 153 - 161	2: 87 - 92'	282 - 295	1: 47 - 53' ; 61'
<u>XVII</u> : 161 - 168	2: 92 - 94		2: 188 - 200' ⑥
168	2: 99		
<u>XVIII</u> : 169 - 174	2: 99' - 105		

① короткая цитата из Брандеса "William Shakespeare". Папуа, Keeslag om Albert Langen

② короткая цитата из Брандеса, стр. 440.

③ вариант конца и. XXVI — 2: 152' - 153

④ вариант конца и. XXVII — 2: 153' - 157'

⑤ 11 вариантов

⑥ вариант, большинство которого не вошло в книгу.